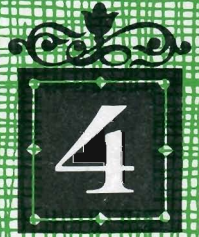

ISSN 0132-1366

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

СЛАВЯНО ·
ВЕДЕНИЕ

1996

«НАУКА»

СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1965 г.

1996

ИЮЛЬ •

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

АВГУСТ •

Содержание

СТАТЬИ

<i>Кишкин Л.С.</i> (Москва). Русская эмиграция в Праге: печать, образование, гуманитарные науки (1920–1930-е годы).....	3
<i>Кьосева Ц.</i> (София). Русские художники-эмигранты в Болгарии.....	11
<i>Адельгейм И.Е.</i> (Москва). Психологическая проза Польши межвоенного двадцатилетия.....	24
<i>Молошная Т.Н.</i> (Москва). Грамматическая категория глагольной репрезентации в современных славянских языках.....	35

СООБЩЕНИЯ

<i>Желицки Б.Й.</i> (Москва). Элита партийной власти о характере и содержании событий 1956 года в Венгрии.....	45
<i>Малиева Э.</i> (Братислава). Заметки переводчика (Андрей Белый. "Петербург").....	51

ПУБЛИКАЦИИ

<i>Соколовская О.В., Чуркина И.В.</i> (Москва). Переписка греческой королевы Ольги Константиновны Романовой с генералом А.А. Киреевым.....	57

МАТЕРИАЛЫ КАРПАТСКИХ ЭКСПЕДИЦИЙ

<i>Николаев С.Л.</i> (Москва). Ударение существительных с <i>a</i> -основами в карпатоукраинских говорах (материалы).....	74

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

<i>Васильев М.А.</i> В.В. Седов. Славяне в древности.....	97
<i>Фрейденберг М.М.</i> I. Voje. Nemirni Balkan. Zgodovinski pregled od 6. do 18. stoletja.....	104
<i>Болдов А.В.</i> Rola i miejsce Polski w Europie. 1914–1957; S. Gregorowicz, M. Zacharias. Polska-Związek Sowiecki. Stosunki polityczne. 1925–1939.....	106

<i>Петрухин В.Я.</i> L. Moszynski. Die vorchristliche Religion der Slawen im Lichte der slawischen Sprachwissenschaft	107
<i>Поп И.И.</i> P.R. Magocsi. Historical Atlas of East Central Europe.....	111
<i>Лаптева Л.П.</i> А. Гугнин. Серболужицкая словесность в эпоху Просвещения. Краткий обзор; А. Гугнин. Серболужицкая литература в эпоху романтизма. Из серболужицкой поэзии; Zd. Boháč. České země a Lužice; Zeszyty Łużycki.....	113
<i>Тананаева Л.И.</i> И.И. Свирида. Сады Века философов в Польше.....	117
<i>Злыднева Н.В.</i> Руска емиграција у српској култури XX века	119

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Журавлев В.К.</i> "Дело славистов" – трагедия отечественной науки.....	122
Новые издания Института славяноведения и балканистики РАН.....	125

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

А.И. РОГОВ (главный редактор), **М.А. ВАСИЛЬЕВ** (отв. секретарь),
Г.К. ВЕНЕДИКТОВ, **В.К. ВОЛКОВ**, **Р.П. ГРИШИНА**, **А.А. ГУГНИН**, **М.С. КАШУБА**,
В.И. КОСИК, **Г.Ф. МАТВЕЕВ**, **Г.П. МЕЛЬНИКОВ**, **В.В. МОЧАЛОВА**,
С.В. НИКОЛЬСКИЙ, **Ю.С. НОВОПАШИН**, **В.Я. ПЕТРУХИН**, **М.А. РОБИНСОН**,
Л.А. СОФРОНОВА (зам. главного редактора), **Б.Н. ФЛОРЯ**,
Т.В. ЦИВЬЯН (зам. главного редактора)

Зав. редакцией *И.И. Бизяева*

Сотрудники редакции *Авакова Л.А.*, *Васильев М.А.*, *Веслова И.Ю.*,
Кошкина Е.А., *Масленникова Е.Н.*, *Стемковская Ю.Е.*

Рукописи представляются в редакцию в двух экземплярах объемом: статьи – не более одного авторского листа (24 стр. машинописного текста через 2 интервала); сообщения – до 16 стр.; рецензии, заметки о научной жизни и т.п. – до 6–7 стр. машинописи. Рукописи, оформленные без учета принятых в журнале требований, к рассмотрению не принимаются; рукописи не рецензируются. В случае отклонения рукописи автору возвращается один экземпляр, другой остается в архиве редакции.

© 1996 г. *КИШКИН Л.С.*РУССКАЯ ЭМИГРАЦИЯ В ПРАГЕ: ПЕЧАТЬ, ОБРАЗОВАНИЕ,
ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ (1920–1930-е годы)¹

Издательская деятельность оказавшихся в Праге русских эмигрантов была весьма насыщенной и разнообразной. Ими был организован целый ряд издательств. К наиболее ранним из них относится издательство "Наша речь", основанное в 1919 г. преподавателем Карлова университета Б.В. Морковиним. Оно издавало буквари, русских классиков (Пушкин, Гоголь, Достоевский, Салтыков-Щедрин, Толстой), сказки, книги о русских художниках, учебники. У издательства имелись свои магазины, в том числе "Русская избушка" на Вацлавской площади.

В марте 1923 г. "Наша речь" была преобразована в новое издательство – "Пламя", которое возглавил профессор Е.А. Ляцкий². Несмотря на жестокую конкуренцию с берлинскими русскими издателями, "Пламя" вскоре стало одним из крупнейших, если не самым крупным, зарубежным русским издательством. Особенно это относится к трем первым годам его существования. У издательства были свои отделения и представительства в Варшаве, Харбине, Лондоне, Риге, Ровно, Париже, Прешове, Ужгороде, Мукачево. Им были выпущены сотни самых различных книг (художественных, словарных, по литературоведению, истории, экономике, философии, естествознанию, математике, военному делу и т.д.). Под редакцией С.П. Мельгунова, В.А. Мякотина и Е.А. Ляцкого в "Пламени" выходила серия историко-литературных сборников "На чужой стороне" (вышло 13 выпусков). Они представляют особый интерес, так как содержат множество малоизвестных культурно-исторических материалов, в частности, воспоминаний очевидцев о революции и гражданской войне. О характере этих сборников позволяют судить некоторые из материалов, вошедших в XIII выпуск сборника: «Неизданные отрывки из романа Л.Н. Толстого "Декабристы"»; Н. Боборыкин "Толстой – Вероучитель"; А. Аргунов "Без свободы"; Д. Пасманик "Советский уездный город"; В. Философов "Михайловское после Пушкина"; С. Мельгунов "Несколько документов о декабристах"; В. Мякотин "Из недалекого прошлого"; А. Кизеветтер "Валишевский об Александре I"; Ант. Флоровский "Россия на заре великих реформ (1857–1862 гг.)" [3]. Издательство "Пламя" выпускало еженедельную газету "Огни", а с 1925 г. журнал "Славянская книга". В склады издательства стекались не только собственные издания, но и книги других издательств. В этом смысле оно выступало популяризатором и распространителем всей русской зарубежной литературы.

До 1923 г. в Праге существовало "Славянское издательство – Кремль" (его

Кишкин Лев Сергеевич – д-р ист. наук, ведущий сотрудник Института славяноведения и балканистики РАН.

¹ Настоящая публикация продолжает и детализирует нашу статью, посвященную общей характеристике истории и культурной жизни русской эмиграции в Праге [1].

² Сведения о живших в Праге русских ученых, занимавшихся историей и культурой славян, см. [2].

организатором был издатель газеты "Русское дело" Г.О. Тилль), в нем печатали произведения Достоевского, Тургенева, Лескова, Помяловского, Мамина-Сибиряка, а также Брет-Гарта, Дж. Лондона, Гамсуна, Франса, ряда славянских писателей. Одной из репрезентативных публикаций "Кремля" стал "Сборник стихотворений известных и новейших русских поэтов" (1921), в который вошло 800 стихотворений 80-ти авторов. Однако издательство не выдержало конкуренции с издателями русских книг в Германии, чья продукция была дешевле.

Основанное в 1922 г. в Праге бывшими эсерами А.А. Аргуновым, А.Л. Бемом и С.С. Масловым издательство "Крестьянская Россия" специализировалось на выпуске брошюр по вопросам аграрно-политическим. В нем издавались периодические сборники "Крестьянская Россия", "Вестник Крестьянской России", «Бюллетень "Крестьянской России"». С 1927 г. издательство находилось в ведении вновь созданной Трудовой крестьянской партии, поддерживавшей связи с чешскими аграриями.

Еще одним заметным русским журнально-издательским предприятием в Праге была "Воля России". Помимо журнала с тем же названием, оно выпускало книги, по преимуществу политического содержания.

Насколько интенсивным было издание русских книг в Праге, говорят цифры. В 1925 г. за пределами СССР книги на русском языке издавались в 32 городах. Вот как выглядит количество книг, изданных в первых десяти из них: Берлин – 184, Прага – 111, Париж – 72, Рига – 62, Харбин – 27, Белград – 23, София – 20, Нью-Йорк – 17, Ужгород – 16, Варшава – 10 [4. С. 63].

В тесной связи с деятельностью издательств находился выход ряда периодических русских изданий. Их в Праге было тоже немало, в середине 20-х годов – 18. В этом отношении Прага стояла на третьем месте в Европе после Берлина (58) и Парижа (27) [5. С. 137].

Ежедневные газеты не получили большого распространения в Праге, чаще всего это были еженедельники, обычно посвященные повседневным событиям жизни эмигрантов. Лишь некоторые из них затрагивали вопросы культуры. В этом отношении среди них выделялась уже упоминавшаяся газета "Огни" (1923–1924), имевшая подзаголовок: "Еженедельная газета культуры, науки, искусства и литературы", в ней почти не затрагивались вопросы политики, но уделялось много внимания культурной, научной и общественной жизни русских эмигрантов, теме русско-чешских связей. В газете печатались: из ученых – Кизеветтер, Ляцкий, Лапшин, из писателей – Вас. Немирович-Данченко, Цветаева, Ходасевич, Бальмонт, а также В. Булгаков и М. Слоним.

Другой газетой, помещавшей материалы о культурной жизни России, а также русско-чешских связях в области культуры, была "Неделя" (1925–1930). В ней печатались переводы сочинений чешских авторов, писавших о России, и статьи русских о Чехословакии, в частности, А.В. Флоровского. Ряд еженедельников – "Единство" (1931–1939), "Новости" (1934–1941), "Дневник" (1931–1938) – стремился к объединению всех русских эмигрантов, развитию чешско-русских связей, предостерегал от денационализации.

Несравненно большую роль в удовлетворении духовных запросов эмигрантов играли толстые журналы. К числу наиболее ранних и очень популярных из них относится "Воля России", начавшая выходить в 1920 г. как газета, а через два года превратившаяся в журнал (1922–1932). Его издавал известный народник Е.Е. Лазарев, а редактировали В.И. Лебедев, М.И. Слоним, В.И. Сухомлин и Е.А. Сталинский. Этот журнал информировал читателей о текущих событиях в России и других странах, особенно славянских, печатал общественно-политические статьи в духе позднего народничества, исторические воспоминания, и, что особенно привлекало к нему, уделял много места художественной литературе. В нем печатались произведения А. Ремизова, Б. Зайцева, А. Черного, Вас. Немировича-Данченко, М. Цветаевой, К. Бальмонта, В. Ходасевича, Е. Замятина, а также Л. Леонова, И. Бабеля, Б. Пастернака, М. Волошина и др. Нередко на страницах журнала появлялись работы В. Булгакова о

Л.Н. Толстом, переводы чешских поэтов (Волькера, Махара, Врхлицкого, Совы, Безруча, Бржезины), сочинения Р. Роллана, А. Франса, Т. Манна и др. "Воля России" и издания "Крестьянской России" нередко диспутировали между собой. "Волю России" знали и читали не только в Чехословакии, журнал можно было купить во многих странах Европы, а также в США и Китае.

Одним из немногих иллюстрированных русских периодических изданий был литературно-художественный и научно-публицистический журнал "Студенческие годы" (1922–1926), который первый год издавал Союз русских студентов в Чехословакии, а затем ОРЭСО – Объединение русских эмигрантских студенческих организаций. В свое время это был один из наиболее интересных эмигрантских журналов, отличавшийся широтой тематики. И хотя в нем освещались также вопросы студенческой жизни, но главное место занимала литература и культура. Журнал читала не только и не столько молодежь, но вся интеллигенция (поэтому в последний год своего существования он выходил под названием "Годы"). В журнале печатались А. Куприн, И. Лукаш, Е. Чириков, М. Цветаева, А. Эйсер, поэты-"скитники", Г. Струве, А. Кизеветтер, Д. Мейснер, Н. Раевский и др. Иногда в "Студенческих годах" появлялись переводы с чешского (Я. Врхлицкий, О. Бржезина). Журнал отличался толерантностью, уклонялся от политических дискуссий.

В 1924–1926 гг. в Праге выходил еще один в чем-то подобный "Студенческим годам", но в чем-то и отличный от них литературно-художественный журнал "Своими путями". Он как бы предназначался для среднего поколения русских эмигрантов, хотя его и издавал Русский студенческий демократический союз. В редактировании журнала принимали участие А.К. Рудин, А.А. Воеводин, Н.А. Антипов и С.Я. Эфрон. В нем печатались стихи Есенина, Асеева, Вс. Иванова, Тихонова, Антокольского, Пастернака, Цветаевой, Бальмонта, рассказы Зощенко, статьи Ремизова, произведения поэтов кружка "Скит". Журнал помещал обзоры эмигрантской и советской литературы, отмечал юбилейные даты (К.Д. Бальмонта, Н.П. Кондакова, Вас. Немировича-Данченко, Л.И. Шестова). В отличие от других зарубежных изданий, он одним из первых перешел на новую орфографию, что не было простой формальностью, а свидетельство о начале пересмотра традиционных взглядов и представлений вступающими в жизнь молодыми эмигрантами. Насколько это было смелым новаторством показывает то, сколь серьезно относились к нему тогда. И. Бунин и З. Гиппиус, например, не пожелали из-за этого печататься в журнале "Своими путями".

Наряду с "Волей России", "Студенческими годами" и "Своими путями", которые были наиболее значительными общественно-культурными изданиями, в Праге 20-х годов выходило немало и других журналов, специализированных или же "корпорационных", предназначенных для сравнительно узкого круга читателей. Такими были, в частности: "Логос", посвященный вопросам философии; "Казачий путь", издававшийся Всеказацким земледельческим союзом; "Вольная Сибирь", орган Общества сибиряков в ЧСР; "Хозяин", предназначенный для земледельцев; "Русская школа за рубежом"; "Вестник Педагогического бюро" и т.д.

Хотя мы назвали далеко не все русские периодические издания, думается, и по тем, что упомянуты, все же можно себе представить их многоцветие. Долгие годы забытые, сейчас если не все из них, то многие становятся ценными источниками познания для историков и культурологов.

Следует еще остановиться на связанной с книгоиздательской деятельностью книговедческой работе, которая велась в Праге, и на том, как попадала русская книга в руки читателей-пражан. Уже в начале эмигрантского многолетия, в 1923 г., в Праге был создан "Комитет русской книги", сопредседателями которого избрали Ю.И. Поливку и А.В. Флоровского, а членами президиума – Б.В. Морковина, С.И. Варшавского и А.В. Жекулину, И.Г. Савченко и Г.И. Шрейдера. В задачу комитета входило объединение всех, кто интересуется русской книгой, устройство выставки русской книги и библиографическая работа, причем не только применительно к

русским изданиям в Чехословакии, но по отношению к русской печати всей русской диаспоры. Результатом работы комитета, к которой он привлек не только русские культурные организации на территории ЧСР (всего 39), но и все зарубежные русские издательства, явилась большая выставка зарубежной русской печати (1924), на которой было экспонировано около 3 тыс. книг и 600 газет и журналов. Вторым важным итогом деятельности комитета был выход подготовленного параллельно с выставкой весьма ценного справочного книговедческого и библиографического издания "Русская зарубежная книга" (Прага, 1924). Первую его часть составляют обзорные статьи о философской, политико-экономической, правоведческой, исторической, художественной, детской, медицинской и сельскохозяйственной литературе, а также о зарубежной периодике всей русской диаспоры. Во второй части приводятся все учтенные к тому времени русские зарубежные издания. Библиография распределена по рубрикам: философия, религия, социальные науки, филология, точные науки, прикладные науки, искусство, спорт, игры, литература, история и география, детская литература. Словно бы заглядывая далеко вперед, автор вступительной статьи, С.И. Варшавский, выражал надежду, что это издание "поможет установлению правильного взгляда на русскую эмиграцию как совокупность людей, сохранивших при безмерно трудных условиях способность к духовному творчеству, к созданию культурных ценностей" [5. С. 17].

Осевшие в Праге русские эмигранты, особенно учащиеся, испытывали, как правило, материальную нужду. Приобретать книги в личное владение они часто не могли. В силу этого для русских изгнанников особое значение имели библиотеки, и потому столь велико было внимание эмигрантских организаций к их созданию. Отчасти об эмигрантских библиотеках нами уже говорилось [1. С. 21]. Однако картина будет не полна, если не сказать, что кроме уже упомянутых относительно больших библиотек (Земгора, Очага, Славянской) было и множество меньших. Они имелись при всех учебных заведениях и у целого ряда общественных организаций, например, таких, как Русский заграничный исторический архив в Праге, Экономический кабинет С.Н. Прокоповича, Комитет по обеспечению образования русских студентов, Институт изучения России, Общеказачий сельскохозяйственный союз, Общество сибиряков в ЧСР и т.д. Библиотеки-читальни общественного пользования в конце 20-х годов имели в своих фондах около 49 тыс. книг, школьные библиотеки – около 67 тыс., научные и специальные – около 20 тыс. [6. С. 336–337].

Оказавшись вдали от Родины, русские эмигранты хорошо понимали, сколь важна для них и особенно для молодого поколения изгнанников русская книга. Они видели в ней не только источник духовной пищи, но и одно из средств сохранения исторической памяти и традиций национальной культуры.

Важными слагаемыми культурной работы русской эмиграции в Праге являлась организация средних и высших учебных заведений. Образование молодого поколения эмигрантов в 20-е годы было одной из острейших проблем, она касалась не только маленьких детей, но и большого количества недоучившейся в гимназиях и высших учебных заведениях России молодежи. Начало решения этой проблемы относится к октябрю 1921 г., когда приток эмигрантов в Чехословакию неуклонно возрастал. Именно тогда Министерством иностранных дел, которое руководило "Русской акцией", и был создан Комитет по обеспечению русских студентов в ЧСР, а при нем – Совет русских профессоров. Эти два учреждения заботились не только о высших, но и о средних учебных заведениях – Русской реальной гимназии в Праге и Русской восьмилетней гимназии-интернате в Моравской Тршебове. Что касается высшего образования, то в течение нескольких лет достигнуто было многое.

В мае 1922 г. в Праге был открыт Русский юридический институт, первым ректором которого стал профессор Н.И. Новгородцев, еще не так давно читавший лекции в Московском университете. О высокой квалификации преподавателей института свидетельствует то, что среди них было 24 профессора, в том числе С.Н. Бул-

гаков, Г.В. Вернадский, С.В. Завадский³, А.А. Кизеветтер, И.И. Лапшин, Н.О. Лосский, П.Б. Струве, А.В. Флоровский и др., 14 доцентов и приват-доцентов [6. С. 84]. Такому составу преподавателей могли бы позавидовать многие юридические факультеты Европы. В Юридическом институте читали лекции виднейшие русские ученые из Москвы, Петрограда, Харькова и других университетских городов России. Институту было предоставлено право готовить профессоров. За первые семь лет своего существования им были выпущены 384 дипломированных специалиста по уголовному, гражданскому, торговому и международному праву [6. С. 87].

Год спустя, в 1923 г., в Праге был основан Русский педагогический институт им. Яна Амоса Коменского. Его директором был профессор С.А. Острогорский, некогда возглавлявший курсы Лесгафта в Петербурге. Институт просуществовал до 1926 г. В нем обучались два года. В число его слушателей принимались люди с высшим образованием и педагогическим стажем. В институте было осуществлено два выпуска, педагогическое образование получили 100 человек [6. С. 90].

Помимо юридического и педагогического институтов, в Праге с 1921 г. функционировал и трехгодичный Русский институт сельскохозяйственной кооперации, готовивший кооператоров-инструкторов, кооператоров-экономистов и кооператоров-агрономов. В нем прошли обучение около 600 слушателей. С осени 1923 г. до 1925 г. существовал еще и двухгодичный Русский институт коммерческих знаний. Его окончили 21 мужчина и 16 женщин. Имелось также организованное в 1922 г. Земгором совместно с Обществом инженеров и техников в ЧСР Русское высшее училище техников путей сообщения, которое за первые пять лет существования успешно окончили 80 человек [6. С. 93, 95, 113].

Особое место среди эмигрантских учебных заведений Праги занимал Русский народный университет. Основанный в 1925 г. на общественных началах, он преследовал цели просвещения и популяризации научных знаний. Народный университет, ректором которого был профессор М.М. Новиков, имел пять отделений: общественных наук; историко-филологическое, естественных и прикладных наук; изучения Чехословакии и отделение курсов русского и иностранных языков (чешского, французского, английского, немецкого и испанского). Ежегодно на каждом из отделений прочитывалось около 50 лекций, кроме того, проводились семинарские и кружковые занятия. Слушателями, а точнее вольнослушателями народного университета являлись служащие, студенты, члены разного рода культурных эмигрантских организаций, все, кто хотел обогатить свои знания; их примерное количество в течение одного года составляло около 250 человек. С ними занимались такие видные ученые как Е.А. Ляцкий, С.В. Завадский, И.И. Лапшин, А.А. Кизеветтер и др. Курсы иностранных языков вместе с русскими посещали и чехи. Для местного населения устраивались лекции об истории и культуре России на чешском языке.

В организации быта, учения и культурно-общественной жизни русского пражского студенчества, доходившего в отдельные годы до трех тысяч человек, немалую роль играло находившееся в Праге ОРЭСО, куда помимо других зарубежных организаций студентов-эмигрантов входили Союз русских студентов в ЧСР, Русский студенческий союз в ЧСР, Русский демократический студенческий союз и Общеказачья студенческая станица. Академическую экономическую и хозяйственную деятельность всех этих идеологически разных союзов координировало Бюро студенческих секций. Как считается, из общего числа студентов-эмигрантов (около 25 тыс.) в Чехословакии, главным образом в Праге за 20 лет получили образование примерно 11 тыс. человек [7]. Помимо русских высших школ, многие из них окончили Карлов университет,

³ Завадский Сергей Владимирович (2 III 1871, Казань – 2 VII 1935, Прага). Окончил юридический факультет Московского университета. В 1911–1917 гг. преподавал в Александровском лицее, с 1922 г. был профессором права Русского юридического института в Праге и профессором русского языка в Чешской высшей технической школе. Как исследователь, наряду с вопросами права, живо интересовался историей русской литературы (Пушкин, Л. Толстой, Тургенев, Достоевский) и языка, в частности реформой русского правописания [11].

Пражский политехникум и другие учебные заведения, в которых нередко преподавали тоже русские (П.Н. Кондаков, В.А. Францев, Е.А. Ляцкий, А.А. Кизеветтер, Н.Л. Окунев⁴, Н.Н. Новиков – в Карловом университете, А.С. Ломшаков, А.П. Фон дер Флит, В.И. Исаев – в Пражском политехническом институте).

Рассказать о русских ученых в Праге нелегко, ибо тема весьма обширна. Поэтому о многом придется сообщить лишь коротко. Научная деятельность русских ученых, а их было в 20-е годы в Праге в разное время (со званиями и без званий) несколько сот, поддерживаемая правительством ЧСР, проходила по трем направлениям: преподавание в вузах, участие в деятельности различных научных организаций и личная исследовательская работа.

О том, что многие ученые-эмигранты были педагогами, уже говорилось. Наряду с работой в высшей школе значительная их часть состояла членами различных русских научных организаций и обществ, а таких в Праге было немало. Назовем некоторые из них: Русская академическая группа в ЧССР, Философское общество в Праге, Русское историческое общество, Экономический кабинет профессора С.Н. Прокоповича, Археологический семинар Н.П. Кондакова (Институт Н.П. Кондакова), Институт изучения России, Русский институт в Праге. В работе этих и других научных объединений, помимо многочисленной русской профессуры, принимали участие академики В.А. Францев, Н.П. Кондаков, П.Б. Струве, Н.И. Андрусов.

Русская академическая группа была создана осенью 1921 г. Она ставила перед собой задачу готовить научную смену, организовывала защиты магистерских диссертаций. О Философском обществе (основано в 1924 г.) дает некоторое представление уже то, что в его заседаниях участвовали Н. Лосский, Г. Флоровский, С. Булгаков, Д. Чижевский, с ним сотрудничали жившие вне Праги С. Франк, Л. Карсавин, Н. Бердяев. Русское историческое общество в Праге, объединявшее несколько десятков историков, зародилось в 1923 г., а оформилось весной 1925 г. Его возглавлял профессор Е.В. Шмурло. Заседания членов общества проходили два раза в месяц, за первые два года на них было прочитано 45 докладов на различные темы, не только по русской, но и по всеобщей истории. Общество издавало "Записки".

Начавший функционировать в 1922 г. в Берлине Экономический кабинет профессора С.Н. Прокоповича из-за материальных трудностей в 1924 г. переехал в Прагу, где ему была оказана поддержка. В этом научном учреждении, созданном бывшим членом Комиссии помощи голодающим при ВЦИК (Помгол), собирались всевозможные сведения о Советской России, прежде всего экономического характера. Сотрудники кабинета (профессора Н.С. Тимашов и А.А. Чупров, а также В.А. Розенберг, С.С. Кон и А.М. Бойков) систематизировали и обобщали их, анализировали и делали достоянием оторванных от Родины соотечественников и всех, кого они интересовали [4. S. 57–58]. При кабинете выходили два периодических издания – "Русский экономический сборник" и "Экономический вестник". Он имел свою библиотеку и читальню, проводил лекционную работу, устраивал семинары. После оккупации Чехии немцами Экономический кабинет С.Н. Прокоповича переместился в Швейцарию.

Археологический семинар, или Институт, Н.П. Кондакова объединял русских историков, искусствоведов и археологов, среди которых были, например, византологи Г.В. Вернадский, Д.А. Росовский, М.А. Андреева. Участники семинара разрабатывали проблемы взаимоотношений Востока и Византии с Россией и славянскими

---

⁴ Окунев Николай Львович (5 V 1886, Петербург – 22 III 1949, Прага). Окончил историко-филологический факультет Петербургского университета, специализировался по русской истории и истории искусства. С 1913 г. был научным секретарем Русского археологического института в Цареграде, с 1916 г. – доцент Петербургского университета, с 1917 г. – профессор Новороссийского университета (Одесса). В 1925 г. – профессор истории византийского и восточнославянского искусства в Пражском университете. Главная область научных интересов – древнерусское искусство, в годы эмиграции – средневековое искусство балканских народов [11].

народами. Два близких по названию научных учреждения – Институт изучения России при Земгоре (руководитель Н.Ф. Новожилов) и Русский институт в Праге (руководители Н.П. Кондаков, П.Б. Струве и В.А. Францев) – лишь незначительно дублировали друг друга. Если в первом, состоявшем из научных кабинетов (социальной структуры и движений, государственного устройства и управления, народного хозяйства и экономики, сельского хозяйства и кооперации, духовной культуры) прежде всего занимались общественно-политическими и социально-экономическими вопросами и лишь отчасти духовной культурой, то второй ставил своей главной задачей изучение русской культуры и науки. Первый преследовал цели практической информации, издал три тома "Записок Института изучения России", второй, наряду с исследовательской работой, осуществлял и учебно-просветительскую (устраивал лекции, философские диалоги и т.д.), в которой деятельно участвовали С.Н. Булгаков, Г.В. и А.В. Флоровские, П.Б. Струве, В.А. Францев, Н.О. Лосский, И.И. Лапшин, А.А. Кизеветтер и другие видные ученые.

Большое значение для развития славистических исследований в ЧСР имел Славянский семинар, которым с 1922 г. по 1937 г. на философском факультете Пражского университета руководил В.А. Францев. Его посещали как русские, так и чехи, как студенты и преподаватели университета, так и вольнослушатели. В семинаре было девять отделений (сравнительное славянское языкознание, сравнительная история славянских литератур, отделения языка и литератур южных славян, польского языка и литературы, русского языка и литературы, четыре отделения по изучению языка и литературы чехов и словаков). В первом параграфе Положения о Семинаре славянской филологии (1924) его цели определялись так: "1. Учащиеся в нем должны быть подготовлены к работе в области всей славянской филологии. 2. Учащимся должна быть предоставлена возможность получить твердые знания и научиться ими практически пользоваться" [8. S. 169].

Позже, когда в конце 20-х годов в Праге был организован Славянский институт, который до 1941 г. возглавлял М. Мурко, свою работу в области славянской филологии Францев вел и в нем. Надо заметить, что Славянский институт был своеобразным объединительным центром не только чешских, но и русских славистов, многие из которых являлись членами института и принимали деятельное участие в его научных начинаниях.

При всем несомненно очень большом значении разнообразной деятельности русских научных учреждений для живших в 20-е годы в Праге эмигрантов, вероятно, еще большую ценность имели и до сих пор имеют созданные тогда русскими учеными труды. Их очень много, и мы только подходим к их освоению. В качестве примера назовем лишь отдельные из них, в области гуманитарных наук, имея в виду авторство тех, кто жил в Праге, безотносительно к месту издания: "Логика", "Материя и жизнь", "Обоснование интуитивизма" Н.О. Лосского, "Об общественном идеале" П.И. Новгородцева; "Философия изобретения и изобретение философии" и "Силуэты русских музыкантов" И.И. Лапшина; сборник "Россия и латинство"; "Славянская филология в России за годы войны и революции" Р.О. Якобсона и П.Г. Богатырева; "Державин у славян" В.А. Францева; "Очерки и заметки по истории средневекового искусства и культуры" Н.П. Кондакова; "Очерки истории русского права русского государства в XVIII и XIX вв.", "Золотая орда, Египет и Византия в их взаимоотношениях в царствование Михаила Палеолога" и "Начертание русской истории" Г.В. Вернадского; "Россия и Чехия в истории своих связей" А.В. Флоровского; "История России" Е.Ф. Шмурло; "Сербская средневековая стенопись" Н.Л. Окунева; "Силуэты русских художников" С.К. Маковского; "Западные литературы и славянство" Е.В. Аничкова; "Поэзия ищущих и чувствующих. Александр Блок" и "Развитие творческой личности. И.А. Гончаров"; "Жизнь и быт" Е.А. Ляцкого; "Этюды о русской поэзии" П.М. Бичилли; "Артисты Московского художественного театра за рубежом". Этот перечень можно продолжать (см. [10]). Можно лишь предполагать, сколько ценных статей и сообщений русских ученых-пражан пока таится в чешской и другой зарубежной

периодической печати и разного рода сборниках. Многие из них предстоит еще выявить и ввести в научный обиход.

Велика лепта, которую внесли в развитие русско-чешского культурного сотрудничества оказавшиеся в эмиграции русские слависты и соприкасавшиеся со славистикой русские историки и филологи: В.А. Францев, Н.П. Кондаков, Н.В. Ястребов, А.А. Кизеветтер, А.В. Флоровский, Н.Л. Окунев, Р.О. Якобсон, П.Г. Богатырев, Б.Л. Евреинов, А.Л. Бем, Л.В. Копецкий⁵, С.Г. Пушкирев, С.В. Завадский и др. Некоторые из названных ученых были связаны с чешскими коллегами еще до Октябрьской революции. Мы лишены возможности рассматривать здесь больший или меньший вклад каждого из упомянутых ученых в славистику вообще и в изучение русско-чешских отношений в частности. Это специальный вопрос. Заметим только, что оказавшиеся в Праге русские историки, филологи и другие ученые гуманитарии своими трудами раздвинули рамки чехословацкой славистики в тематическом отношении и обогатили ее методологию, обозначив пути движения от локальных работ, построенных на местном материале, к более широким сравнительным исследованиям и обобщающим трудам о славянах [4. S. 30; 8].

Что касается характера участия русских ученых в деле русско-чешского взаимодействия и сближения, то о нем, как нам кажется, дает известное представление один конкретный пример. К 80-летию Т.Г. Масарика Русский народный университет в Праге выпустил третий том своих "Научных трудов" [9]. В нем были опубликованы статьи А.А. Кизеветтера "Национальное возрождение Чехии", А.В. Флоровского "Ян Гус в русской оценке", Н.О. Лосского "Современная философия в Чехословакии", Л.В. Копецкого "Чешские филологи-слависты", Е.А. Ляцкого "Ян Неруда. Художник великих достижений на пороге новой чешской литературы", А.Л. Бема "Отокар Бржезина. Выразитель гения чешского народа". А предыдущие тома того же издания содержат работы А.В. Флоровского "Почитание св. Вацлава, князя чешского на Руси", И.И. Лапшина – "Памяти профессора Карла Воровки"⁶. Названные статьи – лишь небольшая часть того, что было написано русскими славистами в целях ознакомления соотечественников с чешской культурой и историей русско-чешских отношений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кишкин Л.С. Русская эмиграция в Праге: культурная жизнь (1920–1930-е годы) // Славяноведение. 1995. № 4. С. 17–26.
2. Пауто В.Т. Русские историки-эмигранты в Европе. М., 1992. С. 114–190.
3. На чужой стороне. Прага, 1925. XIII.
4. Slovanský přehled. 1993.
5. Русская зарубежная книга. Прага, 1924.
6. Русские в Праге. Прага, 1928.
7. Кишкин Л.С. О русской эмигрантской молодежи в Праге // Славяноведение. 1993. № 4. С. 96.
8. Práce z dějin slavistiky. Praha, 1979. VII. S. 169.
9. Československá slavistika v letech 1918–1939. Praha, 1977.
10. Научные труды Русского народного университета в Праге. Прага, 1930. Т. III.
11. Česko-slovenské práce o jazyce, dějinách a kultuře slovanských národů od roku 1760. Praha, 1972.

⁵ Копецкий Леонтий Васильевич (22 VIII 1894, Новоминск – ?). Окончил Харьковский университет. С 1923 г. жил в Праге, где получил степень доктора философии (1926). Был профессором русского языка в Высшей торговой школе в Праге. Научные интересы – лексикология, лексикография, синтаксис русского языка [11].

⁶ Карел Воровка (1879–1929) – известный чешский философ-интуитивист.

РУССКИЕ ХУДОЖНИКИ-ЭМИГРАНТЫ В БОЛГАРИИ

Во время гражданской войны в России многие представители русской интеллигенции были вынуждены покинуть Родину и эмигрировать. Вместе с армией барона Врангеля в 1921 г. в Болгарию приехали и художники Е. Ващенко, В. Лазаркевич, В. Мисин, М. Малецкий, С. Шишов и др. В это время здесь уже работала небольшая группа русских художников-эмигрантов, которые приехали в Болгарию до 1917 г. или были детьми участников русско-турецкой войны 1877–1878 гг., оставшихся жить в стране. Это Г. Агаронян, Б. Белковская, И. Крылов. В конце 1929 г. русские художники создали свое профессиональное объединение – Общество русских художников в Болгарии, существовавшее до 1945 г. Это общество организовало семь самостоятельных выставок.

Неразрывно связанный с русской белой эмиграцией, культурно-исторический феномен "русские художники в Болгарии" был необоснованно политизирован и недооценен. Существуют лишь отдельные работы, посвященные творчеству самых известных русских художников-эмигрантов, в которых авторы оценивают их вклад в болгарское искусство [1; 2. С. 31–33; 3]; отсутствуют оценки роли и места русских художников-эмигрантов в Болгарии в русской эмигрантской культуре. В справочник Д.Я. Северюхина и О.Л. Лейкинда "Художники русской эмиграции (1917–1944)", изданный в 1994 г. в Санкт-Петербурге, вошли только два художника (Н. Глинский и А. Старицкая), жившие и творившие в Болгарии¹, причем персоны подобраны по случайному признаку, тогда как в процессе работы над данной статьей автор нашел сведения о 52 художниках². Не исследована и деятельность Общества русских художников в Болгарии, его существование отмечено только в монографии украинского искусствоведа Д. Степовика [5].

Настоящее исследование имеет целью выяснение в историческом плане места русских художников-эмигрантов в болгарской художественной жизни и в русской эмигрантской культуре, а не искусствоведческий анализ их творчества; характеристику создания и деятельности Общества русских художников в Болгарии – организационной формы социальной и профессиональной активности большинства русских художников.

После прибытия в Болгарию некоторые русские художники устраиваются работать преподавателями. Е. Ващенко останавливается в г. Луковит и работает здесь учителем в гимназии с 1922 по 1930 г. Н. Кушнаревский преподает в селах Горно

Кьосева Цветана – канд. ист. наук, научный сотрудник Болгарской АН.

¹ Николай Глинский попал в справочник из-за того, что в 1956 г. вернулся в СССР и работал главным художником Драматического театра в г. Саратове, Анна Старицкая же является одним из наиболее видных представителей второго поколения абстракционистов в Европе (см.: [4]).

² См. Приложения.

Езерово Берковского округа; А. Ждановский – в Варне, Ф. Муромцев – в Русе, С. Шишов – в Сухиндоле и Петриче. Чтобы заработать на жизнь, художники брались за любую работу. С ноября 1920 г. до середины 1921 г. В. Лазаркевич оформлял вывески и знаки фирм в Несебре, а М. Малецкий закончил в 1926 г. курсы декоративной росписи в Софийской Торгово-индустриальной палате и работал в качестве маляра. Несмотря на трудные условия жизни, некоторым художникам удавалось повышать свою квалификацию. В 1921–1924 гг. Малецкий посещал частную школу живописи Ф. Забранского в Пловдиве, а позже слушал лекции известных профессоров А. Митова и Х. Тачева в Государственной Художественной академии в Софии.

Сразу после прибытия в Болгарию некоторые наиболее талантливые представители русской молодежи поступили в Государственную Художественную академию в Софии. Благодаря радушному приему белых эмигрантов со стороны населения Болгарии и заботе правительства Болгарского Земледельческого Народного союза во главе с А. Стамболийским об их обустройстве (см. [6]), большинство поступивших студентов получили стипендии ряда общин Софии [7. Оп. 1. А.е. 198. Л. 113, 121–122, 124–125, 128, 134–135]. Им помогал и созданный в 1922 г. при Дирекции вероисповедания в Болгарии Комитет русских беженцев и существовавший при нем Комитет обеспечения высшего образования русской молодежи за границей. Эта организация оказывала помощь студентам, оплачивала их проживание в общежитии, обеспечивала их минимальными стипендиями [7. Оп. 2. А.е. 12. Л. 17; 8. Ф. 166 к. Оп. 3. А.е. 94а. Л. 43; А.е. 645. Л. 172, 184, 188, 198, 235, 241, 248]. В период 1922–1930 гг. в Художественной академии училось 19 русских студентов, восемь из которых (В. Воронин, Н. Глинский, Е. Грото-Слепиковский, Н. Кушнаревский, И. Лазаренко, И. Похлебин, Н. Ростовцев и А. Сорокин) окончили полный курс обучения и успешно защитили дипломы [7. Оп. 1. А.е. 198. Л. 113, 121, 124, 128, 134–135, 144; А.е. 263. Л. 13; А.е. 273. Л. 14, 40]. Хранящиеся в музее Национальной Художественной академии в Софии ранние студенческие работы Н. Ростовцева, А. Сорокина и И. Похлебина отличает завидное мастерство, свидетельствующее о таланте авторов.

Некоторые русские художники проложили свой путь в болгарском искусстве. В августе 1921 г. В. Лазаркевич выиграл конкурс по созданию фирменного знака для издательства "Александр Паскалев" и начал сотрудничать с ним. С конца 1922 г. он стал художником-иллюстратором в одном из самых престижных в то время болгарских издательств "Хемус", главным редактором которого являлся известный писатель Р. Босилек. В последующие годы он создал иллюстрации к десяткам произведений для детей, написанных такими писателями как Е. Пелин, С. Андреев, Д. Габе, к рассказам М. Рида, сказкам В. Гауфа, Г.Х. Андерсена, Р. Киплинга и др. С 1922 г. В. Лазаркевич начал иллюстрировать и оформлять одно из лучших в Болгарии детских изданий – журнал "Детска радост" [9. А.е. 5, 15–17, 19–20, 27–28, 30]. В конце 20-х годов он уже являлся одним из признанных иллюстраторов детских книг в стране.

В 1922–1923 гг. И.Л. Лазаренко создал монументальную библейскую композицию в Клисурском монастыре. Она была одобрена и принята профессором Художественной академии Н. Кожухаровым, который по достоинству оценил талант художника-самоучки и способствовал его поступлению в Академию в 1925 г. [1]. В 1925 г. была открыта первая персональная выставка Г. Агаронян в Дупнице.

В 1928–1930 гг. украинский скульптор М. Паращук (окончивший частную Художественную академию в Париже у проф. Верле, практиковавший в мастерской О. Родена и преподававший в Институте изящных искусств в Мюнхене) создал скульптурные композиции Торгово-промышленной палаты в Бургасе [8. Ф. 1717 к. Оп. 1. А.е. 1, 63]. Остановившийся в Стара-Загоре с частью врангелевской армии С. Шишов в 1923–1925 гг. рисует монументальные полотна с тематикой гражданской войны в России и портреты последнего российского императора, которые были куплены Русским музеем в Париже [10]. Будучи преподавателем в Петриче, он в 1929 г.

организовал в местной школе свою первую персональную выставку, которая произвела впечатление на критиков удачными портретами и эскизами [11. 1929. 14 VI; 12].

Несколько русских художников-эмигрантов прочно связали свою деятельность с утверждением художественной сценографии в Болгарии. Учителем в Варне Е. Ващенко организовал в городе школьный театр и оборудовал его техническими новшествами и декорациями. В 30-е – начале 40-х годов своими артистическими проектами театральных костюмов к различным постановкам он утвердился как один из проводников авангардных концепций Мейерхольда и Вахтангова в Болгарии [13]. С 1924 по 1929 г. в театрах Варны и Пловдива воспитанник Московского училища живописи, архитектуры и ваяния В. Мисин оформил десятки сценографических решений в пестром зрелищном стиле, присущем большому русскому реформатору театральной живописи К.А. Коровину [14]. В Русенском театре работал художник В. Лысенко, а студент Художественной академии в Софии Н. Глинский создал костюмы к постановке Народного театра в Софии "Царь Федор Иоанович" по А. Толстому (1927) и к опере "Борис Годунов" М. Мусоргского в софийской Народной опере [8. Ф. 195 к. Оп. 1. А.е. 574. Л. 5–6, 29–30, 51, 59, 69].

Художники предпринимали попытки утвердиться и в общественной жизни. Самые различные общественные организации приглашают их для оформления домов культуры, библиотек, школ и клубов в связи с различными празднованиями и т.д. Исключительно активную общественную деятельность развил М. Парашук. Приехав в Болгарию в 1922 г. как делегат Международного Красного креста в связи с закупкой и отправкой хлеба для голодающего населения Поволжья, он основал здесь отделение Украинского Красного креста, которое оказывало большую помощь украинским и русским эмигрантам и их семьям. Вместе с видными болгарскими учеными и общественниками, такими как проф. И. Шишманов, проф. М. Арнаутов, писатель С. Чилингиров, художник Р. Алексиев и другие, он являлся сооснователем и одним из самых активных деятелей Украина-болгарского культурного общества, созданного в 1926 г. [8. Ф. 1717 к. Оп. 1. А.е. 262, 264]. М. Парашук был и одним из руководителей украинской национальной организации в Болгарии "Украинска громада", которая в 20–30-х годах организовала ряд инициатив по популяризации украинской культуры среди местного населения [8. Ф. 1717 к. Оп. 1. А.е. 399–403].

В конце 20-х годов русские художники-эмигранты уже адаптировались к местным условиям и искали пути более уверенного утверждения в болгарской культуре. Это стремление естественно породило идею о создании Общества русских художников в Болгарии. Она явилась и результатом сильной объединяющей тенденции, существовавшей как в среде русской эмиграции, так и в болгарской художественной жизни³.

На учредительном собрании Общества русских художников в Болгарии присутствовали девять художников; только что окончившие Художественную академию в Софии Н. Ростовцев, Н. Глинский, В. Воронин, И. Лазаренко и А. Сорокин, уже утвердившийся воспитанник той же академии И. Крылов и три художника, окончивших художественные училища в России – И. Пемов, Б. Дауе и С. Шамин [8. Ф. 264 к. Оп. 2, А.е. 157. Л. 2, 14]. На собрании принимается Устав общества, выбирается руководство (председатель – И. Крылов, секретарь – Б. Дауе)

³ Общество русских художников появляется в обстановке богатой и многоплановой художественной жизни в Болгарии. В искусстве выступают различные школы и направления: академизм, субъективизм, движение за родное искусство, движение за социально-ангажированную живопись и др. Тенденция к объединению творцов сильна и воплощается в нескольких объединениях: Общество независимых художников, "Современное искусство", "Художники в Болгарии", "Родное искусство", Общество южноболгарских художников. Общество северноболгарских художников и др. В 1932 г. шесть из этих обществ объединяются в общий Союз обществ художников в Болгарии, основной целью которого является организация общих художественных выставок (см.: [8. Ф. 133 к. Оп. 4. А.е. 25. Л. 91; Ф. 1680. Оп. 1. А.е. 675. Л. 5–24]).

и решение в 1930 г. организовать первую художественную выставку его членов.

Прежде чем рассматривать деятельность Общества русских художников, попытаемся выяснить мотивы его создания и характер. В Уставе говорилось, что общество – непартийная организация со следующими целями деятельности: 1) развитие и поддержка русского национального искусства; 2) содействие его членам в улучшении их экономического положения; 3) содействие культурному и духовному развитию его членов; 4) защита их профессиональных интересов. Императивно отмечалось, что его членами могут быть только "русские" (под этим термином понимались "все лица всех национальностей, населяющих дореволюционную Россию"), которые получили специальное художественное образование, или такие, которые представили свои работы для участия в выставках. Предусматривалось наличие почетных членов, для которых не обязательна русская принадлежность, а достаточны особые заслуги в отношении моральной поддержки и материального развития общества. Практически постоянный состав общества насчитывал около 20 постоянных и два-три почетных члена, но среди них не было лиц с отличным от понимаемого в широком смысле "русским происхождением" [8. Ф. 264 к. Оп. 2. А.е. 157. Л. 1–4. 23, 25, 36].

Общество осуществляло свои цели посредством организации ежегодных выставок, студий, курсов, лекций о русском и европейском искусстве. Устав общества предусматривал либеральный режим участия в выставках. Особо важным является тот факт, что жюри, которое оценивало работы, выбиралось на отчетном годовом собрании членов, а общество принимало на себя все расходы по организации выставок, получая при этом только 5% стоимости проданных по время выставок работ. Средства для деятельности общества складывались из членских взносов, дарений, аукционов, благотворительных вечеров и т.д. [8. Ф. 264 к. Оп. 2. А.е. 157. Л. 1–2].

Анализ Устава и членского состава общества говорит о том, что оно являлось прежде всего закрытым профессиональным объединением художников с общим русским происхождением, большинство из которых все еще не утвердилось в искусстве. Общество не ставило целью развитие или утверждение каких-либо определенных идейно-эстетических взглядов, но "русского искусства", понимаемого не столько как некий русский стиль в искусстве, а как этническая основа для объединения художников, живших в одной стране.

Доминанта национальной основы перед идейно-эстетической ярко подчеркнута в зафиксированном в Уставе широком понимании термина "русские" как условия членства в обществе. Она была обусловлена в первую очередь невозможностью преодоления существовавшей парадигмы, заложенной в уставах всех русских эмигрантских культурно-просветительских организаций в Болгарию, а именно – ностальгической цели сохранения традиций дореволюционной русской культуры и искусства [8. Ф. 264 к. Оп. 2. А.е. 80, 439, 8308, 8310, 8322 и др.]. Однако, что касается искусства, эта цель определенно являлась анахронизмом, так как искусство XX в. является интернациональным по своим сущности и характеру. Кроме того, художники надеялись, что при помощи объединенных усилий легче выжить в тяжелых условиях эмигрантской жизни, обеспечить более стабильное существование, а также найти возможность продажи своих произведений. В этом смысле инициаторы создания общества воспринимали его прежде всего как механизм для организации выставок. Третий аргумент в пользу преимущества национальной основы связан со вторым. Большинство учредителей общества все еще не утвердилось как художники, не являлись членами существовавших в 20-е годы профессиональных объединений их болгарских коллег из-за высоких критериев членства в них и соответственно не могли участвовать в их выставках. Естественно, что большое значение для членства в обществе имели и личные мотивы, так же как и то обстоятельство, что специфические эмигрантские проблемы не являлись объектом интереса болгарского общества. В 30-х годах художники, которые стабильно вписались в болгарское искусство, перерастают Общество русских художников, становятся членами

содружеств своих болгарских коллег и участвуют в их мероприятиях. Необходимость утверждения и через болгарские художественные объединения осознавалась и самим Обществом русских художников, которое в 1935 г. намеревалось вступить в созданный в 1932 г. Союз обществ художников в Болгарии, чтобы вместе с болгарскими художественными объединениями участвовать в общих выставках союза [7. Оп. 1. А.е. 248. Л. 209].

С 1930 по 1945 г. Общество русских художников в Болгарии организует семь самостоятельных выставок (1930, 1936, 1938, 1939, 1942, 1943 и 1945 гг.). На первой из них (7–23 декабря 1930 г.) были представлены свыше 150 разнообразных по жанру и стилю работ. Отзывы болгарской художественной критики о них слишком противоречивы и варьируются от восторга до полного отрицания. Споры концентрировались на принципиальном вопросе: является ли творчество русских художников "эманацией русского духа" или "в нем нет ничего русского" [15; 16]. Среди показанных работ особое внимание критики заслужили изящные религиозные сюжеты молодого Н. Ростовцева, выполненные с отличным знанием средневековой православной иконографии, тонкость линии и колорит декоративных мотивов, созданных Н. Глинским к оперным постановкам, миниатюрная графика В. Лазаркевича в стиле "сецессион", пейзажи Рилы, написанные И. Крыловым, а также изящные скульптурные фигуры Г.А. Агароняна. Но на первой выставке русских художников было показано и множество посредственных работ. По мнению критика П. Стоянова, "некоторые произведения наивно задуманы и выполнены" [16]. Особенно суров в своих оценках был известный болгарский художник и искусствовед С. Скитник. Он писал, что выставка с трудом могла бы приблизиться к "среднему уровню русского живописного творчества", из-за чего "уже на второй выставке авторы должны быть более требовательны к себе" [17].

Первая выставка Общества русских художников занимает важное место как в истории этого профессионального объединения, так и в жизни русской эмигрантской колонии в Болгарии. Не принеся никаких доходов обществу, выставка тем не менее стала моральной и материальной поддержкой для некоторых из художников и стимулировала их к дальнейшей работе [8. Ф. 264. Оп. 2. А.е. 157. Л. 36]. Однако важнее всего то, что благодаря выставке болгарская общественность познакомилась с творчеством русских художников-эмигрантов, с их проблемами и идейно-эстетическими поисками. Осознавая значимость этого творчества, а также то, что оно обогащает художественную жизнь страны, критики обращали внимание на необходимость помощи художникам со стороны Болгарского государства. Выставка явилась и важным событием в жизни русской колонии. По мнению писателя А. Федорова, «она (колония. – Ц.К.) обрадовалась и гордится ею (выставкой) и исполнена благодарностью за то, что выставка дала возможность эмигрантам "подышать русским воздухом"» [18].

В последующие годы работа Общества русских художников становилась все более непростой. Впавшие в крайнюю бедность, художники не вносили членские взносы. Вынужденные братья за любую работу, чтобы заработать на жизнь, они зачастую не имели средств даже на покупку холста и красок. Эта общая бедность отражалась и на Обществе. Несмотря на заложенное в Уставе положение об организации ежегодных выставок, в последующие шесть лет общество не сумело собрать средства для их финансирования. Проводились вечера, лотереи, публичные лектории, аукционы и т.д., но поступления были ничтожны и едва покрывали канцелярские и почтовые расходы [8. Ф. 264 к. Оп. 2. А.е. 157. Л. 34, 37–38]. В 1934 г. избирается новое руководство под председательством энергичного и уже утвердившегося художника-сценографа Е. Ващенко, но и оно не сумело стабилизировать положение общества из-за наступивших негативных перемен в отношениях между Болгарским государством и русской эмиграцией после того, как авторитарное правительство, называемое правительством "19 мая", восстановило болгаро-советские отношения 23 июля 1934 г., в результате чего деятельность русских эмигрантских организаций в Болгарии временно прекратилась.

В 1936 г. в одном из залов Художественной академии в Софии была организована вторая художественная выставка общества, в которой участвовало 12 художников. Расположенная в аудитории для лекций по истории искусства, она посещалась узким кругом студентов и преподавателей. Целью ее организации скорее всего было стремление показать, что Общество русских художников продолжает существовать. Профессор Т. Балабанов в журнале "Завети" указывал, что выставка "является свидетельством того, что несмотря на нерадостную жизнь эмиграции и тяжелые заботы о насущном куске хлеба, русская эмиграция не расстается с волнениями творчества". Он особо отмечал композиции Г. Агароняна, в которых есть "линия и тонкость", постижения Н. Глинского, "сказочные фантастические сюжеты" А. Сорокина и др. [19. 1936. № 1. С. 20]. Этот положительный отзыв, вероятно, повлиял на руководство Государственной Художественной академии в Софии, которое по просьбе общества освободило его от платы за пользование залом для выставки [7. Оп. 1. А.е. 274. Л. 113–115].

Третья выставка Общества русских художников была проведена в феврале 1938 г. в галерее "КООП" в Софии. Свои работы выставили как участники прежних выставок общества, так и новички: М. Блек, Г. Канонов, Ю. Солоневич, А. Федоров, В. Федоров, В. Корнев, Н. Разгонова и Л. Шатц [20]. Отзывы о выставке очень противоречивы. В газете "День" сторонник прорусской линии М. Ковачев пишет с огромной любовью о "даровитых русских художниках", чья эмигрантская жизнь отразилась "крайне благотворно как на их творчество, так и на престиже русской живописи, которая никогда не теряла свою славянскую привлекательность и свое очарование" [21]. В "Газете для женщин" Н. Андреев делал противоположный вывод: выставка русских художников "демонстрирует искусство, которое у нас изжило себя 10–15 лет назад, а на Западе – еще раньше!" [22].

В 1938–1939 гг. Общество русских художников активизировало свою деятельность. Усилиями нового председателя, Н. Ростовцева, создается постоянное ателье "для работы и художественного развития его членов", в которое приглашаются модели из Художественной академии и где специалистами перед художниками читаются лекции по технике изобразительного искусства. Ателье было открыто для всех желающих, включая и художников-любителей. Целиком финансируемое обществом, ателье утверждается как постоянная организационная форма работы [8. Ф. 264 к. Оп. 2. А.е. 157. Л. 6], имеющая важное значение, так как лишь немногие из художников могли себе позволить подобную деятельность на свои средства.

Четвертая выставка Общества русских художников, организованная в ноябре 1939 г., продемонстрировала новую и амбициозную тенденцию в его деятельности – стремление объединить своими экспозициями русских художников-эмигрантов не только Болгарии, но и других стран Европы. В ней впервые участвовали три художника из Риги – Н. Лаже, С. Степанов и З. Сосиев и один из Белграда – Л. Либерт [8. Ф. 264 к. Оп. 2. А.е. 157. Л. 10; 23]. Эта тенденция не получила дальнейшего развития из-за начавшейся второй мировой войны, а также относительно низкого авторитета Общества русских художников среди эмигрантских общин Европы. В этом отношении его серьезным конкурентом был Русский культурно-исторический музей, созданный в Праге, в 1933 г. Руководимый последним литературным секретарем Л.Н. Толстого В.Ф. Булгаковым и при непосредственном сотрудничестве Н.К. Рериха, этот музей не только собирал произведения русских художников-эмигрантов из других стран Европы, но и издал первый каталог⁴.

В 30-е и в начале 40-х годов некоторые члены Общества русских художников в Болгарии показывали свои произведения и вне рамок своего профессионального объединения. Во время стажировки во Франции в 1937–1938 гг. Г. Агаронян выставляет свои работы в Осеннем салоне художников в Париже. В 1938 г. В. Егер

⁴ Речь идет о вышедшем в Риге в 1938 г. каталоге 400 произведений искусства музея под заглавием "Русское искусство за рубежом" (см.: [24]).

организует в Павликени и в Велико-Тырнове выставки работ, посвященных перникским шахтерам, в 1940 г. выставку в г. Павликени, а в 1942 г., в Софии. Ряд художников становится членами профессиональных объединений болгарских художников. Н. Ростовцев, Е. Ващенко, В. Лазаркевич, В. Ковалевский и Н. Глинский являлись членами Общества независимых художников, С. Шамин – членом Общества новых художников. Г. Агаронян в разные периоды являлся членом Общества независимых художников, общества "Современное искусство" и общества "Художники Болгарии", А. Сорокин – членом Общества независимых художников и Общества новых художников, И. Лазаренко в 1943 г. становится одним из основателей Общества варненских художников. Все они участвуют в выставках этих объединений, а также и в выставках Союза обществ художников Болгарии. Наиболее ярким проявлением этой тенденции явилось участие русских художников в XII Общей художественной выставке в 1938 г. Литературно-художественный журнал "Завети" особо отметил изящные декоративные портреты Е. Ващенко, выразительную скульптуру "Голова" Г. Агароняна и историческую достоверность композиций на тему Афона Н. Ростовцева [19. 1939. № 1. С. 10–12]. В одном из самых престижных тогда журналов "Златорог" критик Д. Сугарев отметил, что картины Ростовцева "колоритны", а театральные костюмы Н. Глинского свидетельствуют о хорошем знании болгарского фольклора [25].

В 30-е и начале 40-х годов некоторые русские художники достигли своеобразных вершин в своем творческом развитии. Как сценограф в Кооперативном и в Народном театрах. Е. Ващенко демонстрирует завидное профессиональное мастерство. Он создал одни из лучших декораций к постановкам "Орленок" Ростана (1934), "Маскарад" Лермонтова (1935). "Памятные годы одной королевы" Варна (1934). В золотом фонде болгарской сценографии останутся и его художественные реализации оперетт: "Если бы я был царем" Адама, "Продавец птиц" Целлера, "Веселая вдова" Легара, "Красавица Елена" Оффенбаха, "Золотая птица" Големинова, "Сильва" Кальмана и другие, в которых он показал тонкое чутье специфики жанра [2. С. 31–33].

В издательстве "Хемус" В. Лазаркевич иллюстрирует сотни произведений для детей известнейших болгарских писателей и поэтов: А. Каралийчева, Б. Багряны, Д. Габе, А. Босева, Р. Босилька, Э. Коралова и др. На высоком профессиональном уровне были оформлены им журналы для детей "Детская радость", "Светлячок", "Детская жизнь", "Детская вера" и др. Новым аспектом в творчестве Лазаркевича являлось создание иллюстраций к букварям и другим учебникам [9. А.е. 28, 30–31, 197, 309].

Тридцатые годы являются своеобразной вершиной и для Н. Ростовцева. В 1930 г. он выигрывает конкурс Синода Болгарской православной церкви. Его конкурсные проекты были высоко оценены большим знатоком религиозного искусства проф. И. Гошевым (являвшимся тогда директором Церковного исторического музея), по поручению которого в 1934–1937 гг. он создает для музея копии ряда фресок и портретов средневековых ктиторов Земенского, Драгалевского, Илиенского, Бачковского, Кремиковского и Сеславского монастырей, Боянской церкви, церкви в деревне Калотино и церкви "Сорока мучеников" в Велико-Тырнове. Вместе с историком М. Ковачевым в 1937 г. Н. Ростовцев был командирован Церковным музеем на Афон для снятия копий с портретов ктиторов в Зографском монастыре [8. Ф. 1809 (необработанный)]. Для современных исследователей копии Ростовцева имеют почти такую же ценность, как оригиналы, поскольку они позволяют судить об истинной фактуре последних (состояние оригиналов оставляет желать лучшего) [26]. В 1938 г. Н. Ростовцев получил разрешение Синода Болгарской православной церкви "нанимать рабочих и руководить росписью церквей" в стране. Первые его работы в этой области – фрески в церквях св. Троицы в Калотине (1935), св. Архангела в Дыло Попле (1938), св. Марины в Велико-Тырнове (1942), св. Феодора Кирова в Стара-Загоре (1944) и алтарь Духовного училища в Софии (1944) [27].

Достиг признания в церковной живописи и М. Малецкий. В начале 1930 г. он

выиграл конкурс на создание икон православных святых, объявленный фирмой Kunstanstalten May A.G. (Дрезден). По ее заказу в 1930–1936 гг. Малецкий рисует 26 икон, которые были отпечатаны фирмой массовым тиражом, распространялись и продавались в православных церквях всего мира [8. Ф. 1893к (необработанный)]. Благодаря им Малецкий приобрел международное признание и получил в 1938 г. от Синода Болгарской православной церкви право самостоятельно рисовать иконы и руководить росписью церквей.

Из художников, работавших вне рамок Общества русских художников в Болгарии, наибольших успехов достигли С. Шишов и М. Парашук. Перед общественностью г. Петрича С. Шишов показал пять самостоятельных выставок – в 1930, 1931, 1932, 1934 и 1936 гг., поступления от которых передал в основанный им фонд "Поддержки отличившихся в искусстве учеников Петричской гимназии" [11.1930. 20.VI; 28; 10]. Будучи учителем в женской гимназии в Кюстендиле, в 1940 г. он создал лучшее свое произведение – "Просвещение", которое подарил гимназии. Впечатляющее полотно (шесть кв. м) представляет собой аллегорическую композицию из 15 фигур, символизирующих величие и духовную силу просвещения. Эта работа сразу привлекла внимание критики. Газета "Слово" опубликовала ее на видном месте как "символ жертвенного служения болгарской национальной культуре" [29]. Газета "Родное искусство" также уделила ей первую полосу, отметив "добросовестную работу" художника и "его серьезное отношение к очень трудной теме". Рекомендовалось "картины такого рода выставлять во всех школах царства, чтобы побуждать школьников к здоровой и просветительской деятельности" [30].

Активную профессиональную деятельность во второй половине 30-х годов развил скульптор М. Парашук. Одними из лучших его работ являются скульптуры Болгарского Народного банка, фасады Военной академии и Министерства обороны.

Перемены в Болгарии, связанные со становлением режима "народной демократии" и дислокацией советских войск на территории страны, были встречены с тревогой и беспокойством со стороны русских художников-эмигрантов. Показательной в этом отношении является переписка между известным русским языковедом-эмигрантом проф. Н. Дылевским и проф. Государственной Художественной академии в Софии В. Захариевым. "Придется встретиться с ниспосланными нам исполнителями смиренно и с примирением, не теряя надежду на лучшие дни для всех нас и для Болгарии, – писал Н. Дылевский, – хотя для нас, русских эмигрантов, этот признак (эмигрант) вряд ли будет забытым нашими политическими противниками и будущее, вероятно, принесет нам большие сюрпризы и, может быть, еще более огромные разочарования" [8. Ф. 1510. Оп. 1. А.е. 804. Л. 5–6].

Это предсказание слишком быстро сбывалось. Политические перемены в Болгарии стали фатальны для существования Общества русских художников. Его будущее было предопределено седьмым параграфом Соглашения о перемирии между Болгарией и странами антигитлеровской коалиции от 28 октября 1944 г. Выполняя его, правительство Отечественного фронта вносит общество в список "белогвардейских и фашистских" организаций с враждебной СССР деятельностью. Однако проверка характера деятельности общества в полиции показала, что оно не проводило никакой другой работы, кроме указанной в Уставе [8. Ф. 264 к. Оп. 2. А.е. 8424. Л. 4–6], по этой причине оно не было ликвидировано [31]. Однако его дальнейшее существование тем не менее было сочтено нежелательным. Поэтому планировавшаяся седьмая выставка Общества в 1945 г. так и не состоялась, несмотря на ее готовность, включая отпечатанный каталог. Эта выставка, о которой можно создать представление по страницам каталога, позволяет предполагать, что если бы общество продолжило свою деятельность, оно неминуемо ориентировалось бы на просоветское направление в искусстве, связанное с так называемым социалистическим реализмом. Доказательством этому являются бюст И.В. Сталина Г. Агароняна (размещенный на титульной странице каталога), композиция "Рабочий район" Б. Дауе и др. [32].

Положение членов Общества русских художников в новых политических условиях в Болгарии являлось тяжелым и нерадостным. Они разделили общую судьбу русских эмигрантов, по отношению к которым Советский Союз реализовывал политику, постепенного перетягивания на сторону советской власти и воспитания "в духе социалистического патриотизма и социалистического интернационализма". Плодом этой политики являлось решение правительства СССР 1946 г. дать советское гражданство эмигрантам. В том же году (и позже) в силу различных болгаро-советских межправительственных договоренностей, некоторым эмигрантам было разрешено возвратиться на родину. Таким правом воспользовался Г. Агаронян (в 1946 г., после своего возвращения, он был назначен профессором Художественной академии в Ереване), Н. Глинский (вернувшийся в 1957 г.) и др. Одновременно с этим в 1946 г. для тех эмигрантов, которые остались в Болгарии и приняли советское гражданство, создается "советская социалистическая общественная организация" – Союз советских граждан в Болгарии, контролируемый непосредственно советским правительством. Художники М. Блек и Н. Глинский оформляют ее печатные органы – газету "За Советскую Родину" (1946–1956) и одноименный журнал (1957), а также всю наглядную агитацию.

После прекращения деятельности Общества русских художников значительная часть его членов переходит в созданный в сентябре 1944 г. Союз художников Болгарии (СХБ) и подчиняются его политике и новой художественной эстетике, прокламируемой этим союзом.

Самые талантливые художники становятся жертвами политических чисток в СХБ. Еще на Учредительном собрании союза 19 сентября при его Правлении 1944 г. было учреждено политическое Бюро, принявшее решение о чистке СХБ от "фашистских элементов". Оно составило список, в который входило 13 художников, подлежащих исключению из союза. Список был утвержден на проведенном 10 декабря 1944 г. I съезде СХБ. В него включены 12 талантливых болгарских художников, один русский художник – скульптор М. Паращук [8. Ф. 133. Оп. 2. А.е. 3. Л. 47; А.е. 14. Л. 21]. Из-за недоказанности обвинения в 1945 г. Паращук восстанавливается в СХБ, но в 1955 г. снова исключается, на этот раз навсегда. Официальная мотивировка исключения выглядела следующим образом: "грубое нарушение Союзного Устава", "недисциплинированность и невыполнение распоряжений Союза". Истинная причина видна из протокола дознавательной комиссии, в котором говорится, что "М. Паращук никогда не жил тревогами и вожделениями членов Союза... никогда не посещал собрания...", что он "скульптор и гражданин с частно капиталистическими манерами... чуждый Партии...", его ближайшие друзья – люди прошлого, и нет ни одного прогрессивного" [8. Ф. 133. Оп. 9. А.е. 51. Л. 208–210].

В 1945 г. при очередной чистке в СХБ из его рядов был исключен Н. Ростовцев. В результате апелляции его восстанавливают, но в 1946 г. снова исключают. Предлог был формальным – параграф 9 Устава СХБ, согласно которому "рядовые члены Союза..., не имеющие особых заслуг перед нашим искусством и художественной культурой и не принимающие участия в течение трех лет в художественной жизни Союза – подлежат исключению из списков Союза". В своей апелляции, отправленной руководству СХБ, Н. Ростовцев с достоинством писал: "Я иностранец, я русский без всяких связей и материальных возможностей..., но честно служил искусству и создал себе достойное имя в области церковной живописи. Верю, что в будущем беспристрастный историк, рассматривая современную болгарскую живопись, отметит мои усилия и мои скромные заслуги перед болгарским искусством и художественной культурой..., которые бы сделали честь многим из членов Союза..." [8. Ф. 133. Оп. 4. А.е. 16. Л. 5–6]. Впоследствии членство Н. Ростовцева было восстановлено, чтобы вновь его исключить при очередной перерегистрации союза в 1957 г. Несмотря на множество последующих усилий, Н. Ростовцев так и не сумел получить разрешение на организацию персональной выставки [8. Ф. 1680. Оп. 1. А.е. 1957. Л. 1].

Вопреки политическому и идеологическому дирижированию художественной

жизнью Болгарии после 9 сентября 1944 г., некоторые русские художники достигли значительных успехов в своем творчестве. В 60-х годах Е. Ващенко активно работает на сценах различных театров, возвращаясь снова к той условности в сценографических решениях, которая была характерна для него до конца 40-х годов. Своим творчеством он занял видное место в болгарской сценографии и стал в один ряд с такими ее выдающимися творцами, как А. Миленков, И. Пенков, А. Попов, Г. Каракашев и др. [2. С. 33].

Оставаясь верным иллюстрациям для детей, В. Лазаркевич создал в 50-х – начале 60-х годов лучшие свои произведения – иллюстрации к "Лисе-Притворнице" С. Минкова, "Медовой булке" Б. Златко, "Трудолюбивой Медведице" Л. Милевой и других, переиздававшимся многократно в последующие годы. За свою 40-летнюю творческую деятельность В. Лазаркевич проиллюстрировал свыше 500 произведений болгарских и зарубежных авторов и утвердился как один из классиков болгарской иллюстрации для детей [33].

Осуществив поворот в своем творчестве в направлении реставраторства, М. Малецкий прочно утвердился в болгарском искусстве после 9 сентября 1944 г. Его первым успехом в этой области явилась реставраторская работа в русской церкви св. Николая Чудотворца, пострадавшей во время бомбардировок Софии. Работая над возрождением фресок в 1944–1946 гг., он сумел вернуть им первоначальное великолепие, за что получил благодарственную грамоту архиепископа Серафима, курировавшего русские православные общины в Болгарии. В последующие годы он внес большой вклад в реставрацию и консервацию музейных ценностей. Как руководитель мастерской по реставрации и консервации при Национальном Военно-историческом музее в Софии в период 1957–1973 гг., М. Малецкий возродил многие ценнейшие иконы, картины, грамоты и т.п. В числе его известнейших работ – святыни русско-турецкой войны 1877–1878 гг. – Самарского знамени и создание пяти его дубликатов, реставрации тканей саркофага из древней болгарской столицы Плиски (VII в.), человеческих волос из римского саркофага (II в. до н.э.) и др. В 1971 г. М. Малецкий запатентовал свой оригинальный метод реставрации и консервации тканей, который использует большинство болгарских реставраторов и поныне. В конце своей жизни он подготовил "Руководство по спасению музейных ценностей", оставшееся неопубликованным [8. Ф. 1893 к].

Н. Ростовцев, оставшийся верным церковной живописи, расписал после войны 20 церквей и кафедральных храмов в Болгарии. Среди наиболее весомых его достижений фрески кафедрального храма Успения Богородицы в Варне (1950), храма-памятника Рождества Христова в селе Шипка (вместе с коллективом – 1959–1961 гг.), а также многочисленные фрески в Софии: в церкви Успения Богородицы на Центральном софийском кладбище (1969), кафедрального храма св. Недели (1973), алтаря в церкви св. Седмочисленцев (1975), часовни св. Климента Охридского в Духовной академии (1978) и др. [8. Ф. 157 к. Оп. 1. А.е. 9. Л. 196 и сл.]. Овладев в совершенстве приемами древних православных изографов, Н. Ростовцев утвердился как один из лучших мастеров в жанре церковной фрески в Болгарии [33].

В 40–50-х годах М. Паращук оформляет скульптурное убранство здания Югославского посольства в Софии (1947). Музыкального театра им. Стефана Македонского (1951–1953), фасада ректората Софийского университета (1951–1953), Дома культуры в Пернике (1954–1955) и др. [8. Ф. 1717 к. Оп. 1. А.е. 67, 69–71, 73]. Хотя они и находятся под влиянием доминировавшего в то время помпезно-монументального стиля, но тем не менее свидетельствуют об умении Паращука сочетать в едином целом архитектуру и скульптуру.

Роль и место русских художников-эмигрантов в Болгарии и их профессионального объединения надо рассматривать в контексте русской эмигрантской культуры и болгарского искусства и культуры XX в. За свое 15-летнее существование Общество русских художников в Болгарии помогло морально и материально и дало возможность

выставиться приблизительно 30 художникам. Их творчество, так же как и творчество работавших вне общества, является частью общественно-культурной деятельности русской эмигрантской колонии, направленной на сохранение традиций дореволюционной русской культуры и искусства в этнически чужой среде. Разделяя трагические повороты в исторической судьбе эмигрантов, своим искусством художники вносили вклад в выживание и адаптацию эмигрантов в болгарских условиях. Вот почему, несмотря на то, что творчество русских художников-эмигрантов в Болгарии нельзя причислить к русскому художественному эмигрантскому авангарду, оно органически вписывается в художественно-документальное наследие русской эмигрантской культуры и является частью культуры России и Европы.

Что касается места русских художников-эмигрантов и их профессионального объединения в болгарском искусстве в целом, можно сказать, что они обогатили болгарскую художественную жизнь. Объединение художников по национальному признаку не входило в противоречие с их закономерным стремлением к утверждению на болгарской художественной сцене. Несмотря на искусственное выискивание со стороны художественной критики чего-то "типично русского" в творчестве художников-эмигрантов, в нем нет и следа какой-то национальной замкнутости. Е. Ващенко, С. Шамин, В. Лазаркевич, А. Сорокин, М. Паращук, Г. Агаронян, С. Шишов и М. Малецкий хорошо известны не только в русском культурном круге. Они активно участвовали в экспозиционной жизни не только Болгарии, но и других стран Европы. А самые известные из них, такие как Лазаркевич, Ващенко и Ростовцев, являлись первопроходцами в профессиональном утверждении в Болгарии таких видов искусства, как книжная иллюстрация, сценография и современная церковная стенопись, занимая достойное место в истории болгарского искусства XX в. [33].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Степовик Д.* Творчество Е. Ващенко, И. Лазаренко и Н. Ростовцева // Единение народов, единение культур. Киев, 1987. С. 70–91.
2. *Динова-Русева В.* Е. Ващенко и неговата юбилейна изложба // Изкуство. 1978. № 2.
3. *Мавродинов Н.* Нашата детска илюстрация. Златорог. 1930. № 2. С. 108; *Северски Р.* Храм-паметник "Рождество Христово" край Шипка и приносът на Н. Ростовцев в църковната ни живопис // Църковен вестник. 1988. № 11. 11 IV.
4. *Северюхин Д.Я., Лейкинд О.Я.* Художники русской эмиграции (1917–1944). Биографический словарь. СПб., 1994. С. 153, 430.
5. *Степовик Д.* Украинско-болгарских мистецьк звiзки. Киев, 1975. С. 158.
6. *Даскалов Д.* Бялата руска емиграция в България между двете световни войни // Военно-исторически сборник. 1994. № 1. С. 74.
7. Държавен архив Софии. Ф. 1047 к.
8. Централен Държавен архив.
9. Народная библиотека им. "Св. Кирилла и Мефодия" – Болгарский исторический архив. Ф. 260. Оп. 1.
10. Частный архив художника С. Шишова.
11. Македония.
12. Художествена култура. 1929. № 10. С. 91.
13. *Динова-Русева В.* Заслужилият художник Е. Ващенко. Юбилейна изложба. София, 1977.
14. *Динова-Русева В.* Българска сценография. София. 1975. С. 169.
15. *Ги.* Изложбата на руските художници в София // Църковен вестник. 1930. 20 XII; *Дар.* Изложбата на руските художници // Независимост. 1930. 18 XII.
16. *Стоянов П.* Изложбата на руските художници // Независимост. 1930. 13 XII.
17. *Скитник С.* Изложбата на художниците руси // Слово. 1930. 15 XII.
18. Сегодня. Рига. 1931. 19 I.
19. Завети.

20. Дружество на руските художници в България. Трета изложба. Каталог. София, 1938.
21. Квачев М. Изложбата на руските художници. Бележки и впечатления // Ден. 1938. № 605.
22. Андреев Н. Творчеството на нашите художници // Вестник на жената. 1938. 16 II.
23. Дружество на руските художници в България. Четвърта художествена изложба. Каталог. София, 1939.
24. Муромцева Л.П., Перхавко В.Б. Из истории культурно-просветительской деятельности российской эмиграции в Чехословакии в 20–30-е годы // Вестник Московского ун-та. Сер. 8. История. 1994. № 3. С. 18–20.
25. Златорог. 1939. № 1. С. 52.
26. Николай Ростовцев (1898–1988). Каталог. София, 1992.
27. Музей "Болгария и славянский мир". София. Дарение "Н. Ростовцева".
28. Отечество. 1932. 15 III.
29. Слово. 1940. 13 IX.
30. Родно изкуство. 1940. 23 XII.
31. Советско-болгарские отношения 1944–1948. М., 1969. С. 64–66.
32. Общество русских художников в Болгарии. Седьмая выставка. Каталог. София, 1945.
33. Димитрова Т. За изложбата "Руски художници в България" // Изложба "Руски художници в България". Каталог. София. 1995. С. 2.

Приложения

Члены Общества русских художников в Болгарии
1929–1945 гг.

Агаронян Григорий
Белковская Елена
Блек Михаил
Ващенко Евгений
Воронин Валериан
Глинский Николай
Грото-Слепиковский Евгений
Дауе Борис
Егер Владимир
Ждановский Александр
Ковалевский Василий
Канонов Георгий
Коренев Владимир
Крылов Иван
Кушнаревский Николай
Лазаренко Иван
Лазаркевич Вадим
Лещина Татьяна
Малецкий Михаил

Муромцев Филип
Пемов Иван
Похлебин Иван
Попова Маргарита
Прокофиев Николай
Разгонова Наталия
Ренкевич София
Речински Алексей
Ростовцев Николай
Сорокин Александр
Селецкий Алексей
Солоневич Юрий
Тимофеев Александр
Федоров Виктор
Черкалов
Шамин Сергей
Шамина-Здеховская Ирина
Шатц Любовь
Юрковска Христина

[8. Ф. 264 к. Оп. 2. А.е. 157; 23; 32].

Русские эмигранты, учившиеся
в Художественной академии в Софии

Агаронян Григорий (1919–1923)	Подтымченков Александр (1925)
Воронин Валериан (1924–1929)	Похлебин Иван (1925–1930)
Глинский Николай (1922–1927)	Похлебина Ольга (1936)
Грото-Слепиковский Евгений (1923–1929)	Речинский Алексей (1928–1930)
Комаров Андрей (1936–1937)	Ростовцев Николай (1925–1930)
Корнев Владимир (1931–1936)	Самборская (1922)
Коренева Вера (1940–1943)	Семенов Ростислав (1936–1941)
Крылов Иван (1913–1917)	Сорокин Александр (1924–1929)
Кушнаревский Николай (1924–1929)	Старицкая Анна (1931)
Лазаренко Иван (1925–1930)	Старицкая Татьяна (1921)
Люшкин Леонид (1923)	Тарамов Исакий (1921)
Меснянкин Владимир (1923)	Тимофеев Александр (1933–1938)
Меснянкина Екатерина (1923)	Шеляпкин Владимир (1922)
Паквилина Татьяна (1922)	Юткин Леонид (1922)

[7. Оп. 1].

Кроме вышеперечисленных, в Болгарии жили
и творили следующие русские художники-эмигранты

Власов Михаил	Ждановский Алексей
Гейтман Александр	Завадовский Владимир
Гоголев Борис	Лысенко Владимир
Мисин Владимир	Шелехов Николай
Парашук Михайло	Шостенко Федор
Чернявский Михаил (Зеро)	Шишов Сергей

© 1996 г. АДЕЛЬГЕЙМ И.Е.

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОЗА ПОЛЬШИ МЕЖВОЕННОГО ДВАДЦАТИЛЕТИЯ

Содержание термина "психологическая проза", достаточно часто используемого в литературоведческих исследованиях, представляется обычно совершенно прозрачным. Между тем, житейски привычное и ясное, словосочетание это, употребляемое в качестве термина, должно быть уточнено в своих границах, возможностях и исторических воплощениях. Находясь на пересечении двух областей знания о человеке – психологии и литературы, это литературоведческое понятие "покрывает" достаточно сложное явление искусства слова и способов его познания.

Чтобы уточнить границы термина "психологическая проза" применительно к XX в. – с его нагрузками на психику – надо иметь в виду, что именно они и привели к необходимости общей переакцентировки в самом определении предмета психологии – области, ближайшей к художественной литературе. Предметом психологии сегодня называют человека как носителя психики в ее функционировании и развитии.

Изучая человека в непрерывном историческом процессе, а значит и в пределах его знания о себе, фиксируя конкретные проявления его душевной жизни, литература нередко давала мощные импульсы науке. Хотя категоричность высказывания по этому поводу Р. Барта – "...все нынешние открытия науки, будь то социология, психология, психиатрия, лингвистика и т.д., были известны литературе всегда; разница лишь в том, что они в ней не говорились, а писались" [1] – строго исторически можно и оспаривать, но в отношении механизма познания оно бесспорно: "вначале" действительно оказывается психология, выражающая себя в написанном слове и через слово, которое само – по природе своей – всегда психологично.

Поэтому и понятие "психологическая проза" следует рассматривать не с точки зрения того, сколько психологии «заявлено той или иной житейской или исторической коллизией, легшей в основу фабулы конкретного произведения, а сколько знания о деятельном, чувствующем, общающемся человеке удастся в тот или иной исторический момент "накрыть словом"» [2. С. 4] и как такое слово становится новым знанием о человеке. Если именно психика – как системное свойство – обеспечивает приспособляемость человека к условиям существования через механизм переживания (т.е. неотчужденной формы реагирования и построения картины мира) и самонаблюдения, саморегуляции поведения, то понятно, какая нагрузка падает на психо-

---

Адельгейм Ирина Евгеньевна – канд. филол. наук, научный сотрудник Института славяноведения и балканистики РАН.

логизм – как осознанный человеком уровень знаний о самом себе – именно в XX в.

Важно при этом отдавать себе отчет и в исторически меняющемся характере соотношения присущей той или иной эпохе концепции личности (куда входят представление о менталитете, бытующие стереотипы и образцы поведения и чувствования, система приоритетов, механизмы самооценки) и ее художественным изображением. Но при этом следует учитывать, что концептуальные перемены осмысливаются обычно скачкообразно, "эстетическая же деятельность совершается в сознании человека непрерывно" [2. С. 6], что и фиксирует, в частности, литературный процесс, в живом нерасчлененном потоке которого всегда взаимодействуют промежуточные (документальные) жанры словесного искусства и собственно художественная литература.

Само направление художественного развития внутри каждой культуры всегда связано с тем, что психологи и культурологи называют "исторической психикой человека", в которой представлены и упорядочены события прошлого, настоящего и будущего. Как особая система она сама существует в реальности общемирового историко-психологического и историко-культурного пространства.

Такое сложное взаимодействие психологического и художественного в их многоступенчатой исторической взаимомотивированности и образует национально-культурный менталитет, выражением которого оказывается искусство. В литературе же он закрепляется особым образом структурированном слове. Изменения в способах структурирования, в основе которых обязательно оказываются разнообразные психологические факторы, приводят к изменениям в модели концепции личности, продуцируемой литературой. Импульсом к формальным поискам всегда оказываются, по выражению Бахтина, "окружающие живые люди и их мнения" [3]. И только путем личного опыта и исследования этой "разноголосой и разноречивой современности" совершается "ориентация в мире и времени" [3].

Проза Польши 20–30-х годов, прочитанная под этим углом зрения, представляет общекультурный интерес. Межвоенный период выделяется как значимый этап во многих литературах. Обоснование его общеизвестно – потрясение, испытанное человечеством во время первой мировой войны. Втянувшая в свое жерло десятки народов, она выдвинула на первый план национальные вопросы, одновременно приведя "Восток и Запад в такое близкое соприкосновение, какого не знала еще история" [4]. В свете этого межвоенное двадцатилетие для Польши означало не только время переживания общеевропейского и мирового духовного кризиса, но и значительную, принципиально новую веку собственной национальной и политической истории.

Проза Польши этого времени фиксировала черты исторической и бытовой реальности, лежавшей в основе новых для польского менталитета переживаний, открывая их для рефлексии, вводила в поле общего сознания новых героев. Литература помогала человеку отказаться от отработанных историей стереотипов мышления и переживания. "Литературная проза – орудие познания общественной жизни, роман преимущественно – форма, служащая изображению биографий, вплетенных в изменчивое окружение... Биография становится... категорией систематизации картины мира", охватывая "надличностные процессы, судьбы семей, групп и окружений – как ... параллельные ряды, объясняющие друг друга" [5. С. 37], – пишет В. Мачёнг, рассматривая опыт польской прозы XX в. Продолжая его мысль, следует иметь в виду, что биография как художественный образ создается на пересечении общей литературной традиции унаследованных повествовательных форм и единичного замысла, совершающего свой отбор из сложного и хаотичного конгломерата бытующих и зарождающихся представлений о человеке и мире.

В процессе конструирования литературного героя в фокусе времени всякий раз оказываются те или иные склонности человека – от инстинктов до эстетического чувства. Автор (а в его лице литература) укрупняет те или иные их соотношения. Но, говоря о концепции личности, формируемой литературой и "навязываемой" затем общему сознанию как некий образ чувствования и поведения, важно понимать, каким

образом душевный опыт эпохи претворяется в новую для восприятия художественную структуру. При этом необходимо представлять реальные отношения "новой" литературы с непосредственно предшествующим ей художественным опытом. Если говорить в этом аспекте о польской прозе межвоенного двадцатилетия, следует иметь в виду то, что она – особенно в первой половине этого этапа – не была принципиально противопоставлена традициям Молодой Польши. Именно отсюда она выбирала для себя кратчайший, как казалось, путь к общеевропейскому уровню того специфического знания о человеке, которое несла литература.

Психологизм польского модернизма, не ограничиваясь областью "нормальных" общечеловеческих чувств и страстей, был обращен по преимуществу к скрытым проявлениям инстинктов, т.е. к истокам тех или иных психологических реакций и поступков человека. Таким образом, и литература, и читательское сознание было подготовлено к языку психоанализа. В 20–30-е годы, пережив глобальный переворот на уровне бытия и сознания, человек внезапно оказался во многом непонятен сам себе – уже не как носитель метафизических тайн, а прежде всего как существо с глубоко скрытыми и запутанными механизмами реагирования. И, обращаясь к внутреннему опыту человека, значимость которого теперь становилась пропорциональной степени его драматичности, литература стремилась эти механизмы обнажить и объяснить.

Политическая ситуация послевоенной Польши резко изменила социальную структуру общества, самоощущение – национальное и личное, характер и частотность житейских коллизий, приоритеты. Новые переживания не могли не вызвать изменений в тематике прозы с разной степенью глубины, объективности, оперативности фиксирующей их. Прежде всего, в поле зрения прозы – по сравнению с предшествующим периодом – оказался во многом иной, чем прежде, набор жизненных коллизий, связанных с новой политической ситуацией. Кроме того, существенным отличием в плане психологических установок двадцатилетия был отход от сверхэмоциональности и пафоса. Этот феномен имел очевидные психологические причины: для коллективного и индивидуального сознания эпоха идеалов сменилась драматическим периодом их реализации. Несомненно, такому повороту к реальности бытия – конкретике повседневности – способствовала внутренняя необходимость отразиться, прежде всего, еще свежий военный опыт, отразившийся в этот период в творчестве очень многих писателей.

Первая мировая война изменила самый тон европейской литературы о войне: героика сменилась ощущением ужаса, тотального разрушения. Однако в Польше сильно была надежда на возвращение свободы. Естественным поэтому, что характерные для Запада и Америки идеи пацифизма в польской прозе проявляются несколько позже – когда иссякает заряд эйфории от свободы. Они возникают в типичных для пацифистского мироощущения психологических ситуациях, сосредоточивая внимание читателя на бессмысленном страдании, не ведущем ни к каким позитивным изменениям в психике, оставляющем в сознании страшный след. Это судьба ребенка во время войны ("Где ты, дружище?!" Е. Завейского. 1932; "Могила неизвестного солдата" А. Струга. 1922); метафорический образ неизвестного солдата – не героя, а жертвы войны ("Святая святых" из сб. Струга "Ключи от пропасти". 1929); судьба матери, теряющей сына ("Вкус мира" Т. Кудлиньского. 1930; "Порядок вещей человеческих" в сб. К. Вежиньского "Границы мира". 1933); судьба женщины – жертвы владеющего солдатами инстинкта ("Где ты, дружище?!"; "Пир победителей" в "Ключа от пропасти"); судьбы жены, борющейся с искушением начать новую жизнь ("Могила неизвестного солдата").

Немногие польские писатели этого времени делают акцент на героике: ни традиция отношения к легионам, ни обретение независимости не могут уже перекрыть ощущение бессмысленности ужасов и жестокости исторического катаклизма. Литературу интересуют не столько сами военные действия (Ст. Рембек, К. Вежиньский), сколько аспект психологии и этики. При этом литература стремится обозначить причины того

или иного поведения. Так, в поле зрения литературы попадает персонаж, обуреваемый садистскими наклонностями: война высвобождает инстинкты, в обычное время загнанные нормами культуры в подсознание – капитан Шница, в "Charitas" (1919) Жеромского, герои романов З. Налковской "Граф Эмиль" (1920) и "Роман Терезы Геннерт" (1923/24) – Эмиль, Желява, полковник Омский, второстепенные персонажи "Нагана" Рембека.

Одновременно с тем, как война отодвигалась временем в память истории, а тематический диапазон литературы расширялся за счет "мирных" проблем, контекст, в котором теперь звучала и воспринималась военная тема, психологически открывал неожиданные возможности рефлексии. Так, в романе П. Хойновского "Молодость, любовь, авантюра" (1926) война воспринимается героями как красочное приключение. Лишен национально-исторического подтекста и "Вкус мира" Т. Кудлинского. Для Е. Коссовского это предлог для изображения абсурдности человеческой судьбы вообще ("Смерть в солнце", 1930).

В крайнем своем проявлении совершающийся в прозе поворот к новой конкретике бытия, означал интерес к каждодневности. Эта тенденция усиливается к концу 20-х и достигает пика в 30-е годы в творчестве группы "Предместье" и "Ночах и днях" (1932) М. Домбровской. Так совершалось необходимое психике человека, травмированной войной, возвращение к заботам жизни в новом геополитическом пространстве, в котором оставались главными проблемы любви, счастья, детства, хлеба. Это – тема всего творчества П. Гоявичинской. К более или менее ровному течению жизни женщины (причем в описанном, как правило, точно и подробно интерьере) обращается и М. Кунцевич в "Союзе с ребенком" (1927) и "Лице мужчины" (1928). Повседневность в "Заговоре мужчин" (1930) Я. Ивашкевича, в отличие от эпопей Домбровской, предстает не как средоточие значительных духовных ценностей, но в виде замкнутого круга, рожденного внутренней пустотой.

С конца 20-х годов наблюдается интерес прозы к реалиям отдельных социальных кругов. Каждодневность этих проблем нередко была для среднего читателя неизвестна и потому достаточно привлекательна. Роман М. Укневской "Страхи" (1938) описывает приключения, планы, надежды начинающей актрисы Тересы и ее коллег; "Святая кухарка" В. Мельцер (1930) – раскрывает мир прислуги с основными вехами ее жизни. В то же время Ивашкевичу ("Роза" и "Солнце в кухне") и Домбровской ("Люди оттуда", 1925) важно было показать не экзотичность мира и чувств прислуги, а то, что своим стремлением к счастью эти люди похожи на каждого из читателей. Писатели обращаются к узловым экзистенциальным моментам жизни: любви, измене, болезни, смерти. Своеобразный социологически-психологический срез читатель видит в "Будничном дне" Гоявичинской (1933). В дилогии писательницы ("Девушки с Новолипок" и "Райская яблоня") фабулу составляет судьба девушек с одной из бедных варшавских улиц.

Таким образом, эта проза выполняет задачу непосредственного освоения новых реалий, типичных психологических схем – поведения, разрешения конфликтов, реакций, т.е. своеобразной "подготовки" к возможному в будущем осознанию этой реальности как части исторического процесса.

Не только группа "Предместье" (1933–1937. Е. Богушевская, Е. Корнацкий, А. и Е. Ковальские, Г. Морцинек, З. Налковская, Б. Шульц, А. Рудницкий, Г. Крахельская, Г. Гурская и др.), программно ориентированная на своего рода социологически-психологическое исследование по образцу Э. Золя и Б. Пруса, но и ранний Е. Анджевский, П. Гоявичинская, Ст. Пентак, отчасти Я. Ивашкевич – на различном художественном уровне (так, Л. Фрыде выступал с критикой течения "малого реализма", утверждая, что таким образом происходит тривиализация познавательных функций литературы, погружение в сентиментальные сплетни), "набирают материал" для будущего художественного синтеза.

В новой исторической реальности Польше предстояло в короткий срок прожить те социальные процессы, на которые Западной Европе были отпущены в естественном

историческом течении многие десятилетия, и адаптироваться к ним. Социальные перемещения, смешения, смещения этого времени – с их проблемами – по-своему пытались структурировать и осмыслить проза межвоенного двадцатилетия. Поэтому для нее характерны мотивы адаптации сельского или провинциального жителя к городу ("Бегство из темноты" И. Кшивицкой, "Роза" Ивашкевича), психологический феномен совмещения ролей крестьянина по происхождению и интеллигента в первом поколении ("Исповедь" Ю. Мортон, 1937; "Молодость Яся Кунефала", Ст. Пентака, 1938).

Понятно, что в этих условиях – в отличие от предшествующего периода польской истории – прозу привлекает не исключительность, а усредненность героя. Не только программно серый человек "Предместья", но и герои Налковской, Хороманьского, обращавшихся к значительно более сложным психологическим проблемам и ситуациям, чаще всего не наделены ни художественным даром, ни внутренним голосом, ни призванием. Это новая реальность и для бытового сознания, бытовой психологии Польши, и для литературы, которая в значительной степени теперь отказывалась от прежней установки, касавшейся некоего необходимого внутреннего порога, за которым обычные, каждодневные мерки окажутся неважными.

Сразу же после обретения Польшей независимости эта тенденция – чувственное восприятие полноты жизни, конкретность и непосредственность наблюдений и переживаний, обращение к повседневности – проявляется, в первую очередь, в поэзии. Проза же на этом этапе скорее пыталась разобраться в механизмах человеческого поведения и к своим "усредненным" героям применяла знания о человеческой психике и психологии, которые частично были отработаны Молодой Польшей.

Критика 30-х годов, отмечая необходимость исследования человечности в современном ее проявлении на примере простого человека, обращала внимание на то, что подобный интерес на Западе и в России возник уже полвека назад (проза Гамсуна, Конрада, Манна, Золя, Мопассана, Флобера, Стендаля, Достоевского, Чехова) [6]. Уже в начале века, когда концепция релятивизма личности Бергсона была повсеместно усвоена, европейская литература рассматривала с разных сторон феномен неидентичности индивидуума. Психологическая наука заявила об этом позже. В европейской литературе эти идеи нашли художественное воплощение у Пиранделло, Пруста, Жида, Хаксли. Польские модернисты также рассматривали человека как "многослойное" явление.

Таким образом, идеи Бергсона о динамике личности во времени, Фрейда о подсознательном, концепции Шопенгауэра, Ницше, Джеймса (а в 1934 г. появилась работа польского социолога Ф. Знанецкого, где автор, подобно Джеймсу, формулирует теорию общественных ролей, [7]), а также уже наработанные литературой приемы рассмотрения человека, опосредованно – в той или иной степени – уже влияли на всю польскую прозу. Но наиболее ярко они реализовались в межвоенное двадцатилетие в творчестве Налковской, Хороманьского, Кунцевич, Бженковского, Стерна, причем именно Хороманьский и Налковская нашли адекватную форму повествования для выражения концепции непостижимости психики героя.

В основе релятивистской психологии лежит убеждение в том, что литература способна познать не самого человека, но лишь отношения между людьми. И Налковская, и Хороманьский в качестве модели человеческих отношений, как правило, выбирают ситуацию любовного романа (любовный треугольник в "Ревности и медицине", 1933; "Скандале, в Веселых Багнасках", 1937; "Недоброй любви", 1928; "Романе Терезы Геннерт", "Границе", 1935). Эти писатели обращаются к переломным моментам в жизни героев: у Налковской это переход из одной идентичности в другую, у Хороманьского – попеременное проявление маски и истинного лица человека. Таким образом, оба писателя выдвигают концепцию нестабильной личности, изменения которой – функция ее существования в мире. Любовный инстинкт выступает в качестве механизма, меняющего привычную роль (Рената из образцовой жены превращается в неверную; Агнешка из любимой жены и светской дамы – в страдальицу, на которой лежит печать жизненной неудачи; Близбор – из любящего мужа в Дон Жуана), или

заставляющего человека поворачиваться то одной стороной, то другой (Видмар в "Ревности и медицине" то успокаивается, то превращается в потенциального убийцу; доктор Тамтен неожиданно становится романтиком).

Хотя дуалистическая концепция Хороманьского близка фрейдовской (лицо и маска, культура и инстинкт), в определенном смысле он пошел дальше. Его интерес к "ролям" и "играм" человека, на которых строится его поведение, отчасти предвосхищает то направление психоанализа, которое в практических психологических целях вынуждено было на уровне теории заняться играми людей, которые мешают им быть самими собой. Научная мысль созрела до этой стадии лишь после второй мировой войны.

Хороманьский (как и психоаналитики) признает стремление человека к самообману, несущему покой. Обман других и себя при этом часто переплетаются. Этот мотив загадочности человека прежде всего, для самого себя – характерен для межвоенной польской прозы (к проблемам самомистификации, взаимонепонимания как результата стереотипного мышления и чувствования обращаются А. Стерн в "Страстном пилигриме", 1933; А. Грушецкая в "Приключениях в неведомой стране", 1933; А. Тарн в "Портрете отца в четырех картинах", 1934). Но в целом герой Хороманьского сознательно и бессознательно играет для других (Ребека в "Ревности..." – верную жену, Ежи в "Скандале..." – Дон Жуана), потому что подобное актерство удобно для жизни (читатель имеет дело с концепцией человека-актера в мире-театре, популярной в XIX и XX вв.).

У Налковской же окружение извлекает из человека и закрепляет ту или иную черту, а потому для нее невозможна замкнутая конструкция типа "Ревности...": Агнешку сделала светской, счастливой дамой положение отца и любовь мужа, эта роль была принята обществом и закреплена в его и ее сознании. Для Налковской, таким образом, особенно важны понятие общественной роли и проблема идентификации с ней личности. Налковская пришла к "Недоброй любви" через "Характеры" (где личность виделась как "я для себя" и "я для других"), "Графа Эмиля" (где личность была представлена как колеблющееся во времени множество масок, общественных ролей, самомистификаций) и "Choucas", 1926–1927 (где в центре внимания писательницы оказались личность, моделируемая идейными позициями и связанными с ними психическими жестами, как феномен общественного существования). Идея, воплощенная Налковской в "Недоброй любви" (запрограммированность даже наиболее личных реакций некими культурными образцами, общественной ролью, будь то роль помещицы, чиновника, брошенной жены, матери, отодвинутой на второй план невесткой), в "Границе" предстает как драма человека, которого, в конечном счете, губит сознание того, что все области его существования запрограммированы. Налковская демонстрирует драматическую антиномию: стремление личности к индивидуальной свободе, чувство – и реальность, – заключающаяся в том, что ощущение идентичности можно обрести лишь через "роль".

Идеи закодированности человеческого поведения придерживался и Ивашкевич ("Барышни из Волчигов", "Блендомерские страсти"), но истоки его концепции следует искать у Шопенгауэра, утверждающего, в отличие от Бергсона, что характер – неизменная сущность человека, проявляющаяся во времени, но не формируемая им. Таким образом, все сознательные решения входят в коллизию с характером, который делает напрасными большинство человеческих усилий. Ивашкевич поэтому – в отличие от Налковской, Стерна, писателей "Поколения 1910", Виткевича – не ставит вопрос о том, что детерминирует характер.

Очевидно, что этот с трудом познающий себя и других человек был обречен на одиночество. Характерно, что в "Графе Эмиле" и "Нетерпеливых" (1939), "Страстном пилигриме", "Барышнях из Волчигов", "Адаме Гривальде" (1936) и "Зависти" (1939, издана в 1973) Т. Брезы, "Чужеземке" (1936) Кунцевич, романе З. Грабовского "Тишины леса и твоей тишины" (1931) – это изначальное состояние "чуждости" окружению, мучительное и непреодолимое, связанное чаще всего с невозможностью войти в не-

кую, необходимую человеку, среду одновременно со стремлением освободиться от нее.

У Брезы тема одиночества облечена в наиболее адекватную этому состоянию форму – писатель прибегает к методу бихевиоризма. Основная проблема обоих романов писателя – проблема одиночества как непреодолимой чуждости. По словам М. Домбровского, «бихевиоризм "Адама Гривальда" был применен из интереса – что из этого ... получится ... "Зависть" – драматическое следствие этого метода, попытка демаскировки его ошибок, свидетельство фальши и некомпетентности, когда речь идет о возможности увидеть то, что важно в человеке» [8]: трагедия повествователя "Зависти" происходит из-за неверной трактовки внешних реакций, поведения Шимона.

На том же чувстве "чуждости" основано одиночество графа Эмиля в одноименном романе Налковской, Розы в "Чужеземке" Кунцевич, Якуба в "Нетерпеливых", Анджея в "Страстном пилигриме" Стерна. Никто из них не может полностью войти в предназначенный ему круг, чувствовать себя равным. Ощущение одиночества в романах Налковской подкрепляется "памятью предков": одиночество больного отца. Якуб несет в себе весь груз страданий рода – в "Нетерпеливых" это уже композиционный и психологический стержень романа. Возникает мотив сближения двух одиночеств в надежде на спасение.

Основной экзистенциальный опыт, воплощенный в творчестве В. Гомбровича – также чувство одиночества. Мизерность собственного "я" в конфронтации с феноменом культуры и цивилизации рождает и потребность в контакте с людьми, подтверждение себя самого путем отражения в сознании окружающих. В рассказах, составивших "Дневник периода созревания" (1933), писатель создает образ героя, представляющего замкнутую систему: находящийся вне некоей общественной группы, связанной совместным ритуалом или игрой, он стремится проникнуть в нее, преодолеть страх и "смущение" – признаки "незрелости" – категории, постоянно присутствующей в творчестве Гомбровича. Не в силах противостоять давлению окружения, персонаж впадает или в крайнее приятие игры (рассказы "Танцор", "Пир графини Котлубай"), или в отрицание ее ("Короткий дневник Якуба Чарнецкого", "Преднамеренное преступление", "Приключения"). Для "незрелого" героя часто характерен мазохизм: сопротивление связано со страхом и удовольствием эротического характера ("Девичество", "Приключения", "Происшествия на корабле...").

Мотив страха перед действием, самой его перспективой, воплощенный в "Приключениях" как ужас перед агрессивно навязываемой цивилизацией ролью, показателен для польской прозы 30-х годов, проявившей особый интерес к психологическому феномену потери мотивации – специфическому типу социального стресса, который теперь стал предметом научных исследований.

Большая часть литературной молодежи Польши начала 30-х годов сознавала свое драматическое бессилие перед жизнью, а естественный юношеский энтузиазм у нее оказывался подавленным. Первое поколение, взрослевшее уже в независимой Польше, испытало на себе и ее социальные и психологические проблемы. Герой этой – преимущественно биографической прозы – это с запозданием пытающийся найти место в жизни молодой человек, нередко начинающий писатель (Гривальд в "Адаме Гривальде" Брезы, Люциан в "Общей комнате" (1932) Зб. Униловского, герой "Марионеток" (1938) Ст. Отвиновского) или студент ("Общая комната", "Исповедь" Ю. Мортон, "Нелюбимая" А. Рудницкого). Следует при этом обратить внимание на повторяющиеся в произведениях этого поколения ситуационные и психологические схемы:

- 1) неизлечимая болезнь ("Общая комната"; "Исповедь"; "Трагическое поколение" (1936) М. Рут-Бучковского; "Бегство" из сборника "Неизбежные пути" Е. Анжеевского). Этот мотив, очевидно, представляет собой не только реалию, но и метафору органической не приспособленности к жизни;

- 2) параллельное развитие нескольких сходных судеб (молодые люди в "Общей ком-

нате"; юные герои романа "Где ты, дружище?!"; обитатели туберкулезного санатория в "Трагическом поколении"; актерская богема в "Марионетках");

3) крах попытки "пробиться" в жизнь по социальной лестнице, переживание безработицы, ощущение своей ненужности в независимой послевоенной Польше у молодых героев и любовная неудача, воспринимаемая как полное фиаско ("Нелюбимая"; "Марионетки");

4) комплекс неполноценности по отношению к старшему поколению, выражающийся в эдиповом комплексе ("Крысы", 1932 Рудницкого) или напряженном восхищении старшим поколением, способным оставить что-то после себя ("Общая комната");

5) беспомощность героя не только по отношению к внешнему миру, но, прежде всего, по отношению к тайнам собственной психики, остающейся инфантильной ("Фердыдурке" – в конечном счете, также исповедь мужчины тридцати с лишним лет, все еще не нашедшего подходящей для себя роли в жизни. Избавиться от навязанной ему после выхода в свет "Дневника периода созревания" маски безответственного молодкососа герой не в силах. Гомбрович показывает мифическую историю современного человека, деформированного отражением в сознании других людей, культурой, непрерывно формируемого и угнетаемого различными идеалами и мировоззрениями, человека, раздираемого стремлением к законченной форме и тайной склонностью к незрелости в подсознании);

6) частотность самоубийств, интерес к которым на бытовом материале ставил вопрос об обесцененности жизни.

Очевидно при этом то, что невозможность – или почти непреодолимая для большинства затрудненность – самореализации в этот период принимает масштабы жизненной концепции. Этот мотив возникает не только у представителей младшего поколения. Трагическое осознание бессмысленности, ошибочности прожитой жизни – одна из основных тем "Чужеземки" Кунцевич, "Заговора мужчин", "Блендомерских страстей", "Барышень из Волчинок" Ивашкевича, "Графа Эмиля", "Нетерпеливых", "Границы" Налковской, "Зависти" и "Адама Гривальда" Брезы.

Таким образом, это и проблема человеческого выбора как конкретного психологического действия, внутреннего переживания. Выбор переживается как неочевидный и часто ошибочный. Чтобы осознать это, человек иногда должен дойти до порога смерти.

Тема конца жизни, ситуация, мотивированная необходимостью подведения последней черты, пограничная ситуация ожидания смерти, мотив самоубийства явственно звучит в польской прозе тридцатых годов, в некоторых случаях определяя и специфическое построение повествования. Герои Ивашкевича именно в моменты, так или иначе связанные со смертью, способны на некие моментальные акты иллюминации, родственные мистическому или эстетическому откровению, которые выявляют скрытое присутствие иной, внутренней реальности.

Тема ожидания смерти и "адаптации" к этому состоянию неразрывно связана с темой памяти в целом. По словам В. Маченга, "обретение прошлого – это одновременно построение собственной жизни как судьбы, построение себя самого как личности" [5. S. 11]. Этот прием широко используется в прозе этого времени (очевидно, не без влияния романа Пруста): "Вся жизнь Сабины" Е. Богушевской, где героиня более интенсивно переживает жизнь в собственной памяти; "Чужеземка" М. Кунцевич.

Е. Анджеевский же обращается к памяти-судьбе, совести человека, лишаяющей его внутреннего покоя – покоя сердца ("Покой сердца", 1938). Однако именно память является истинным критерием человеческой жизни. Память терзает и мучает всех героев романа, прошлое определяет основные конфликты произведения.

С "Поколением 1910" в прозу возвращается герой, обладающий повышенной чувствительностью, способностью и склонностью к рефлексии. Неординарен и юный герой романа воспитания в отличие от творчества Униловского, Рудницкого и других молодых писателей, возвращавшего теме юности естественный и здоровый поворот

("Сын" Э. Слоньского, 1922; "Поколения Марека Свида" Струга, 1925; "Канун весны" Жеромского, 1925; тетралогия Й. Беняша, 1931–1934; "Буря над мостовой" М. Русинька, 1932; "Жизнь Миколая Сребремписанного" Э. Зегадловича, 1935–1936; "Ему 22 года" Т. Пайпера, 1936; "Небо в огнях" Парандовского, 1936; "Король умер, да здравствует король" М. Проминьского, 1935–1937).

Расцвету этого жанра во многом способствовало широкое проникновение в быт идей антропологии, концепции Юнга, идей Фрейда и его учеников, углубление знания о процессе развития ребенка и подростка, общий повышенный интерес к вопросам психологии, который давал определенный импульс литературе, создавал установку восприятия (в это время появляется ряд романов, посвященных психологическим проблемам детства и школы: "Первая кровь" И. Кшивицкой, 1930; первые главы "Вкуса жизни" Т. Кудлинского; "Мыс Доброй надежды" и "Рубикон" З. Новаковского, 1931 и 1935; "Земля Эльжбеты" П. Гоявичиньской, 1934 и др.).

Как и в прозе собственно о детстве, здесь можно выделить две точки зрения на место детских впечатлений в человеческой жизни. В большинстве романов это время свободы и счастья, когда сознание еще не угнетает трагизм времени. Но встречается и "постфрейдистская" концепция антиидиллических детства и молодости – тяжелого для героя периода формирования комплексов, определяющих его дальнейшую судьбу (наиболее яркий пример – "Ненасыщение" Ст.И. Виткевича, 1927).

Особо можно выделить роман воспитания о молодом художнике (что подтверждает мысль о том, что здесь читатель имел дело уже с далеко не усредненным героем): "Гилярий, сын бухгалтера" (1923), "Луна восходит" (1925) Ивашкевича. Впрочем, по словам Р. Пшибыльского, "портрет молодого художника-модерниста перенял из... романа воспитания лишь саму тему взросления, придав ей совершенно иной характер ... Роман о молодом художнике стал произведением о его эстетическом воспитании" [9].

"Возвращение к детству – как периоду, который обеспечивает человеку независимость от времени и аутентичность переживаний, которым не угрожают еще условности и нормы, навязываемые взрослым общественной жизнью – было стимулом и началом многих литературных произведений двадцатого века ... Новый взгляд на детство и годы ранней молодости, связанный с идеей повторного переживания пройденных уже фаз развития, принадлежит к фундаментальным основам психоанализа Фрейда" [10], – пишет Е. Спеина в статье "Бруно Шульц и сюрреализм". Исследователь связывает творчество польского писателя с концепцией сюрреализма, для которого важны были именно детские переживания, составляющие мир чудесного – плод работы воображения и реальности, снов, иллюзий, предчувствий, мир, без ограничений доступный человеку в детстве. В "Коричных магазинах" (1934) Шульца реализуется стремление выйти за границы земной, прозаической действительности. "Санаторий под клепсидрой" (1937) наполнен детской любовью к свободе и жизни, полной неожиданностей, интересом к экзотике.

Этот утвердившийся в литературе психологический стереотип восприятия детства как некой позитивной ценности, возвращение к которой возможно и необходимо для человека (Пруст и его всевозможные последователи) отвергает В. Гомбрович. Детство для него ассоциируется прежде всего с незрелостью. Кроме того, писатель в гротескной форме поднимает проблему неснимаемого конфликта детей и родителей, к которому в большей или меньшей степени обращались авторы романа воспитания, а также Кунцевич ("Чужеземка", 1936), А. Тарн ("Портрет отца в четырех картинах"), Налковская ("Роман Терезы Геннерт", "Граница"), А. Стерн ("Страстный пилигрим"). Таким образом, то, что позже стало бытовым психологическим знанием – неизбежность конфликта родителей и ребенка, зарождение комплексов, повторение жизненных ситуаций в следующем поколении и т.д. – вошло в польскую межвоенную прозу и в виде отдельных мотивов, и воплотилось в самостоятельных художественных конструкциях.

Тема любви в межвоенной польской прозе – как и мотивы детства, юности, памяти, смерти, одиночества – представляет интерес с точки зрения изменения мотивировки

и – как ее следствие – представления о происхождении и роли этого чувства в человеческой судьбе. Постановка этой проблемы во многом обусловлена взглядом на вопрос о познаваемости человека. В прозе межвоенного двадцатилетия можно найти элементы романтической, натуралистической и модернистской точек зрения, усложненных ушедшим вперед знанием человека о психопатологии обыденной жизни.

Прежде всего, это характерная для романтизма и неоромантизма концепция любви как возможного жизненного стержня (Рудницкий, Ивашкевич, Налковская, Кшивицкая, Гоявичинская). Налковская, подобно Хороманьскому, вынесла свою концепцию любви как непредсказуемой и разрушительной стихии, нарушающей определенный жизненный порядок из модернизма, наследовавшего не только романтизм с его представлением о любви как о великой, но трагической силе, но и натурализм с его поисками биологических мотивов. В этой связи можно говорить и об идее любви-страдания, а также невозможности любви вообще (у Хороманьского и Гоявичинской) или неспособности к любви как личной черты героя (в "Нелюбимой", "Барышня из Волчигов", "Новой любви" этот психологический дефект оказывается знаком эпохи).

Хотя о различии мужского и женского мозга наука заговорила недавно, психоанализ на разных этапах своей эволюции уже демонстрировал "неснимаемость" конфликта мужской и женской психологии. Проблема эта в том или ином аспекте всегда присутствовала в литературе. Особенно популярная в европейской литературе рубежа веков, в межвоенное двадцатилетие в Польше она наиболее отчетливо ставится Ст. И. Виткевичем, Я. Ивашкевичем, Б. Шульцем, М. Хороманьским. Для их концепции характерно сведение антагонизма мужского и женского начал к оппозиции духа и материи, интеллектуализма и инстинкта, культуры и природы (исключением является лишь Хороманьский). Чрезвычайно популярным в межвоенной польской прозе оказывается взгляд, близкий Бахофену, Фрейдю, Фромму, философии жизни Г. Зиммеля: женщине незнакомо специфическое внутреннее напряжение, составляющее содержание жизни мужчины. Если жизнь представляется последнему задачей, требующей решения, то для женщины жизнь и ее внутреннее переживание образуют органическое единство.

На бытовом уровне проблема конфликта полов ставилась и в "женской прозе" тридцатых годов (М. Кунцевич, В. Мельцер, П. Гоявичинская, Э. Наглерова). Это подчеркнуто феминизированный мир, где реально присутствующие в жизни героинь мужчины не достойны роли партнеров.

Как и интерес к детству, расцвет любовной и женской темы в послевоенной польской прозе, был одним из симптомов психологической нормализации общества. Немаловажную роль сыграло стремление применить к данной теме усложнившийся "инструментарий" психологического исследования. Не говоря о влиянии фрейдизма на польскую прозу 20–30-х годов, следует иметь в виду, что нередко это был психоанализ "из вторых рук", и, кроме того, Фрейд был известен больше как исследователь подсознания, сексуального элемента, психопатологии каждодневности.

Психоанализ был особенно притягателен тем, что обратился к изучению основополагающих вех и эмоций жизни, разрушая стену между реальностью их проявлений и камуфлирующей их остроту моралью. Неслучайно так смело анализируется в этот период психика женщины ("Союз с ребенком" Кунцевич, повернувший проблему материнства совершенно неожиданным для обывателя образом, "Чужеземка", где читатель вновь видит то, чего "не должно быть" в обывательском мире: стоящая на грани безумия женщина, буквально истязающая близких ей людей). Однако второй роман построен как психоаналитическое объяснение поведения героини.

Конец 20-х и 30-е годы приносят наиболее мрачную картину женской судьбы: повторяется судьба женщины нелюбимой ("Заговор мужчин" Ивашкевича, "Тот взгляд" Кунцевич, "Святая кухарка" Мельцер, "Вся жизнь Сабины" Богушевской, дилогия Гоявичинской), нелюбящей или недостаточно любящей ("Ночи и дни", "Чужеземка", "Райская яблоня"), брошенной ("Граница", "Чужеземка", "Недобрая любовь", дилогия Гоявичинской, ее "Два человека"), явно или скрыто мстящей за обманутые чувства.

Опыт польской прозы межвоенного двадцатилетия в масштабах европейской литературы интересен, как нам кажется, именно формированием в обществе нового психологического языка.

Двадцать лет назад в психологии появился термин "алекситимия" – неспособность человека объяснить свои переживания в адекватной словесной форме, ведущая к серьезным последствиям. Ученые выделили четыре компонента, способствующие образованию синдрома: дефицит эмоциональной сферы, недостаток лексических средств, недостаточность воображения, неготовность к пониманию символики. Все они непосредственно связаны с общей вербальной культурой человека, социума и ее местом в создании особого психологического языка. Языку художественной литературы принадлежит, очевидно, главная роль в их структурировании.

Психологическая проза работает на "покрытие" дефицита эмоциональной сферы. Вводя новый материал жизни в культурное сознание, она не просто переводит недифференцированные чувственные и интеллектуальные переживания в упорядоченную структуру, но и создает особые – речевые – средства для их описания и понимания, готовит восприятие человека к приему и пониманию новых художественных средств – т.е. новых эстетических кодов.

Польская психологическая проза межвоенного двадцатилетия, исходя из национально-культурной традиции, реальности данного исторического момента, усваивая при этом уже существующий в практике мировой литературы психологический язык, создавала свои образцы такого языка, уникальные потому, что во многом уникальным был и ее исторический опыт, и культурная готовность его эстетически отразить. Опыт этот, однако, оказался невостребованным и не вошел вовремя в общее художественное сознание. Это произошло позже, когда польский кинематограф преодолел языковые барьеры и предубежденность и оставаясь сугубо польским по тематике, оказался открытым психологическим и эстетическим языком. Несомненно, что сам этот феномен не в последнюю очередь был подготовлен психологическим языком, созданным межвоенной прозой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Барт Р.* От науки к литературе // *Барт Р.* Избранные работы. Семиотика, Поэтика. М., 1994. С. 58.
2. *Гинзбург Л.* О психологической прозе. Л., 1977.
3. *Бахтин М.* Эпос и роман (О методологии исследования романа) // *Бахтин М.* Литературно-художественные статьи. М., 1986. С. 413.
4. *Бердяев Н.* Конец Европы // *Бердяев Н.* Судьба России. М., 1990. С. 119.
5. *Maciag W.* Nasz wiek XX. Warszawa, 1992.
6. *Pomirowski L.* O współczesności literackiej // *Pion*, 1933. № 11.
7. *Znaniński F.* Ludzie terazniejsi a cywilizacja przeszłości. Warszawa, 1934.
8. *Dąbrowski M.* Tadeusz Breza. Warszawa, 1982. S. 48.
9. *Przybylski R.* Eros i Tanatos. Warszawa, 1970. S. 83.
10. *Speina J.* Bruno Schulz a nadrealizm // *O prozie polskiej XX w.* Warszawa, 1971. S. 186.

© 1996 г. МОЛОШНАЯ Т.Н.

ГРАММАТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ ГЛАГОЛЬНОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ В СОВРЕМЕННЫХ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

Данная грамматическая категория не получила общего признания в лингвистике. Конечно, об объединении личных (предикативных) и неличных (непредикативных) форм глагола в систему форм одного слова так или иначе пишется в каждой грамматике, но отдельную грамматическую категорию, которая представляет (репрезентирует) процесс в двух вариациях – как чистый процесс или как процесс, осложненный предметными или признаковыми моментами, выделил, пожалуй, только А.И. Смирницкий [1. С. 245 и сл.]. Он справедливо замечает, что если исходить из понимания грамматической категории как обобщенной грамматической единицы, выражаемой в регулярном противопоставлении двух или более категориальных форм, то можно предположить, что и регулярное противопоставление личных и неличных форм также дает основание для выделения особой категории. В чем состоит суть противопоставления личных и неличных форм и по какому общему признаку оно проводится? Основное их различие заключается в том, с какой степенью полноты и насколько ярко процесс представлен в той или иной глагольной форме именно как процесс. Легко видеть, что в одних глагольных формах процесс представляется только как процесс, в других формах процесс изображается в соединении с другими качествами: в них процесс, оставаясь процессом, в то же время может быть частично представлен как признак или же частично опредмечен.

Рассмотрение подобного противопоставления личных и неличных форм позволяет заключить, что обсуждаемая категория репрезентации выступает в четырех категориальных формах:

- 1) категориальной форме собственно глагольной репрезентации, характерной для личных форм;
- 2) категориальной форме субстантивной репрезентации, характерной для инфинитива;
- 3) категориальной форме адъективной репрезентации, характерной для причастия;
- 4) категориальной форме адвербиальной репрезентации, характерной для деепричастия.

Ясно, что основой объединения всех личных и неличных форм, представленных как категориальные формы категории репрезентации, в парадигму одного глагольного слова является прежде всего тождество их лексических значений. Тождество лексических значений сохраняется и в случае наличия многозначности. Так, если личная форма имеет два значения – *Они колеблются* – в смысле 'не могут принять решения'

– и *Деревья колеблются от ветра* – в смысле 'совершают физическое движение', то соответствующие неличные формы (инфинитив, причастие и деепричастие) сохраняют эти два значения. Наблюдается также тождество фразеологических значений у личных и неличных форм: ср. пол. *Kładę ci karty na stół* 'Открываю тебе свои планы', *Nie chcemy kłaść ci karty na stół* 'Не хотим открывать тебе свои планы', *Kładaça ...* 'Открывающая ...', *Kładąc ...* 'Открывая ...'.

Однако тождество лексических значений и фразеологических особенностей не является достаточным условием для объединения личных и неличных форм в парадигму одного глагола. Необходимо, чтобы они объединялись также общими грамматическими признаками. К таковым чаще всего относят синтаксическое управление. П.С. Кузнецов [2. С. 254] писал, что в русском языке в синтаксическом отношении как причастия, так и деепричастия (нужно добавить – и инфинитив) сочетаются с теми же падежами, что предикативные глагольные формы. Например, *руководжу кем/чем, руководить кем/чем, руководящий кем/чем, руководя кем/чем*. Здесь следует заметить, что такое же управление творительным падежом сохраняется и у тех отглагольных существительных, которые никак не могут быть отнесены к глагольной лексеме (ср. *руководство кружком*). В русском языке глагольное управление сохраняется также существительными, представляющими собой субстантивированные причастия типа *заведующий (кафедрой), управляющий (делами)* и пр. Следовательно, синтаксический признак управления не может считаться формальным показателем объединения словесных форм в парадигму одного глагола. Представляется, что совершенно прав А.В. Исаченко [3. С. 18], утверждавший, что состав и объем глагольной парадигмы должен быть определен исключительно на основании морфологических (а не семантических или синтаксических) показателей, являющихся выразителями морфологических категорий. Каковы те категории, которые объединяют все без исключения глагольные формы? В славянских языках любой глагол соединяет значение процесса с понятиями грамматического вида и залога. Нет глагола вне вида, и каждый глагол обязательно относится к одному из двух залогов (активному или пассивному). Все остальные грамматические категории не обязательны для каждой глагольной формы: категория лица отсутствует в инфинитиве, причастии и деепричастии; категория наклонения также связана только с личными формами; категория времени не присуща повелительному и сослагательному наклонениям и инфинитиву; в причастии и деепричастии категория времени проявляется несколько иначе, чем в личных формах. Единственные грамматические категории, которые в славянских языках наличествуют в каждой глагольной форме, это категории вида и залога. На этом основании к глагольным формам относятся все те "слова", в которых проявляются грамматические категории вида и залога. Это личные формы, инфинитив, причастие и деепричастие.

Личные глагольные формы, обладая общими всем формам глагола категориями вида и залога, характеризуются также грамматическими категориями времени, модальности и отнесенности к одному из лиц. Время, модальность и лицо являются сказуемостными, предикативными категориями¹.

Инфинитив представляет собой субстантивную форму глагольной репрезентации. Его субстантивный характер выступает особенно ясно, когда он служит подлежащим предложения: *Найти его было тяжелой задачей*. В других случаях, даже там, где инфинитив играет роль как бы прямого дополнения (*Я хочу пойти туда*), его субстантивность очень относительна. Он, в отличие от существительного-дополнения, не может сочетаться с предлогом и, соответственно, не может выполнять в предложении функцию косвенного дополнения, присоединяясь к глаголу-сказуемому в качестве чле-

¹ Категория числа в личных формах связана с категорией лица (*я – мы, ты – вы, он – они*). Категория грамматического рода проникла в глагольную систему и проявляется в личных формах прошедшего времени, сослагательного наклонения и других аналитических формах, включающих причастие на *-л/-л* (ср. бол. перфект *дал е, дала е, дало е*; пол. плюсквамперфект *czytałem był, czytałam była, czytałem było* и т.д.).

на предложения, развивающего и поясняющего сказуемое. Но основное отличие инфинитива от существительного состоит в том, что ему присущи глагольные категории вида (рус. *писать* – *написать*, чеш. *dělat* – *udělat*, пол. *robić* – *zrobić*, с.-х. *садити* – *засади́ти*) и залога (рус. *может строить* – *может строиться кем-либо* и *может быть построен*; чеш. *chválit* – *chválit se* и *býti chválen*; пол. *wychować* – *wychować się* и *być wychowany przez kogoś*; с.-х. *преносити* – *преносити се* и *бити пренесен*).

В современном болгарском языке, как известно, сохранился лишь так наз. сокращенный инфинитив, который употребляется очень ограниченно – только после модальных глаголов *мога*, *смея* и в отрицательных императивных сочетаниях с *недей/недейте*. В первом случае инфинитиву свойственна категория вида (ср. *можеш писа* – *можеш написа*), в составной императивной конструкции, выражающей запрет производить действие, употребляется лишь несовершенный вид инфинитива (*недей писа* 'не пиши'). О возможности или невозможности залоговых форм сокращенного инфинитива в грамматиках обычно ничего не сообщается.

Македонский язык не сохранил формы инфинитива.

Деепричастие, названное нами адвербиальной формой глагольной репрезентации, иногда рассматривается как "гибридная наречно-глагольная категория", совмещающая в себе признаки глагола и наречия [4. С. 384]. В соответствии с высказанными выше соображениями представляется, однако, что деепричастие не может быть оторвано от глагольного слова, оно является полноценной парадигматической формой глагола. В русском языке деепричастия отчетливо выражают вид: различаются формы несовершенного вида (*отвечая*, *работая*), которые в традиционных грамматиках называют формами настоящего времени, и формы совершенного вида (*ответив*, *проработав*), которые называют формами прошедшего времени. Эти формы имеют темпоральное значение, отличное от значения грамматической категории времени, так как они соотносят действие не с моментом речи, а с основным действием предложения. Деепричастия изображают второстепенное действие либо как совпадающее с основным действием (*Отвечая на вопрос, ученик волновался*), либо как несовпадающее, чаще всего предшествующее основному действию (*Ответив на вопрос, ученик сел на место*). Одновременность второстепенного действия с главным выражается деепричастием несовершенного вида независимо от временного плана, к которому отнесено главное действие. Последнее может относиться к настоящему, прошедшему, будущему или может быть выражено "вневременной" формой инфинитива:

<i>Он посещает вечерние курсы,</i> <i>Он посещал вечерние курсы,</i> <i>Он будет посещать вечерние курсы,</i> <i>Посещать вечерние курсы,</i>	}	<i>работая на заводе.</i>

Иными словами, деепричастие не передает значений грамматической категории времени, оно выражает таксисные отношения (относительное время).

Подобное положение существует и в чешском языке: *Jdouc* (несов. в. наст. вр.) *se mnou, vyprávuje/vyprávělalbude vyprávět mi o svém životě* 'Идя со мной, она рассказывает/рассказывала/будет рассказывать мне о своей жизни'. Здесь деепричастие указывает на синхронность дополнительного и основного действий. Ср. *Vykonav* (сов. в. прош. вр.) *svou práci, odešel domů* 'Выполнив свою работу, он ушел домой' – деепричастие обозначает второстепенное действие, которое предшествовало главному².

² Чешская грамматическая традиция выделяет также так наз. деепричастие будущего времени, которое выражает действие, предшествующее другому будущему действию. По форме – это причастие настоящего времени от глаголов совершенного вида (*přinesa, přinesouc, přinesouce*).

В отличие от русского, чешское деепричастие настоящего, прошедшего и будущего времени изменяется по родам и числам: м.р. ед. ч. *nesa, přišed*; ж. и ср.р. ед. ч. *nesouc, přišedši*; мн.ч. *nesouce, přišedše*. Эти категории рода и числа являются у деепричастия, как и у причастия, синтаксическими, согласовательными.

В польском языке сохраняется принципиально та же картина: деепричастие несовершенного вида (наст. вр.) передает одновременность, а деепричастие совершенного вида (прош. вр.) – предшествование, например, *Stado gołębi spada, klaszczą skrzydłami* 'Стая голубей падает, хлопая крыльями' и *Poszli, wywieźdźawszy się wcześniej, czy ich transport czasem nie ruszy* 'Они пошли, разузнав сначала, не тронется ли их эшелон'.

Точно так же в сербохорватском языке деепричастие несовершенного вида настоящего времени выражает одновременность обозначенного им действия с основным действием в предложении (*Идући мислио сам* 'Идя, я думал'), а деепричастие совершенного вида прошедшего времени – предшествование основному действию (*Расширивши крила остао непомично* 'Расправив крылья, остался неподвижен').

В современных болгарском и македонском языках деепричастие не имеет форм вида, в грамматиках пишут, что оно образуется только от глаголов несовершенного вида. Эта неизменяемая глагольная форма всегда обозначает одновременность выражаемого им побочного действия главному действию в предложении: бол. *Той бавно се катереше, рискувайки всеки миг да се провали в пропастта* 'Он медленно карабкался вверх, рискуя каждую минуту свалиться в пропасть'; мак. *Трчаеше, мавт̄ајки са рака* 'Бежал, махая рукой'. В грамматиках сообщается, что иногда, особенно при наличии специальных лексических показателей, болгарское деепричастие может обозначать действие в прошлом, предшествующее главному действию: *Съединявайки се двете групи там, щяха да чакат ново нареждане* 'Соединившись (букв. соединяясь) там, обе группы должны были ждать нового распоряжения' [5. С. 283]. Но форма деепричастия совершенного вида как таковая в современном языке практически отсутствует. Так что, строго говоря, остается не совсем ясным, следует ли включать деепричастие в болгарском и македонском в парадигму глагола. Представляется, что, скорее всего, следует – однако помня, что эта глагольная форма во всех славянских языках является исторически молодой и не совсем устоявшейся³.

Грамматическая категория залога, которая выражает направленность/ненаправленность действия на субъект, в деепричастии полностью не реализуется. В русском языке пассив от деепричастия совершенного вида образуется довольно регулярно (*построив – будучи построен*), а деепричастия совершенного вида часто не имеют пассивной формы (*строя – нет *будучи строен*, но возможно *критикуя – будучи критикуем*). Это проявление дефектности парадигмы, которое вообще весьма характерно для русского литературного языка. Поэтому отсутствие пассива от некоторых деепричастий не является грубым нарушением системы. Следует также учитывать, что пассив – сравнительно новая грамматическая форма не только в русском, но во всех славянских языках, и он еще не получил полной морфологической отчетливости⁴.

³ Ср. положение в словацком языке, где деепричастия долго были типичны прежде всего для книжных стилей, в народных говорах их не было. Поэтому некоторые словацкие пуристы еще в середине нашего века относились к ним с неодобрением. Деепричастия также не свойственны и чешскому общинно-разговорному языку. В болгарском языке употребление деепричастий тоже не получило широкого распространения.

⁴ Так, в русском языке пассивный залог может быть выражен во всех глагольных формах двояко: посредством аффикса *-ся/-сь* или посредством аналитической формы, в состав которой входит страдательное причастие. Наблюдается явная тенденция разграничивать синтетические и аналитические формы пассива по видам. У глаголов несовершенного вида предпочтение отдается аффиксальным формам (*дом строится, строился, будет строиться, строился бы, может строиться, строящийся, строившийся*), у глаголов совершенного вида – аналитическим формам (*дом построен, был построен, будет построен, был бы построен, может быть построен, будучи построен, построенный*). Однако эта общая тенденция не доведена до конца: в пределах несовершенного вида имеются как аффиксальные пассивные формы, так и аналитические формы (*книга критикуется – книга критикуема, книга крипиковалась – книга была критикуема* и т.д.) [3. С. 358–364].

Следующая категориальная форма категории репрезентации – **причастие** – по своему морфологическому облику сочетает в себе признаки глагола и прилагательного. Подобно прилагательным, причастия изменяются по родам, числам и падежам; эти категории являются у причастий, как у прилагательных, синтаксическими, проявляющимися в согласовании с существительным. Пассивные причастия к тому же, подобно прилагательным, образуют полные и краткие формы, но, в отличие от прилагательных, не имеют степеней сравнения. Кроме того в русском языке от прилагательных могут быть образованы отвлеченные существительные на *-ость/-есть*, от причастий подобные существительные не образуются. В болгарском и македонском языках причастия, как имена прилагательные, могут иметь членную (определенную) форму (бол. *тънещ* – *тънещият/тънещия*, *тънеща* – *тънещата*, *тънещо* – *тънещото*; мак. *прокиснат* – *прокиснатиот*, *свисната* – *свиснатата*, *поджолотно* – *поджолното*). Категорию определенности, также как категории рода, числа и падежа, в причастиях нельзя признать глагольной.

С глагольной парадигмой причастия связаны не только процессуальным значением, но в первую очередь специфическими глагольными категориями вида и залога: всякое причастие имеет одно из видовых значений (*читающий*, *читавший* – несовершенный вид, *прочитавший* – совершенный вид), всякое причастие выражает актив или пассив (*читающий*, *читавший*, *прочитавший* – актив, *читаемый*, *читающийся*, *читанный*, *читавшийся*, *прочитанный* – пассив). Для разных форм причастий, относящихся к пассивному залогу, в русском языке характерна разная степень продуктивности и употребительности. Этот вопрос здесь не рассматривается [3. С. 547–553, 560–569].

Сложнее обстоит дело с категорией времени. Причастие имеет два времени – настоящее и прошедшее, причем обе временные формы возможны лишь у причастий несовершенного вида, например, *читающий* – *читавший*. Причастие совершенного вида имеет только форму прошедшего времени (*прочитавший*). А.В. Исаченко показал условность терминов "причастие наст. вр." и "причастие прош. вр.", так как причастия настоящего времени не выражают отнесенность действия именно к настоящему, их семантика состоит в отсутствии указаний на отнесенность действия к прошлому. В связи с этим их грамматическое значение в ряде случаев может истолковываться как одновременность побочного действия с главным: ср. *Я вижу мальчика, читающего книгу* и *Я видел мальчика, читающего книгу*.

Причастия польского языка также характеризуются глагольными категориями вида и залога. При этом активный залог сочетается в основном с несовершенным видом (*czytający*), а пассивный и с несовершенным и с совершенным (*czytany* и *przeczytany*). Есть небольшая группа активных причастий с суффиксом *-ł*, которые образуются от глаголов совершенного вида со значением перехода из одного состояния в другое (*zbiegły* 'сбежавший', *wypadły* 'выпавший'). Обычно в грамматиках активные причастия несовершенного вида называют причастиями настоящего времени. В действительности они чаще всего обозначают не отнесенность побочного действия к плану настоящего, а одновременность этого побочного действия с действием, называемым сказуемым: *Samovar stojący u pieca szumiął i parą huchał* 'Самовар, стоящий/стоявший у печки, шумел и пускал клубы пара'. Пассивные причастия от глаголов совершенного вида имеют значение завершеного действия, предшествовавшего основному: *Przeczytałem książkę napisaną przez tego pisarza* 'Я прочитал книгу, /ранее/ написанную этим писателем'. Интересно, что в польском языке пассивные причастия с суффиксами *-ni* и *-t* могут быть образованы от непереходных глаголов, например, *wypoczęty* 'отдохнувший', *zaginiony* 'пропавший', что в русском языке невозможно.

В современном чешском языке представлены активные причастия настоящего времени несовершенного вида (*kvetoucí* 'цветущий'), редко употребляющиеся активные причастия прошедшего времени совершенного вида (*vykonavší* 'выполнивший') и

широко употребляющиеся пассивные причастия прошедшего времени обоих видов (*čtený* 'читаемый', *uđelaný* 'сделанный', *užity* 'используемый').

В современном сербохорватском языке употребляются активные причастия прошедшего времени на *-l* от глаголов несовершенного и совершенного видов (*čitaо* 'читавший', *спасао* 'спасший') и пассивные причастия прошедшего времени на *-ен, -н, -т* также от глаголов обоих видов (*стрижен* 'стриженный', *измучен* 'измученный', *узет* 'взятый'). Причастий настоящего времени как активного, так и пассивного залога в сербохорватском языке нет.

В болгарском языке причастие имеет категории залога, вида и времени. Причастия активного залога настоящего времени возможны только от глаголов несовершенного вида, они обычно передают не столько значение действия, происходящего в момент речи, сколько значение одновременности называемого ими сопутствующего действия главному действию предложения: *Майката хвърли гризлив поглед към спящите си деца* 'Мать бросила озабоченный взгляд на своих спящих детей'. Действительные причастия прошедшего времени совершенного вида на *-л* в самостоятельном употреблении чаще всего обозначают состояние лица или предмета, возникшее в результате предшествующего законченного действия и одновременное главному действию предложения: *Или той видя частици от своето детинство, станало му чуджо, не негово* 'Или он видел частицу своего детства, /уже/ ставшего для него чужим'. Соответствующие причастия от глаголов несовершенного вида самостоятельно употребляются реже. Они обычно обозначают предшествование основному действию предложения: *Едно куче чакало през всичкото време, бафна насрещу ѝ* 'Одна собака, все время ожидавшая /у дверей/, твякнула ей навстречу'. Как говорилось выше, подобные темпоральные отношения одновременности и предшествования действия или состояния другому действию скорее относятся не к грамматической категории времени, а к грамматической категории таксиса. Пассивные причастия в современном болгарском языке возможны от глаголов обоих видов только в форме прошедшего времени: *писа – писан, облека – облечен* 'одетый', *бия – бит* 'битый', *изплюя – изплют* 'выплюнутый'. Отметим, что пассивные причастия образуются как от переходных, так и от непереходных глаголов, с появлением активного значения: *засмян* 'смеющийся', *замислян се* 'задумавшийся'. В значении пассивного причастия настоящего времени иногда может использоваться пассивное причастие прошедшего времени от несовершенных глаголов: *Песни, пени в слава на героя, днес звучат ми като смях при гроба* 'Песни, которые поются (букв. петье) во славу героя, звучат теперь для меня как смех на могиле'.

В македонском языке активные причастия на *-л* употребляются только в составе сложных форм глагола, поэтому в грамматиках их не принято называть причастиями. Они образуются от глаголов обоих видов: *гледал сум* (перфект), *бев живеел* (плюсquamперфект), *би дошол* (сослагательное наклонение). Лишь пассивные причастия на *-н/т* могут употребляться в качестве определения или полупредикатива: *наведната глава* 'наклоненная голова', *Го најдоа самоубиен* 'Его нашли покончившим с собой', *Седната на камен, таа гледаше...* 'Сидя (букв. севшая) на камне, она смотрела...'. Эти причастия образуются и от переходных и от непереходных глаголов обоих видов.

Что касается **отглагольного существительного**, то оно в русском языке безусловно не входит в глагольную парадигму даже по синтаксическим признакам: для него характерно другое управление (*объясняю, объяснять, объясняющий, объясняя что*, но *объяснение чего*). Точно так же в польском, чешском, словацком, сербохорватском языках отглагольное существительное от переходных глаголов, требующих винительного падежа, управляет родительным: чеш. *trýznění chlapců* 'истязание ребят'; пол. *zwiedzenie Krakowa* 'посещение Кракова', с.-х. *брање винограда* 'сбор винограда'. Еще важнее, что отглагольное существительное не может считаться обладающим

грамматическими категориями вида и залога. В русском языке, как правило, отглагольное существительное соотнесено с обоими видами глагола. Существительное *объяснение* воспринимается как относящееся и к глаголу *объяснить* (сов. в.), и к глаголу *объяснять* (несов. в.). Выраженное значение несовершенного вида сохраняется лишь за существительными, образованными от глаголов с суффиксом *-ив/-ив-* (*отбрасывание, покашливание*).

В традиционных чешских и словацких грамматиках отглагольные существительные обычно включаются в парадигму глагола на том основании, что там они свободно образуются от обоих видов в тех случаях, когда в русском языке возможны только отглагольные существительные совершенного вида: ср. чеш. *zlepšit – zlepšení* и *zlepšovat – zlepšování* и рус. *улучшать* и *улучшить* – одинаково *улучшение*. Однако в целом ряде случаев отглагольные существительные в чешском и словацком языках не образуются совсем. Отсутствуют отглагольные существительные от модальных глаголов, от некоторых глаголов совершенного вида типа *nahodit se, povyžovat, povyskakovat*, от многократных глаголов (нет форм типа **dělavání, *psávání, chodívání*) [6].

Отглагольные существительные не имеют грамматически выраженного значения залога. Сочетание *Истязание ребят длилось долго* – чеш. *Trýznění chlapců trvalo dlouho* – может быть истолковано двояко: либо 'ребята кого-то истязали', либо 'кто-то истязал ребят'.

Неоднократно отмечалось, что в чешском и словацком языках, в отличие от русского, отглагольные существительные могут сохранять возвратную форму (чеш. *učení* и *učení se*, словац. *učenie* и *učenie sa* – рус. только *учение*). Но в чешском возвратная частица при отглагольном существительном, как правило, опускается (*zpoždít se* 'опоздать' – *zpoždění vlaku* 'опоздание поезда'). Ее сохранение обязательно только в тех случаях, когда залоговая неопределенность существительного затрудняет понимание (ср. *učení cizím jazykům je těžké* 'преподавание иностранных языков – сложное дело' и *učení se cizím jazykům je těžké* 'изучение иностранных языков – сложное дело'). В словацком языке выражение возвратности в отглагольном существительном также далеко не всегда обязательно (ср. *Pochválil ho za dobré učenie pri sa dobre učil*). [3. С. 17].

Повторю, что русский язык не имеет морфологических средств для выражения возвратности отглагольных существительных. Существительное типа *купание* соотнесено с глаголами *купать* (*Купание ребенка в ванне*) и *купаться* (*После купания мы пошли на прогулку*). Если учесть, что в русском языке очень часто одно отглагольное существительное связано с обоими видами, а также с возвратным и невозвратным глаголами, то оказывается, что русское отглагольное существительное может совмещать в себе значения четырех глаголов:

распространение	{	распространить
		распространять
		распространиться
		распространяться

В польском языке, также как в чешском и словацком, отглагольные существительные на *-nie* и *-cie* возможны от глаголов обоих видов: *opisywać, tuć* (несов. в.) – *opisywanie, tucie* и *opisać, utuć* (сов. в.) – *opisanie, utucie*. Отглагольные существительные от возвратных глаголов в подавляющем большинстве случаев (исключения из этого правила единичны) сохраняют частицу *się*: *ubierać się – ubieranie się, tuć się – tucie się*; ср. рус. *одеваться – одевание, умываться – умывание*. Благодаря этому создается впечатление, что польскому отглагольному существительному свойственны и категория вида, и категория залога. В результате некоторые лингвисты включают отглагольное существительное в число собственно глагольных форм наряду с инф-

нитивом, причастием и деепричастием, относя его вместе с инфинитивом к категориальной форме субстантивной репрезентации (см., например, [7. С. 29, 48–49]). Однако все же большинство известных полонистов считают отглагольные существительные отдельными, хотя и производными от глагола словами, и рассматривают их в разделе "Словообразование" (ср. [8. С. 335–340]). Так или иначе в польском языке отглагольные существительные образуются от всех разновидностей глаголов легче и чаще, чем в русском и других славянских языках.

На основании сказанного выше можно придти к следующим выводам:

1. Не выражая обязательных глагольных категорий вида и залога, отглагольные существительные на *-ние*, *-тие* не являются в русском языке формами глагола; они не входят в глагольную парадигму, являясь самостоятельными словами.
2. В чешском и словацком языках образование отглагольных существительных на *-ní*, *-tí*; *-nie*, *-tie* возможно далеко не во всех случаях, оно лишено регулярности, характерной для парадигматического формообразования, следовательно, и там отглагольные существительные должны быть признаны самостоятельными словами.
3. В польском языке, где отглагольные существительные образуются очень регулярно от совершенных, несовершенных и возвратных глаголов, их соотношение с глагольной парадигмой не так определено.
4. Разница между русским языком, с одной стороны, и чешским, словацким и польским, с другой, состоит главным образом в большей продуктивности и употребительности этих образований в западнославянских языках.

В сербохорватском языке отглагольное существительное образуется почти исключительно от глаголов несовершенного вида: *брати* – *брање*, *читати* – *читање*; в редких случаях возможны существительные от совершенных глаголов: *понижавати* – *понижавање* (при *понизити* – *понижење*), *признавати* – *признавање* (при *признати* – *признање*). Иными словами, отглагольному существительному в сербохорватском языке, также как в русском, не присуща категория вида, и уже поэтому оно не может быть включено в систему форм глагольного слова.

В болгарском языке есть две разновидности отглагольного существительного: на *-ние* и на *-не*. Последнее (на *-не*) обычно включается грамматистами в парадигму глагола [9. С. 372; 10. С. 111, примеч. 1; 5. С. 188]. Отглагольное существительное на *-не* часто сохраняет беспредложное управление прямым объектом (*прибиране реколтата* 'сбор урожая'), однако возможно и управление, характерное для существительного, т.е. *прибиране (то) на реколтата*. Все исследователи отмечают, что существительные на *-не* имеют значение чистой глагольности, процессности, их образование есть живое явление в современном болгарском языке. Абсолютно от всех первичных глаголов несовершенного вида возможно существительное на *-не*, например, *мислене*, *говорене*, *ходене*, *плуване*, *пътуване* и пр. Они свободно образуются также от вторичных имперфективов: *измисля* – *измисляне*, *проговорям* – *проговоряне*, *преглеждам* – *преглеждане*. Подобные существительные производятся и от некоторых глаголов совершенного вида (преимущественно с суффиксами *-ува-*, *-ва-*), например, *преплувам* – *преплуване*, *завоювам* – *завоюване*, *отпътувам* – *отпътуване*. Хотя отглагольные существительные последнего типа считаются, с точки зрения литературной нормы, неправильными, тем не менее они часто употребляются в литературном языке, особенно в газетах [11].

Вопросу различия между отглагольными существительными на *-не* и *-ние* посвящена довольно большая литература [12; 13]. Отмечается, что отглагольные существительные на *-ние* передают значение результата действия либо отвлеченного характера (*отношение*, *вдохновение*), либо наоборот опредмеченного характера (*съчинение*, *списание*). Некоторые из них теряют семантическую связь с глаголом и сближаются с неглагольными существительными или переходят в другие части речи (*благодарение* на – предлог). Синтаксически для них характерно управление, отличное от глагольного

(стечение на обстоятелства, съчинение по тема). Всё это не позволяет включить их в парадигму глагола.

В македонском языке существительные на *-ње* также регулярно образуются от всех глаголов несовершенного вида: *вика – викање, бега – бегање, пие – пиење*. Существительное, образованное от переходного глагола, может управлять прямым дополнением без предлога: *Тие појдоа на брење тутун* 'Они отправились собирать табак', но возможно и управление, характерное для существительного: *Брењето на тутун е тешка работа* 'Сбор табака – тяжелая работа'. Б. Конески отмечает, что в народном языке имеется несколько существительных на *-ње* от глаголов совершенного вида: *крштење, венчање, Преображење, проштење*; они пришли из церковнославянского употребления [14. С. 182]. В литературном языке встречается некоторое количество существительных с суффиксом *-ние* от глаголов совершенного вида, обозначающих абстрактные понятия: *решение, образование, издание*. Одни грамматисты, например Р.П. Усикова, называют македонские отглагольные существительные глагольной формой [15. С. 109–110], другие, например В.М. Иллич-Свитыч, не включают их в парадигму глагола [16], третьи, например Б. Конески, считают, что отглагольные существительные, с одной стороны, обозначая процесс действия, очень близки к глаголу, с другой, проявляют тенденцию к субстантивизации, т.е. отрываются от глагола [14. С. 181–187].

Таким образом, можно считать доказанным, что в русском и сербохорватском языках отглагольные существительные, не обладая общеобязательными глагольными морфологическими категориями вида и залога, не являются формами глагольного слова. Сомнительна (в разной степени) принадлежность отглагольных существительных к парадигме глагола в чешском, словацком и польском языках. Не намного больше оснований включать в систему глагольного формообразования и отглагольные существительные болгарского и македонского языков. В результате не представляется обоснованным относить отглагольные существительные в современных славянских языках к категориальной форме субстантивной репрезентации глагола. Эти отглагольные образования должны быть признаны особой разновидностью существительных, семантически соотносимых с глаголом.

Итак, грамматическая категория репрезентации в славянских языках осуществляется в противопоставлении личных глагольных форм формам инфинитива, причастия и деепричастия. Все вместе эти формы составляют единую морфологическую парадигму глагола. Они объединяются собственно глагольными грамматическими категориями вида и залога. При этом, однако, распределение сочетаний данных категорий по языкам не одинаково. Так, в болгарском и македонском деепричастие не имеет форм вида; категория залога в деепричастии всех языков не реализуется полностью; в польском причастии активный залог соединяется в основном с несовершенным видом, а пассив – и с несовершенным и с совершенным; в сербохорватском языке нет причастий настоящего времени несовершенного вида ни активного, ни пассивного залогов; в македонском самостоятельно употребляются лишь пассивные причастия на *-н/-т* и проч. Наблюдаются также различия в функциональной нагрузке категорий вида и залога в рассматриваемых глагольных формах славянских языков. Но, как было показано, по грамматическому статусу эти формы категории репрезентации в наших языках весьма близки друг к другу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Смирницкий А.И. Морфология английского языка. М., 1959.
2. Кузнецов П.С. Глагол // Современный русский язык. Морфология. М., 1952.
3. Исаченко А.В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Морфология. Ч. II. Братислава, 1960.
4. Виноградов В.В. Русский язык. М., 1947.

5. *Маслов Ю.С.* Грамматика болгарского языка. М., 1981.
6. *Křlžková H.* K problematice podstatných jmen slovesných v ruštině v porovnání s češtinou // *Ruský jazyk*. 1959. Roč. 9. № 5.
7. *Tokarski J.* Czasowniki polskie. Warszawa, 1951.
8. *Gramatyka współczesnego języka polskiego.* Warszawa, 1984.
9. Грамматика на съвременния български книжовен език. Т. 2. Морфология. София, 1983.
10. *Андрейчин Л.* Грамматика болгарского языка. М., 1949.
11. *Стоянов Ст.* Неправилна употреба на отглаголно съществително // *Помагало по българска морфология. Глагол.* София, 1976.
12. *Георгиева Е.* Към въпроса за семантичната характеристика на отглаголните съществителни в българския книжовен език // *Помагало по българска морфология. Глагол.* София, 1976.
13. *Стоянов Ст.* Отглаголни съществителни с наставка *-не* от свършени глаголи // *Помагало по българска морфология. Глагол.* София, 1976.
14. *Конески Б.* Грамматика на македонскиот литературен јазик. Дел II. Скопје, 1954.
15. *Усикова Р.П.* Македонский язык. Скопје, 1985.
16. *Иллич-Свитыч В.М.* Краткий грамматический справочник // *Македонско-русский словарь.* Под ред. Н.И. Толстого. М., 1963. С. 547-576.

© 1996 г. ЖЕЛИЦКИ Б.Й.

ЭЛИТА ПАРТИЙНОЙ ВЛАСТИ О ХАРАКТЕРЕ И СОДЕРЖАНИИ СОБЫТИЙ 1956 ГОДА В ВЕНГРИИ

В октябре 1956 г. Венгрия, пережившая острейший политический кризис постсталинского "социализма", забурилась. После начатых в 1953 г. управляемых сверху попыток реформ, возглавлявшихся премьер-министром И. Надем и направленных на частичное ослабление тоталитарного пресса на общество, догматическое партийно-государственное руководство, которое пользовалось бесконтрольной монопольной властью, в 1955 г. прервало процесс преобразований, что в свою очередь привело к росту массового недовольства в стране. Его не смогло смягчить даже удаление от власти лидера Венгерской партии трудящихся (ВПТ) М. Ракоши.

Стихийные демонстрации и массовые митинги начались с 23 октября в Будапеште, их участники выступили с требованием отказаться от тоталитарных сталинистских методов государственного управления, за либерализацию всей сферы общественно-политической жизни, за продолжение реформ, демократизацию существовавшего строя с учетом национальных особенностей страны. Движение охватило ряд крупных городов. Партийно-государственное руководство оказалось, однако, не готовым на какие-либо уступки и фактически прибегло к использованию силы против народа. В ответ развернулось мощное народно-национальное движение за демократию, усилилось сопротивление режиму.

События осени 1956 г. в Венгрии сегодня уже принадлежат истории. За истекшие годы они оценивались по-разному, но на эти оценки чаще всего накладывали отпечаток вполне определенные партийно-политические интересы. Ныне, спустя 40 лет, по мере расширения доступности историко-документальной базы тех событий, пришла пора их профессионального, сугубо научного анализа.

Лидеры свергнутого тогда восставшим народом режима в лице сменявшихся на посту секретарей Центрального руководства ВПТ М. Ракоши и Э. Герё, а также их сторонников, на события сразу же наклеили ярлык контрреволюции (контрреволюционного путча, якобы организованного вражескими антисоциалистическими силами, вооруженного мятежа, бунта). Впрочем, такой взгляд на венгерские события 1956 г. разделяли все ведущие лидеры КПСС во главе с Н.С. Хрущевым. Подобное истолкование было следствием не в последнюю очередь методичной и целенаправленной информации, которая поступала в Москву от посла СССР в Венгрии Ю.В. Андропова и его ближайших сотрудников (В.А. Крючкова и др.). Итогом стала "братская помощь" обанкротившемуся партийному лидеру Герё, а затем и второе военное вмешательство во внутренние дела Венгрии, которая, без предварительных

на то санкций из Москвы, попыталась демократизировать свой социализм, отойти от общепринятых стандартов его советского образца.

Сами участники массовых демонстраций и митингов в Будапеште и в других городах Венгрии, однако, вовсе не считали себя ни контрреволюционерами, ни врагами социализма. Население восставшей венгерской столицы и других городов страны, равно как и свободная от цензуры печать тех октябрьских дней, а, следовательно, и широкое общественное мнение, со своей стороны, именовали то, что происходило тогда в Венгрии, народным движением, национально-освободительным движением, народным восстанием, революцией, национально-освободительной борьбой. Именно в таком порядке, в такой нарастающей последовательности.

Лидеры ВПТ, а затем и Венгерской социалистической рабочей партии (ВСРП), включая Яноша Кадара и возвращенного в их состав опального реформатора И. Надя, сменившие в ходе восстания прежнее обанкротившееся партийно-государственное руководство, сначала приняли предложенную Э. Герё оценку и характеристику событий ("контрреволюция"). Но затем, после его удаления с поста руководителя партии, новые лидеры, освободившись от "опеки", под воздействием реального хода событий, конкретного содержания развернувшегося в стране процесса, как и подавляющая часть руководства обновленной партии в целом, были вынуждены признать их прогрессивный, народный и демократический характер, равно как и справедливость основных требований масс. Следует отметить также, что как прежняя партийная, по сути изолированная от народа, верхушка, так и сменившая ее, не имели достаточно четких, а тем более объективных представлений о том, что на самом деле происходило в стране и только с известным запозданием задумывались о подлинной сущности и характере происходящего. Для подтверждения этого достаточно сослаться на оценку руководителя Венгерского телеграфного агентства МТИ, оценившего ситуацию в высших партийно-правительственных кругах 26 октября 1956 г. следующим образом: "Дело в том, что события показали: ни тогдашнее правительство, ни партийное руководство не были достаточно информированы о реальностях, о масштабах движения..." [1]. Партийное руководство только с 27 октября стало получать необходимую информацию. Как можно определить, читая протокол заседания ЦР ВПТ от 26 октября 1956 г., партийные лидеры уже тогда начали осознавать и признавать, что октябрьские события нельзя считать "сплошной контрреволюцией". Я. Кадар, ставший после Герё руководителем ВПТ, на этом заседании заявил, что "против нас по сути теперь уже стоят рабочие массы". Секретарь ЦР Ф. Донат также подтвердил, что вышедшие на улицы "массы в десятки тысяч рабочих" больше нельзя рассматривать как результат влияния какой-то контрреволюции. По его мнению, в "решающем большинстве" следует говорить "о массовом демократическом движении" [2. 32–33 old.]. Донат, а также другой член руководства, З. Ваш, в интересах преодоления противостояния с массами считали необходимым вступить в переговоры с повстанцами и отвергали путь вооруженной борьбы против них, подчеркивая, что вооруженное подавление массового движения было бы равносильным "выступлению против самого народа" [2.34–36 old.]. Характерно, что вскоре сами партийные руководители стали пользоваться для определения сущности и характера тех событий той же терминологией, которой пользовались повстанцы и которая получила распространение в народе.

В самый разгар народного восстания, 27–28 октября, обновленное венгерское партийное руководство единогласно, притом в присутствии и с согласия высокопоставленных представителей КПСС в лице А.И. Микояна и М.А. Суслова, официально отказалось от квалификации событий в качестве контрреволюции и признало их общенародный, национальный и демократический характер. Произошло это после того, как выступая на заседании ЦР и политбюро ВПТ новый премьер-министр Венгрии И. Надь, в частности, сказал: "Если движение, опирающееся на широкую базу, мы будем считать контрреволюцией, как это и оценивали поначалу, то не остается другой возможности, как подавить его при помощи оружия, танков и

артиллерии. Это трагедия. Теперь нам ясно, что это не наш путь... Нужно встать во главе тех огромных, мощных народных сил, которые пришли в движение. А это возможно лишь в том случае, если события будут расцениваться так, как их расцениваем мы" [2. 36–40 old.]

Тогда и там же обстоятельства вынудили высшее венгерское партийное руководство принять именно такое решение. Сам Надь и его сторонники, желавшие демократизировать социализм, отвергли надобность расценивать события в качестве контрреволюции и выступили за признание их "широким, сплотившим народ воедино национально-демократическим движением" (при этом они, однако, не исключали того, что к движению, возможно, присоединились и какие-то реакционные, уголовные или даже контрреволюционные элементы, которые нередко становятся временными попутчиками любого мощного народного движения). После обсуждения вопроса на заседании Совета Министров И. Надь по поручению высшего руководства ВПТ вечером 28 октября от имени правительства известил население страны по радио о переоценке событий высшим политическим руководством Венгрии. В заявлении И. Надя была изложена также правительственная программа выхода из кризиса и решимость осуществить демократические преобразования социализма с использованием "новых демократических форм самоуправления, возникших по народной инициативе" в ходе революции, были даны обещания вывести в кратчайший срок советские войска из Будапешта (одно из требований повстанцев) и начать переговоры с СССР по вопросам урегулирования советско-венгерских отношений. В тот же день с заявлением выступило и ЦК ВПТ, выразив свое "полное одобрение сегодняшним заявлением правительства" [3. 84–85 old.]. Следует отметить также, что все эти положения, высказанные И. Надем, не встретили тогда сопротивления со стороны находившихся в Будапеште эмиссаров Кремля.

Развернувшийся с 23 октября революционный по своему основополагающему характеру процесс демократизации общественно-политической жизни Венгрии после 28 октября в результате разумных прагматических действий правительства И. Надя начал терять свою остроту, проявились первые признаки успокоения и примирения, начались стабилизация положения и становление политической системы на основе возрождающейся демократической многопартийности. В конце октября – начале ноября казалось, что реформаторские устремления, получившие поддержку со стороны революционизированных масс, позволят обеспечить мирное, эволюционное завершение событий в Венгрии.

Вечером 1 ноября Я. Кадар, еще в полном согласии с принятыми оценками и решениями, выступая по радио, назвал события "славным восстанием нашего народа" [3. 267 old.]. Следует отметить, что до этого времени он во всех вопросах целиком и полностью поддерживал И. Надя, одобрял все принимаемые решения его правительства, но затем вдруг, неожиданно для окружающих бесследно исчез из Будапешта. Вместе с министром внутренних дел Ф. Мюннихом Кадар по телефону был приглашен Андроповым в советское посольство, а затем вывезен в СССР. В Будапешт он возвратился только 7 ноября в сопровождении советских танков уже в качестве главы новой исполнительной власти – Венгерского революционного рабоче-крестьянского правительства, заступившего на место изолированного, а затем окончательно отстраненного правительства И. Надя. Произошло это уже после того, как 4 ноября 1956 г. советские военные формирования, дополнительно введенные в Венгрию с целью "наведения порядка", прервали естественное развитие внутривнутриполитического процесса и придали ему вполне определенное реставраторское направление. Второе вмешательство советских войск в венгерские дела формально было осуществлено по просьбе "параллельного" кадаровского правительства, которое в тот момент фактически состояло из двух членов (Я. Кадар и Ф. Мюнних), пребывавших на территории СССР, и двух номинальных фигур кабинета, которые находились тогда на советском военном аэродроме под Будапештом и узнали о своей принадлежности к этому правительству только из обращения Кадара по радио. Обращение Кадара к

народу, как известно, прозвучало в эфире утром 4 ноября, когда уже шла советская военная операция по овладению мятежным Будапештом.

В результате этого второго военного вмешательства процесс "преждевременной" или "ранней демократизации" социализма в Венгрии оказался насильно прерванным.

После окончательного подавления всех опорных пунктов национального сопротивления в столице с 4 по 11 ноября, революционные по сути преобразования не могли получить своего логического завершения. На некоторое время (примерно до середины декабря) в стране сложилась обстановка некоего специфического двоевластия, при котором существовали, с одной стороны, законное правительство во главе с И. Надем, заблокированное в здании югославского посольства в Будапеште, а реальную власть на местах представляли образовавшиеся во время восстания рабочие и революционные советы, а с другой – новое правительство Я. Кадара, заявившее о своих намерениях отстаивать и "спасать" дело социализма советского типа. Опорой последнего являлись лишь органы безопасности и советские войска, контролировавшие положение в стране. Фактически немедленно началось восстановление отвергнутой народным движением авторитарной монопартийной государственной власти прежнего типа, правда, в ее новом, кадаровском исполнении. Характерно, что при этом реставрацию режима Кадару приходилось начинать с реорганизации самой партии, которая, несмотря на свою громадную для венгерских масштабов, почти миллионную численность, фактически полностью развалилась за считанные дни народного восстания. Сложный и противоречивый реставрационный процесс осуществлялся как методами репрессий, устрашения и усмирения, так и путем обещаний и неизбежных уступок. При этом со стороны новых партийно-политических структур, естественно, шел поиск соответствующей оправдывающей их действия и поступки идеологии. Неожиданный поворот в действиях Кадара после 1 ноября (тайну которого, кстати, до самой смерти он так и не раскрыл, оставаясь верным "интернациональному долгу" и не желая разоблачать перед историей лидеров КПСС и СССР), естественно, привел к неизбежному пересмотру с его стороны оценки октябрьских событий, к их переоценке на официальном партийном уровне. Эта метаморфоза давалась, однако, нелегко.

Протоколы первых заседаний (11 ноября – 3 декабря 1956 г.) Временного ЦК ВСРП и Исполкома партии, которые в Венгрии давно доступны исследователям, позволяют судить о том, как решалась эта дилемма представителями высших эшелонов новой партийно-государственной власти. Характерно, что представители новой элиты, рассуждая о событиях между собой откровенно, называли их восстанием, революционным движением масс, революцией, а ее последний этап – национальным сопротивлением, "национальной войной" [4. 5/3 ö.e. 1–2, 9, 33, 42 old; 4/1 ö.e., 2, 9 old.]. Я. Кадар также подчеркивал, что переживаемый этап был "действительно революционным временем", но основным недостатком все же считал отсутствие "единой идеологии" [4. 4/1 ö.e. 2, 9 old.]. Высшее партруководство осознавало, что все то, что им делалось раньше, было ошибочным, так как "глубоко ущемляло национальное чувство" венгров. В то же время оно начало усердно искать оправдательные, приемлемые для себя варианты публичного, пропагандистского наименования и истолкования событий. Один из членов ЦК ВСРП на заседании этого органа 3 декабря 1956 г., в частности, сетовал: "Очень осложняет ситуацию то, что Эрнё Герё 23–24 октября охарактеризовал демократическую и безоружную массовую демонстрацию как контрреволюцию... Его речь (обращенная к народу вечером 23 октября. – Б.Ж.) подлила масла в огонь, носила провокационный характер" [4. 4/3 ö.e. 78 old.]. Сам Кадар отмечал, что "люди, включившиеся в вооруженное восстание в Будапеште 23–30 октября, а также громадное большинство молодежи выступали только против ошибок, но не против народно-демократического строя" [4. 4/3 ö.e. 7 old.]. Он выразил свое несогласие с теми, кто считал, что движением руководили контрреволюционеры. "Правда состоит в том, что подавляющее большинство студентов, которые на деле руководили делами, не повернулись против рабочего

класса, просто желали изменений, – отмечал Кадар. На их сторону встало множество честных людей и главным образом честной молодежи" [4. 4/1 ö.e. 3 old.].

Представители создаваемой тогда новой политической элиты – высших эшелонов партийной и государственной власти – в своем узком кругу говорили также о том, что прежняя, называвшая себя рабочей властью партийно-политическая верхушка в осложнившейся ситуации последней декады октября попробовала опираться на рабочих и в начале событий раздала им оружие, которое "выстрелило, однако, в обратном направлении" (это весьма примечательное и долго сокрытое от общест-венности обстоятельство!), т.е. оно было использовано рабочими против этой же скомпрометировавшей себя узкой тоталитарной верхушки. В кадаровских кругах безошибочно определяли и не сомневались в том, что в результате военного втор-жения, подавления очагов сопротивления масс и ликвидации завоеваний повстанцев "подавляющее большинство населения питает к нам громадную ненависть", что "присутствие советских войск вызывает никогда ранее не виданное национальное сопротивление" [4. 5/3 ö.e. 3 old.]. Характерно, что член руководства М. Хорват 11 ноября на заседании временного ЦК даже Кадара обвинил в том, что создание под его руководством "революционного правительства было ошибкой, так как Имре Надь сумел бы нормализовать положение" [4. 4/1 ö.e. 12 old.]. На деле это означало, что Кадар был обвинен в том, что ему не следовало "обращаться за помощью" к советским войскам. Другой член высшего партруководства тогда же добавил, что по существу "мы сейчас снова возвратились к старому", которое "не встречает поддерж-ки большинства рабочего класса" и "по-прежнему опирается на оружие некоторых" сил [4. 4/1 ö.e. 20–21 old.]. В этой связи Л. Фехер выразил мысль о том, что сложившаяся в стране ситуация является не чем иным, как "большим общенациональным сопротив-лением", которое характеризуется антипартийным и антисоветским настроением из-за насильственного подавления движения масс. "Присутствие в стране советских войск, – отмечал этот партийный деятель, – вызывает никогда не виданное ранее националь-ное сопротивление" [4. 4/1 ö.e. 41–42 old.].

Разумеется, все эти определения и признания были только для "внутреннего потребления". (Правда, вскоре самые оппозиционно настроенные члены ЦК были удалены из руководства.) Обращаясь же к внешнему миру, новая элита ВСРП начала отказываться от уже публично признанных определений характера и содержания октябрьских событий с явным намерением возвратиться к прежним оценкам и понятиям, высказанным еще Андроповым и Герё. Это и понятно – ведь того требовали интересы новых власть предержащих, и если они не желали подорвать свои же собственные устои, то, безусловно, должны были искать и находить оправдания вооруженному вмешательству и последующему разгрому органов, созданных народом в период восстания.

Протоколы заседаний высших партийных органов конца 1956 г. сохранили слова Я. Кадара, который говорил, что октябрьские события в Венгрии "в крайнем случае можно назвать восстанием", но предлагал не признавать их национальной революцией (что допускалось раньше), ибо это, по его словам, недопустимо и политически несостоятельно, так как такое признание может "деморализовать наших людей", которые "взяли в руки оружие против революции" [4. 5/3 ö.e. 3, 9 old.]. С учетом этого он счел нужным не допустить "политических колебаний". В итоге Кадар предложил, как следует поступать. "Надо сказать людям, – подчеркивал он, – то, что произошло

23 октября – это было восстание, а не революция, и что там они выступили против громадного числа ущемлений и обид, однако, с самого начала присутствовала также и контрреволюция. А то, что произошло со времени перемирия, с 30 числа (на деле перемирие было объявлено 28 октября. – Б.Ж.), – это уже была чистая контрре-волюция" [4. 5/4 ö.e. 2 old.].

Из этих слов Кадара, следовательно, вытекает, что он признавал ущемление народа режимом тоталитарной партийной власти, справедливость требований и даже

выступления народных масс на начальном этапе октябрьских событий, но наряду с этим обращал внимание на присутствие среди восставших и контрреволюционных элементов. Естественно, Кадар не мог отказаться при этом от поиска мотивов для оправдания своего поступка, совершенного после 1 ноября. Он искал столь нужные ему для этого аргументы.

Со стороны ВСРП, как известно, официальной версией для характеристики событий 1956 г. в конце концов стало такое определение, согласно которому в октябре в Венгрии произошел все же вооруженный контрреволюционный мятеж, направленный на ликвидацию социалистического строя, на возрождение буржуазной демократии. Как известно, именно такая позиция была зафиксирована в решении Временного ЦК ВСРП 5 декабря 1956 г., хотя она не вполне соответствовала взглядам Кадара. Насколько такое решение было навязано извне, со стороны идеологов ЦК КПСС (которые с самого начала упорно и последовательно называли венгерские события именно контрреволюцией), и в какой степени авторство принадлежит самим новым лидерам ВСРП при отсутствии документальных источников ныне не представляется возможным определить с абсолютной точностью. Известно, однако, что именно эта дефиниция стала официальной партийной версией, она внушалась, утверждалась и долгие годы бытовала в литературе и в обыденном сознании.

Во второй половине 80-х годов, в условиях расширения гласности и вновь развернувшегося процесса демократизации общественно-политической жизни Венгрии ЦК ВСРП оказался вынужденным с учетом выводов специальной партийной исторической комиссии отказаться от такой явно предвзятой оценки событий и признал их народным восстанием. Весной 1990 г. венгерский парламент также изучал и рассматривал эту проблему и 2 мая принял закон, в котором говорится, что в Венгрии в октябре 1956 г. вспыхнула и развернулась освободительная борьба, в ходе которой народные массы с оружием в руках выступили против сталинистской тирании, за восстановление независимости страны, и эта революция была подавлена только с помощью внешних сил.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Uj Magyar Központi Levéltár (UMKL). XIX – A – 24, 2.d., 377/57 ö.e.
2. A kormány és a párt vezető szerveinek dokumentumai // Historia. 1989. 4–5. sz.
3. 1956 sajtója. Október 23 – November 4. Budapest, 1989.
4. A Politikatörténeti Intézet Archivuma (PIA). 288.f.

ЗАМЕТКИ ПЕРЕВОДЧИКА

(Андрей Бий. "Петербург")

В предлагаемых заметках сделана попытка отразить наиболее существенное из того, что постепенно осознавалось в процессе работы над переводом романа русского символиста Андрея Белого "Петербург" и что соответственно должно было проявиться в конечном результате.

С самого начала было ясно, что мне довелось переводить особенную, экспериментальную прозу, основанную на особых, как бы поэтических принципах, которые, однако, имеют в произведении другую, столь же своеобразную функцию. Эта исходная позиция изначально определяла подход к тексту. Прежде всего возникала необходимость определить пространственно-временные координаты произведения: реальное, историческое пространство и время и – символическое.

Действие романа происходит в Петербурге в 1905 г., в атмосфере нарастающего революционного брожения. Это конкретная историческая ситуация, из которой переводчик должен сделать некоторые обязывающие выводы. Остановимся на названии "Петербург" (в своих первых набросках автор раздумывал и над другими названиями: "Адмиралтейская игла", "Злые тени", "Лакированная карета", "Красное домино"). Меня, естественно, интересовало, под каким названием роман был "перенесен" в другие национальные литературы, в которых уже существовал перевод. Очевидно, под влиянием отечественных традиций некоторые переводчики склонились к формам: "Petrohrad" (чешский перевод), "Petrograd" (сербский), "Péterváros" (венгерский); примечательно, что все эти переводы выполнены в 60-е годы. Польский перевод 1974 г. называется "Petersburg".

В 1905 г. город официально назывался Петербургом (Санкт-Петербургом), короткое время – с 1914 по 1924 г. – Петроградом и затем, до недавних пор, – Ленинградом. Таковы исторические предпосылки, которые переводчик не может игнорировать.

Но есть и другой аспект. Заглавие, название в литературном произведении не бывает случайным и не раз оказывается – а здесь это несомненно – ключом к сути. Русский православный мыслитель Павел Флоренский – между прочим, современник Белого и его друг, близкий ему по духу (в молодости они хотели вместе вступить в монашеский орден) – пишет в своих теоретико-литературных заметках, что внутренним ядром литературного характера является имя, и воспринимает все художественное произведение как некое пространство, силовое поле этих образов-имен. В целом, считает он, имена – это средства магического проникновения в действительность; зная имя, мы узнаем вещь, но одновременно имена представляют позна-

ваемую мистическую действительность как таковую. С этих позиций, – воспринимая литературное произведение как силовое поле своего собственного названия, которое является средством магического проникновения в реальность, – я и искала ключ перевода.

Здесь значима и звуковая форма имени. Петербург. Если произносить слово по-русски, с ударением на "у", которое в нем – носитель звучания, то мы услышим в основном это "у-у", а мотив "у-у" действительно повторяется в романе, повторяется как мотив революции: "Уууу-уууу-ууу: так звучало в пространстве; и – был ли то звук? Звук – какого-то небывалого смысла"; ... "уууу-уууу-ууу" раздавалось негромко в полях пригородных Москвы, Петербурга, Саратова: но фабричный гудок не гудел; ветра не было; и – безмолвствовал пес. Слышал ли ты октябревскую эту песню: тысяча девятьсот пятого года?" (цит. по: [1. С. 58]). Над коварным звуком "у", над его сущностью задумывался и Павел Флоренский в статье "Имена", подкрепляя свои рассуждения примерами из русской и мировой романтической поэзии. Он говорил о внутренней противоречивости звука "у", находящегося на границе бытия и небытия. В этом смысле русское "Петербург" в романе погранично – как заглавие и как главный герой произведения; с помощью "у" оно соединяется со своим детерминантом – с революцией. Это соединение означает намало конца, в самом рождении таится смерть.

В названии есть и звук "пе", в котором выражен повторяющийся мотив "п", "пе", наводящий на мысль о взрыве (в романе – "пепп пеппович пепп"; запомнившийся с детства звук скачущего мячика у одного из главных персонажей, Николая Аполлоновича Аблеухова, ассоциируется с круглой бомбой, которую нужно использовать при террористическом акте).

Название "Петербург", таким образом, вводит в особый мир звуков, из которых соткана ткань художественного текста. В этом смысле нельзя не присоединиться к мнению Д.С. Лихачева, который в кратком введении к комментированному изданию романа писал: "Проза Белого – это проза оратора, проза Демосфена".

Все это в совокупности заставляло последовать за авторским замыслом и словацки также дать название "Петербург" (хотя на словацком в связи с особенностями ударения естественные звуковые приоритеты сдвигаются: акцент делается на "п"). Для читательского восприятия важна и нынешняя ситуация, когда город стал называться "Санкт-Петербург".

Я подробно говорила о названии романа – в духе Флоренского – еще и потому, что рассуждения этого мыслителя открывают возможность его интерпретации, подсказывают, каким было мышление Белого, – исходные рубежи их мировидения были очень близкими (отчасти и в том, что оба воспринимали мир сквозь призму математики, Флоренский в молодости был сторонником математических теорий проф. Бугаева, отца Белого), хотя путь их развития был различным (Белый от православной мистики пришел к теософии и восточным философиям). При переводе необходимо было также достичь соответствующего эффекта, каким-то образом постичь эту идейную ориентацию, хотя бы частично отождествиться с нею, поскольку она обуславливает наиболее скрытые внутренние приемы автора, нашедшие применение во всей структуре этого блистательного текста.

Выше уже говорилось о границе бытия и небытия. Достаточно вдуматься в смысл этих слов, и станет ясно, что речь идет о состоянии, подобном смерти, которое все же смертью не является, – короче, о состоянии сна. Сон, точнее греза, – это второе, символическое пространственно-временное измерение романа "Петербург". Во многих фрагментах романа автор обращается к "сновидческой сущности", на это указывают и знатоки "Петербурга". Этот город – сон Аполлона Аполлоновича Аблеухова, центрального персонажа романа, это сплошной дурной сон, тяжкий кошмар, воплощающий окостеневшую государственную машину империи, которая повсюду подавляет нормальную, естественную сущность. У "каменного сна" Белого есть свои атрибуты – это различные геометрические фигуры, соответствующие классицистической и ампириной архитектуре города, которые видятся Аполлону Аполлоновичу перед самым засы-

панием или во время сна в лакированной карете. Прежде всего в его представлении возникают *линии* – линии как названия улиц в Петербурге (17-я линия и т.п.), а также как некое обобщение бездушных форм распланированного, по сути неживого, "мертвого города", в переносном смысле разлиновавших жизнь в нем и во всей стране. Мотив линий влечет за собой в романе определенную цепь ассоциаций, поэтому я в переводе не дробила это объединяющее понятие (в отличие от чешского переводчика), и в словацком также предпочла слово "линия" (lfnie), а не "čiaru", что первоначально иногда напрашивалось по контексту.

Правда, здесь есть еще и другое "бездушно-схематизирующее" начало: отчужденность человеческих отношений, конфликт поколений, воплощенный в лакировке, сверкании и бликах холодной квартиры Аблоуховых (в архитектурном плане она как бы отражает петербургское барокко). Чтобы достичь эффекта передачи отчужденности, холода в отношениях отца и сына, я в духе авторской поэтики использовала при характеристике Аполлона Аполлоновича шкалу заимствованных слов; метаязык, в котором разведены обозначение и обозначаемая реальность, вызывает ощущение разъединенности и внутри реальности.

Но вернемся к сновидческой сущности романа. Тяжесть "каменного сна" как бы душит естественную легкость сновидения, которая здесь пробивается. Словно камнем было придумано что-то живое, желающее вырваться. "Ты, Россия, как конь! В темноту, в пустоту занеслись два передних копыта; и крепко внедрились в гранитную почву – два задних" [1. С. 70]. Этот отрывок, в рамках всего романа имеет наиболее обобщающий в различных отношениях смысл, буквально символизирует две силы: неподвижную, сковывающую силу, гнет, и силу "распирающую", некое самодвижение, направленное вверх. На этом принципе основан весь роман. Скованное движение. О скованности здесь уже говорилось; что же означает для переводчика "Петербург" движение?

В первую очередь я осознавала – вначале интуитивно, а затем и рассудком, – что это движение во сне. В русском языке и литературе в значении ускоренного движения по земле обычно употребляется глагол "летать" (он подлетел, тройка летит, летели по улице и т.п.). Традиция словацких переводов диктует заменять его в основном глаголами, подсказанными контекстом (príbehol, priskočil, beží trojka, utekali ulicou...). Но в романе Белого действительно летают! В каменном городе воспаряет Аполлон Аполлонович со своей каретой, в отчужденном аблоуховском жилище нервно летает его сын Николай Аполлонович, а среди японских пейзажиков в миниатюрной квартирке Лихутиных порхает героиня любовной интриги Николая, Софья Петровна. Эти персонажи, предметы и явления движутся во сне, а потому летают. Разумеется, я им позволила летать и по-словацки (при работе я не раз с благодарностью могла оценить возможности, которые дает переводчику близость двух славянских языков). Русское "какета полетела в туман" переведено как "koč letel do hmly" (а в чешском переводе заметны уступки реальному, первичному, я бы сказала – "прозаическому" плану произведения, и эта фраза, название главки, звучит как "kočár vyrazil do mlhy"), и т.п.

Со сновидческой сущностью связаны и другие композиционные приемы. На принципе известного "déjà vu" основаны повторы, возвратный определенных мотивов (такие мотивы касаются персонажей, их чувств и состояний, различных ситуаций и описаний и т.д.); они даны в виде целостных образов – повторыются или лукаво варьируются ряды одних и тех же, либо таких же лукаво заменяющихся слов. В духе своей поэтики автор вводит их в текст, иногда целиком, иногда отрывочно или намеком, создавая необходимые ассоциации. Именно с такими "возвратными снами" я как переводчик мучилась больше всего. Нужно было постоянно держать в памяти весь текст перевода (рабочая рукопись разрослась на 600 с лишним страниц) и знать, где я "уже видела" тот или иной отрывок. Для этого, конечно, можно придумать некую систему (у меня ее не было), рационализировать труд, но признаюсь: порой я вместе с автором вздыхала над тем, что все это уже было – где-то, когда-то, а может, нигде, никогда...

Во всем этом заключается особый, личный и "личностный" символизм Андрея Белого. Его символические пространство и время, сон, представляют (сквозь иллюзорность увиденного) какую-то имитацию, замену иного, сверхъестественного мира, которого мы не можем постичь, и тем самым вводит в определенную трансцендентальную плоскость. Картину такого иллюзорного мира дает Флоренский, на примере дантовской космологии из "Божественной комедии" (конкретно он пишет о том, как Данте с Вергилием спускаются в чистилище, где в определенном месте – на уровне Люциферова пупка – переворачиваются вверх ногами и возвращаются на землю так, как с нее ушли). Очень интересно, что из этой дантовско-птолемеевской концепции мира для художника или абстрактно мыслящего человека вытекает "иная перспектива", которая находится за гранью, разделяющей мир реальный и иллюзорный. В этой перспективе иначе видится пространство и иначе течет время. Это мир, в котором конкретное абстрагируется, детали синтезируются – весь спектр, логика движения улавливается, например, в одном характерном жесте и т.п. Литература знает такие случаи (например, в творчестве Виликовского), когда конкретность мышления, отраженная в языке, перекодируется на более высокий уровень абстракции. Такой синтезирующий характер имеет у Белого синекдоха ("носы", "жилетки" вместо "люди", и т.п.). И здесь я старалась быть послушной тенью автора. Только в некоторых случаях, когда – по-моему – принцип слиянности, синтеза словно расщеплялся разлагающей сущностью конкретизации, я использовала собственное решение: например, русское "котелки", т.е. шляпы особой формы (по-словацки это звучит довольно неуклюже: "tvrdiaky") я передала общим понятием "шляпы", и т.п. Во всем романе автор часто повторяет различные выражения, означающие красный цвет, вызывая тем самым его чувственное восприятие (красное – связь крови и революции). И здесь я ощущала потребность в обобщении – обыгрывать корень слова "červený". Русское "багровый", "багряный" – например, "багрянело лицо" (по-словацки, конечно же, не "spuřugovela tvár", а "očervenela") – я из этих соотношений переводила как "červený", "červenat'sa" (не "purpurový" и т.д.). В духе этого принципа некоторые выражения – различные, нередко в различных контекстах, но косвенно связанные скрытой ассоциацией (тут я просто полагалась на свое чутье) – я переводила одинаково, подчеркивая эту связь. Скажем: "Завизжала бешеная собака"¹ (речь о разъяренном муже, который кричит на неверную жену) – "zavyl besnú pes"; затем в той же главке "постель жалобно завизжала" – "postel' žalostne zavyla", и соответственно: "раздался и нечеловеческий вопль" – "sa gozl'ahlo aj nel'udské zavutie", – и в дальнейшем этот мотив повторяется: "животные вопли машины" – "zvieracie vytie orchestriónu", или "из глубины вывалившийся вопль" – "z hlbín vyplesnuté vytie" и т.д.

Принцип повтора, ассоциативной возвратности охватывает все пласты произведения, и при переводе становилось все яснее, что его нельзя передать методом дифференциации в выборе языковых средств – т.е. поиском синонимов; наоборот, принцип здесь объединяющий, и нужно глубоко прочувствовать произведение, чтобы нащупать точки соприкосновения, иногда усилить их связь, сделать ее более заметной для воспринимающего, удаленного контекста. Образно говоря, я словно вязала шарф, подхватывая все соотносящиеся петли. А ядро романа состоит из множества взаимно переплетенных, как косичка, шарфов.

Думаю, что отмеченная выше "иная перспектива" была для автора отправной точкой и при создании его особенных предложений, "приведенных в движение", например, с помощью инверсий, изменения порядка слов. Тем самым он достиг "иной перспективы" в романе, а также "иной перспективы" романа. Результатом, естественно, стал определенный ритм, ритмизация, не случайная, но необычно организованная в особом, труднопостижимом трепетании текста, в котором словно звучит собственная "внутренняя жизнь". Своеобразна его лексика – архаичные, нередко выдуманные или из диалектов "вырванные" выражения (защнырять, обшваркать, раско-

¹ У Белого – "провизжала". (Примечание переводчика статьи.)

рячиться и масса других), либо выражения, употребленные в ином, непривычном значении. Эту "вибрацию" (она проявляется и в звучании) подкрепляет и использование пунктуации; передавая незаконченный ход мыслей, автор разбивает обширные периоды (иногда на полстраницы) множеством точек с запятой, двоеточий, тире и т.п. Русские ощущают в "Петербурге" своего рода "шелушение" авторского языка, обнажение его скрытых форм. Белый показал мне, что язык художественного произведения можно раздробить нарушением синтаксических правил, инверсий, особо организованным ритмом в рамках предложения и в рамках повествовательных линий, лексическими и звуковыми странностями и т.п. С самого начала я воспринимала "Петербург", несмотря на его родство с поэзией (принцип повтора), как роман, как прозаическое произведение; так, слегка проясняя его, делаю более читаемым для современности, я и переводила. Инверсия приглушалась, а в отношении лексики я пыталась, в рамках своих возможностей и тоже неявно, расширять границы языка по вертикали и горизонтали, т.е. идти вглубь, к архетипу, если так можно сказать, отыскивая ближайшие соответствия русского и словацкого языков, но также и вширь, за пределы литературного языка. Поэтому я использовала в романе множество выражений, не предусмотренных переводческой традицией или малоупотребительных.

Уже шла речь о "внутреннем движении" во фразах Белого, благодаря которому "оживает" весь его внушительный прозаический эксперимент. Тем самым роман, продукт духа и для духа созданный, словно обретал телесность, в этом движении и трепете – его бессмертие. (Здесь я задумываюсь о переводе, который, конечно, может "жить" в своем времени и пространстве, но, как мы знаем, бывает смертен.) Об отношении Белого к телу, телесности, к телесному движению пишет в воспоминаниях его жена, Клавдия Бугаева. Это был прирожденный акробат, прекрасно владевший своим необычайно ловким телом. Он "чувствовал" свое тело, умел "жить в нем". Умел даже постигнуть разумом (что мало кому дается) какой-то инстинктивный ритм тела, который неосознанно, вне сознания вызывает инстинктивные жесты, мимику, позу. Эти инстинктивные проявления человеческого тела отражены и в языке: например, "как будто его ноги сами несли" и т.п. Именно этой сферой речи Белый особенно интересовался, называл ее "темный язык". И свой "Петербург" он как бы писал в том же ключе, развивая и надстраивая этот первобытный "темный язык" коллективной бессознательности. Стало быть, "вибрацию" текста романа можно воспринимать на удивление физически. В произведении есть особый ритм, но ритм этот имеет наиболее древнюю форму – ритм тела: подергивания мышц, пульсация крови, стук сердца то учащенный, то замирающий, словно это духом сотворенное тело. Здесь я уже касаюсь теософских рассуждений, которые Белый, будучи сторонником этой идейной ориентации, включил в текст и развил. Во многих фрагментах он описывает или намекает на ощущения, связанные с состоянием перевоплощения или перемещения субъекта вне своей телесной оболочки, что относится к основным исходным позициям классической теософии. Расширяется и парит Аполлон Аполлонович (хотя в действительности он сидит в карете или лежит в постели), персонажи и предметы летают, чувство выхода за пределы своего тела вызывает частый намек на разрывную силу бомбы, приготовленной для покушения. А Александр Иванович в разговоре с Николаем Аполлоновичем прямо рассказывает о "тренировке опыта", при которой можно обрести свое "стихийное тело".

Роман представляется оригинальнейшей попыткой автора обнаружить свое третье – ментальное, или духовное, тело, достигая высшего, внеприродного уровня (согласно теософии, у человека три тела: физическое, астральное и ментальное, обнаружение которого в самом себе – высшая цель всякого теософа). Поэтому действие этого "божественного" романа – сам "ревоплощенный" автор, который вдохновенно излагает свои абстрактные идеи и образы. Это уже уровень бессмертия, для переводчика недостижимый. Перевод несравним с оригиналом – это закономерно и неизбежно. Все, о чем я написала и о чем размышляла в процессе работы, вело меня к стремлению быть максимально верной оригиналу (в духе моей концепции и в пределах

моих возможностей). Я не сокращала довольно обширный текст, не позволяла себе перефразировать роман или отдельные его части (в форме парафраза сделан, например, чешский перевод), ибо сомневаюсь, смогла ли бы я (или кто-то другой) в процессе реконструкции воспроизвести все сложные авторские ходы мысли и соответствующие художественные особенности произведения, создав соизмеримый "новый" текст. Мне остается лишь верить, что такая великолепная жемчужина, какой, без сомнения, является "Петербург" Белого, должна сохранять хоть немного красоты и в "отблеске".

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Белый А.* Сочинения. М., 1990. Т. 2.

© 1995 г. СОКОЛОВСКАЯ О. В., ЧУРКИНА И. В.

ПЕРЕПИСКА ГРЕЧЕСКОЙ КОРОЛЕВЫ
ОЛЬГИ КОНСТАНТИНОВНЫ РОМАНОВОЙ
С ГЕНЕРАЛОМ А. А. КИРЕЕВЫМ

Эпоха конца XIX в. в России изобилует именами замечательных личностей, но до сих пор мы открываем все новые. Среди них, безусловно, имя Ольги Константиновны Романовой, которая в течение 46 лет (1867—1913) была королевой эллинов, но при этом всегда оставалась по культуре и по духу русским человеком. За последние семь десятилетий об этой замечательной женщине не было написано ни строчки. Близким по убеждениям для Ольги Константиновны всегда был генерал Александр Алексеевич Киреев, человек намного ее старше, к мнению которого она прислушивалась. В Отделе рукописей Российской государственной библиотеки в Москве (ОР РГБ) сохранилась их неопубликованная переписка. В ней рассуждения о долге монарха, о деятельности Государственной Думы, о судьбе православия и проникновении католицизма на Балканы, размышления о старокатолическом движении и о многом другом.

Публикуемые впервые письма мы предваряем двумя краткими портретами-биографиями — Ольги Константиновны Романовой и Александра Алексеевича Киреева. Письма А. А. Киреева сохранились в копиях или в черновом виде и этим объясняется отсутствие в них подписи или даты. Документы были собраны и обработаны О. В. Соколовской, комментарии и очерки о греческой королеве и А. А. Кирееве написаны О. В. Соколовской и И. В. Чуркиной.

Великая княгиня Ольга Константиновна родилась 22 августа 1851 г. в Павловске и была вторым ребенком из шести детей великого князя Константина Николаевича и Александры Иосифовны (принцессы Саксен-Альтенбургской). Ольге было семь лет, когда родился ее брат, будущий президент Российской Академии наук и поэт, Константин, ставший ей одним из самых близких людей. Окруженные любовью и лаской, воспитанные блестящими учителями и наставниками, жившие среди творений Растрелли и других гениальных мастеров, создавших дворцы и парки Павловска, Стрельны, Мраморный дворец в Петербурге, еще детьми они без усилия впитывали общечеловеческую культуру и становились частью элитарной среды блестящего «императорского периода» русской истории. В семье, где почитали Пушкина, Лермонтова, Достоевского, Фета, где ценили древнерусское национальное искусство, не могли не вырасти те романтические возвышенные

Соколовская Ольга Владимировна — канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института славяноведения и балканистики РАН.

Чуркина Искра Васильевна — д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения и балканистики РАН.

личности, которые теперь так удивляют нас, не могли не вырасти люди, обожающие и боготворящие Россию.

Ольга Константиновна, прелестная внешне, отличалась с самого детства редкой добротой и искренностью. Эти черты, сопряженные с бесконечной верой во Всевышнего, необыкновенной самоотверженностью и ровным характером, вызывали к ней на протяжении всей ее жизни чувства уважения, любви и преданности.

26 июня 1867 г. состоялось обручение «любезнейшей племянницы» российского императора Александра II шестнадцатилетней княжны Ольги Константиновны с его величеством королем Греции двадцатидвухлетним Георгом I. Георг, датский принц, вступил на греческий престол в 1863 г. Он приходился родным братом будущей российской императрице Марии Федоровне, матери Николая II. 15 октября в соборной церкви Зимнего дворца состоялось и само бракосочетание «сей любезной четы» по православному чину, о чем возвестил в тот же день царский манифест. Великая княжна стала королевой эллинов. Георгу и Ольге суждено было прожить вместе «45-летнюю (с лишком) счастливую жизнь» (по признанию королевы). От этого брака родились пятеро сыновей и две дочери.

Георг правил умело и проявлял такт и умение маневрировать между многочисленными греческими партиями, враждовавшими между собой. Ольга была образцом королевы «по долгу». Греческая королевская чета, наряду со многими положительными качествами, отличалась блестящими способностями к языкам, и хотя между собой и с детьми говорили в основном по-английски, владели также датским, немецким, французским языками и свободно говорили по-гречески. Прожив большую часть жизни в Греции, Ольга Константиновна великолепно владела литературным русским языком, о чем свидетельствуют ее многочисленные письма, в том числе к генералу А. А. Кирееву. За время правления греческой королевской пары в России сменились три императора — Александр II, Александр III и Николай II. Сделавшись королевой эллинов, Ольга Константиновна оставалась русскою душою и почти каждый год по несколько месяцев проводила в России. Об этой «тоске по родине» знал ее брат Константин, написавший однажды, сразу после своей поездки в Грецию в 1883 г., в чудном стихотворении «Про алые цветы»:

...Где ярче небосклон синее
Взрастившее их солнце не пригреет
Тебя так нежно и тепло,
Как севера холодное светило,
И никогда ничто в земле чужой
Тебе не будет, как в стране родной,
Так близко, дорого и мило! [1]

Всю жизнь Ольга пыталась соединить свои обязанности королевы эллинов со своей привязанностью и любовью к России и всему русскому. «Родины нельзя забывать... Может ли кто-нибудь мать заменить мне?», — писала она А. А. Кирееву. На это он отвечал молодой королеве: «Вам Бог дал возможность любить, не впадая в трагическое противоречие между чувством и долгом, одинаково любить и Россию, и Грецию, потому что основы обеих стран одинаковы...» Многие греки, знавшие свою королеву близко, проникались чувством благодарности и нежности к этой на редкость великодушной женщине, однако откровенное ее русофильство не могло не задевать их чуткого национального самолюбия и нередко вызывало недовольство. Так, предпринятая ею 1901 г. искренняя попытка перевести Евангелие с древнегреческого на новогреческий язык, «чтобы каждый простой человек мог понимать учение Христа», привела к студенческим волнениям и чуть не стоила ей жизни [2; 3. С. 118]. Эти трагические события в Афинах потрясли ее, но не охладили желания помогать «страждущим». «Королева греческая — умная прекрасная женщина, неоцененная своим народом», — написал на одном из ее писем генерал А. А. Киреев.

Приезжая на родину, Ольга Константиновна с наслаждением участвовала в литературно-художественной жизни Петербурга, разделяя восхищение любимого брата Константина поэзией Фета, с которым они встречались и переписывались, музыкой Чайковского. Она часто посещала театры, художественные выставки, на одной из которых ею была приобретена знаменитая картина русского грека И. Куинджи «Ночь над Днепром», ставшая украшением Мраморного дворца. Ольга напечатала свою книгу цитат из обожаемого ею Лермонтова «Изо дня в день» [4] и раздаривала всему Петербургу, встречалась с поэтами, писателями, музыкантами, вела с ними обширную переписку, приглашала в Грецию. Фет называл ее «Царицей светлых вдохновений и королевой красоты!»¹ Один из известных современников священник Д. Н. Якшич написал об Ольге: «Королева поразила меня своим умом и добротой. Она все знает и всем интересуется — видно, что сестра вел. кн. Константина Константиновича!» [6]. Одной из сильных привязанностей греческой королевы, унаследованной от отца, управлявшего многие годы морским министерством и сумевшего воссоздать морскую мощь России, был русский флот. Долгие годы королева эллинов являлась шефом 12-го и 2-го русских флотских экипажей, а с августа 1908 г. — шефом команды крейсера «Адмирал Макаров», к чему королева относилась чрезвычайно серьезно. Вникая во все детали жизни русской эскадры, находящейся в греческих водах, Ольга Константиновна бывала в весьма натянутых отношениях с часто сменявшимися адмиралами и командирами. По своей сердечной доброте она особенно баловала матросов и, как вспоминают очевидцы, часто, к неудовольствию короля Георга I, приглашала их пить чай во дворец, формально к горничной, а в действительности к ней самой [3. С. 117]. Для нее эти «милые, милые родные морячки» были частицей России, и она с упоением слушала их бесхитростные рассказы о близкой сердцу, но далекой родине. Офицеры и моряки платили ей преданностью, называя ее «обожаемым шефом», благодарили «за материнскую ласку», приходили на помощь, рискуя жизнью, спасая ее горящий летний дворец под Афинами, помогая ей в революционной России. За свои бесконечные просьбы за русскими моряков в Главном морском штабе России она получила прозвище «августейшая нищая».

Наиболее серьезным увлечением королевы была медицина. Еще в годы русско-турецкой войны по ее инициативе были открыты медицинские курсы для женщин, на которых готовили сестер милосердия. Ольга и сама закончила эти курсы. В Греции по ее инициативе было создано много благотворительных учреждений, наиболее крупным из них являлся госпиталь в Пирее, открытый в 1902 г. для моряков, в том числе русских. Во время балканских войн она отдавала много сил и времени раненым, обезжая госпитали и лазареты на фронте.

17 марта 1913 г. в только что завоеванных греками Салониках от руки болгарского четника трагически погиб Георг I. Неожиданная смерть короля стала вторым после скоропостижной смерти дочери Александры тяжелым ударом для Ольги Константиновны. И только искренняя вера в Бога помогла ей пережить эти испытания. «Господь помогает изо дня в день, — писала Ольга, — без него не вытерпеть бы муки!» Со смертью мужа навсегда кончился счастливый период ее жизни, а впереди были тяжкие испытания! Королем Греции стал ее старший сын Константин, воспитанный в Германии и женившийся на сестре кайзера Вильгельма Софии, отношения с которой с самого начала были непростыми.

Судьба подарила, однако, вдовствующей королеве еще один, последний, относительно спокойный год, который она почти целиком провела вне Греции: лечила слабеющие из-за катаракты глаза в Лихтенштейне, а затем жила в России, куда ее «так тянуло всегда» и где были дорогие с детства друзья, провела брата Константина в Ассуане.

В начале июля 1914 г. Ольга вновь оказывается в России, где первым делом едет в Псков на закладку храма во имя св. княгини Ольги — во исполнение

¹ Стихотворение «Ее величеству королеве эллинов», написанное 29 декабря 1886 г., впервые было напечатано в сборнике А. А. Фета «Вечерние огни». Цит. по [5].

давней своей мечты. Но радость встречи с Россией была на этот раз омрачена предчувствием большой войны. А уже через три месяца они с братом оплакивали в селе Осташеве прах юного Олега Константиновича, «в бозе почившего от ран, полученных в бою с неприятелем». Приехав погостить, она осталась на родине на пять лет. После вступления России в мировую войну, Ольга приняла решение «ни на единственный день не оставлять работу в лазарете до окончания войны» и исполнила его. Она помогала организации и отправке на фронт «летучего лазарета Мраморного дворца», создала лазарет и склад в Стрельне, а позже, после смерти в июле 1915 г. любимого брата Константина, — лазарет и приют его имени в Павловске для увечных воинов, где и прожила до 1917 г. Своему постоянному секретарю, капитану 1-го ранга М. Ю. Гаршину, с которым она состояла в переписке многие годы и которого любила как собственного сына, она писала весной 1915 г.: «Я добросовестно провожу время ежедневно в лазарете, перевязываю, держу руки и ноги и бедную раненую голову во время перевязки врачом: страшно люблю это дело и мне так отрадно сознавать, что и я делаю одну миллионную частицу общего русского женского дела» [7. С. 11]. Сердце ее разрывалось от жалости к родным и друзьям, чьи дети погибали на фронте, и почти не было никакой связи со своими детьми, а известия из Греции приходили тревожные. «Время, которое я провожу в лазарете среди раненых — истинное для меня утешение и успокоение...» — говорила Ольга Константиновна [7. С. 12]. И только иногда вырывалось у нее: «Я старая и жизнь моя разбита!» Но она снова и снова ехала в лазарет, в Петроград, хлопоча о награждении раненых, о расширении лазарета, иногда дни и ночи проводила, ожидая прибытия поездов с ранеными с фронта, писала крупным почерком слепнувшего человека бесконечные письма то в земство с просьбой «прислать крестьянина Ивана Захарова для свидания с тяжелораненым сыном», то нескончаемые записки на имя высшего руководства армии и флота, пытаясь спасти выселяемых из Севастополя греков или пленного немецкого лейтенанта. Она активно участвовала в деятельности Красного Креста, устраивала с участием лучших певцов и артистов своего времени благотворительные концерты, для сбора средств для раненых. Писала нежные письма своим многочисленным племянникам и сыну Георгию, воевавшим на русском фронте. Они называли ее «милая элина», «подушечка», просили беречь себя и не переутомляться, «а то некому будет писать душу отводящие письма».

В непрерывных хлопотах о раненых и попавших в беду людях прошел 1916 г. Ольга Константиновна встретила Февральскую революцию довольно спокойно, что объясняли ее глубокой верой в Бога, в благоразумие народа и занятостью работой в лазарете, которой она отдавалась целиком. В самый канун революции она принимала поздравления по случаю вступления ее в число сестер милосердия Красного Креста. Она не осуждала переворот, также как и многие из царской семьи, «понимая, что положение дошло до невозможно опасного для России». Молилась, надеясь, что молитвами ее и миллионов других русских душ не оставит Бог матушку Русь. Отрекшемуся племяннику Николаю посылала теплые ободряющие письма, розы и красные яички к Пасхе. Летом пришли из Греции грустные вести: под давлением союзников ее сын Константин, ярый германofil, отрекся от престола в пользу своего среднего сына Александра, а остальные члены греческого королевского дома вынуждены были покинуть страну. Из Царского Села в Павловск, где жила Ольга, опальная императорская чета присылала ей любимые ландыши и полные веры в Бога письма, также стараясь утешить: «Переживаем все с тобою... Молимся да утешит подкрепит тебя Господь Бог. Так тяжело не быть вместе... Больно за тебя и за твоих дорогих! Сколько везде страдания! Куда не посмотришь — скорбь и скорбь. Но Господь не оставит...» [8]. Вскоре отрекшийся император с семьей был отправлен в Тобольск. Ольга успела попрощаться с ними — навсегда. Теперь она прощалась с близкими своими только навсегда. Начались аресты и в самой семье «Константиновичей». Мраморный и другие дворцы были объявлены народной собственностью. Закрытие большими любимою лазарета заставило Ольгу Константиновну уехать из Павловска и поселиться у брата Дмитрия на Песочной улице в Петрограде, где у него был

маленький домик. «Живем тем,— писала Ольга М. Гаршину,— что мой брат продает свои вещи ... Картофель трудно достать, хлеба и всего прочего самая малость...» Вскоре она осталась на Песочной одна. «Надо помнить, что Господь не зря посылает тяжкие испытания — надо все вытерпеть до конца...». [7. С 20]. В ее письмах нет ни одной просьбы за себя или жалобы.

14 мая 1918 г., после долгих хлопот ее бывшего секретаря капитана Гаршина, вдовствующей королеве позволено было выехать из России датским поездом Красного Креста с военнопленными. Несколько лет она прожила в Западной Европе, мучаясь в изгнании от безысходной тоски по убитым в России горячо любимым и бесконечно дорогим людям. «Я теперь осталась последней из нашей семьи... Ни братьев, ни родного очага... Как сердце мое болит... Все, все прошло безвозвратно...» [7. С. 20].

В 1920 г. вдовствующей королеве было позволено ненадолго приехать в Грецию, но без посещения Афин. Однако и здесь ее ждало несчастье: после укуса взбесившейся обезьяны умер ее внук — король греческий Александр. До приезда возвращенного в результате монархического переворота к власти короля Константина Ольга оставалась в Греции и ей был дан титул «королева-мать и правительница». В феврале 1922 г. Константин вторично вынужден был отречься от престола и уехать со всей семьей в изгнание. В 1923 г. был низложен и ее внук Георг II, скончалась жена ее младшего сына Христофора — Анастасия. Ольга Константиновна теперь покидала Грецию навсегда... И только в мае 1925 г., после нескольких лет скитаний, пожилая, почти слепая женщина поселилась у Христофора в Риме на купленной им вилле «Анастасия», названной в память жены. Здесь, в окружении ее любимых вещей, книг и портретов близких, убитых и погибших, прожив всего год, Ольга Константиновна тихо скончалась.

Александр Алексеевич Киреев родился в 1833 г. в Москве. Его отец А. Киреев, представитель старинного дворянского рода, являлся одним из близких царю Николаю I людей. После женитьбы на одной из первых красавец России Александре Алябьевой он вышел в отставку. Все его дети: Александр, Ольга, Николай — были крестниками Николая I. А. Киреев придерживался либеральных взглядов, считая необходимой отмену крепостного права и даже написал проект освобождения крестьян, который вручил царю в их последнюю встречу. Умер он в 1849 г. в возрасте 37 лет.

Дом Киреевых в Москве был центром, где собиралась прогрессивная молодежь, главным образом славянофилы: А. С. Хомяков, К. С. и И. С. Аксаковы, Ю. Ф. Самарин, П. В. и И. В. Киреевские и др. Сам хозяин, человек просвещенный, широких взглядов, причудливо сочетал в своем характере черты горячего славянофила и поклонника английских порядков. Он прекрасно знал английский язык, как и его жена, с детства им владели и их дети. Атмосфера терпимости, беззаветная любовь к России, сочувствия к крестьянам, искренних симпатий к славянам, преданности императорскому дому и православию, навсегда отложила свой отпечаток на взгляды детей. Будучи уже стариком, буквально накануне смерти Александр Алексеевич вспоминал с нежностью об обстановке в доме. «Уроженец Москвы,— писал он,— воспитанный под влиянием славянофильского кружка, я с молодых лет привык смотреть на славянофильство как на систему, безусловно удовлетворяющую всем религиозным (этическим), философским и политическим потребностям культурного, патриотически настроенного русского общества» [9]. И Александр, и Ольга, и Николай до конца жизни оставались преданны идеям славянофильства и деятельно служили им. Их связывали не только родственные чувства, но и одинаковые убеждения, духовная близость, что придавало их отношениям особую глубину и искренность.

После смерти отца, Александр и Николай по личному указанию царя были определены в Пажеский корпус, хотя Александр мечтал об учебе в Московском университете. В 1853 г. Александр поступил в Конную гвардию, опять-таки по желанию Николая I, следившего за его карьерой. В 1856—1859 гг. Александр Алексеевич одновременно являлся вольным слушателем Санкт-Петербургского

университета. В 1862 г. он стал адъютантом великого князя Константина Николаевича, отца Ольги Константиновны, которая через три года стала греческой королевой.

А. А. Киреев был личностью незаурядной. Прекрасно образованный, умный, он отличался большой добротой, широтой взглядов, умением понять и тех, кто придерживался иных воззрений, чем он. Великий князь Константин Николаевич продолжительное время был наместником Царства Польского и подолгу жил в Варшаве. Вместе с ним там часто бывал и А. А. Киреев. На него производило тяжелое впечатление враждебное отношение польской интеллигенции к России. Как горячий славянофил Киреев мечтал об изменении этого положения. Он считал, что главным препятствием к установлению взаимопонимания между поляками и русскими являются различия в их вероисповедании. Поэтому Александр Алексеевич был убежденным сторонником объединения христианских церквей.

Он начал действовать в этом направлении уже в 1868 г. вместе с сестрой Ольгой, которая стала женой генерала Ивана Петровича Новикова, старшего брата русского посла в Вене Е. П. Новикова. Ольга Алексеевна подолгу жила в Англии, общалась с многими представителями высших кругов лондонского общества. Среди ее добрых знакомых были выдающиеся английские интеллектуалы, представители англиканского духовенства, например, отец Ф. Мейрик.

Возникновение старокатолического движения в недрах западной церкви в начале 1870-х годов горячо приветствовалось всеми сторонниками объединения церквей в России. А их было немало, главным образом среди высокообразованных представителей православной церкви и просвещенных кругов дворянства. Идею сближения церквей сочувствовали православные богословы профессора В. А. Соколов, А. Д. Беляев, И. Т. Осинин, В. А. Светлов, ректор Петербургской духовной академии И. Л. Янышев, петербургские митрополиты Исидор и Палладий, киевский митрополит Платон. Осуществить объединение христианских церквей стремился замечательный русский философ В. С. Соловьев, пришедший к этой мысли не без влияния А. А. Киреева, с которым активно переписывался с 1878 по 1887 гг.

А. А. Киреев старался сблизить позиции православных и старокатолических богословов. Полагая, что, осуществив объединение католической и православной церквей, можно будет добиться взаимопонимания не только с поляками, но и с другими славянами-католиками, Киреев мечтал прийти к этой цели через старокатолическое движение. Ни поляков, ни чехов напрямую невозможно привести к православию, считал он. Среди них надо сначала проповедовать старокатолические идеи, через которые они вернуться к древнему православному догмату и славянскому языку при богослужении. Русских православных не должен смущать тот факт, что католические славяне удержат в своей церкви много форм, к которым они привыкли, «ведь несмотря на разницу в формах, обрядах и богословских мнениях, единство вполне возможно» [10]. А. А. Киреев был убежден, что объединенная церковь должна вернуться к догматическому учению вселенской христианской церкви, существовавшему до ее раздела [11].

Киреев стал одним из основателей Петербургского отдела Общества любителей духовного просвещения, которому покровительствовал великий князь Константин Николаевич. В числе прочих задач, стоявших перед Обществом, была и одна, не зафиксированная официально, но являвшаяся для него чрезвычайно важной: содействие объединению христианских церквей. Общество было основано в 1872 г. и являлось как бы ответом православных деятелей на призыв старокатоликов к объединению. А. А. Киреев присутствовал почти на всех старокатолических конгрессах, активно участвовал в «Международном богословском обозрении» (*Revue Internationale Theologie*), издававшемся профессором Бернского университета Мишо. Мишо стал одним из самых близких друзей А. А. Киреева. 17 января 1901 г. он писал Ольге Александровне Киреевой-Новиковой: «Я знаю Вашего брата 20 лет. Мы связаны с ним религией, совестью и полным доверием. Такие дружеские узы даже смерть не порывает» [12. С. 189].

Много сил отдавал А. А. Киреев работе в Санкт-Петербургском славянском

благотворительном обществе. Во время Восточного кризиса, начавшегося в 1875 г. восстанием сербов в Боснии и Герцеговине, этим обществом была создана комиссия по сбору пожертвований в пользу повстанцев (Герцеговинская комиссия). Ее председателем стал А. А. Киреев. Младший брат Александра Алексеевича Николай, блестящий офицер, вышел в отставку и сначала помогал брату в Герцеговинской комиссии. Но весной 1876 г. среди первых российских добровольцев он отправился в Сербию для борьбы с турками. 6 июля Николай Алексеевич Киреев погиб в окрестностях городка Заечара. Его смерть потрясла не только близких и тех, кто его знал. Прогрессивная европейская общественность восприняла ее как великий подвиг самопожертвования. Российские юноши ехали в Сербию, чтобы сражаться за ее свободу так, как сражался Николай Киреев.

Но особенно тяжелой утратой стала смерть Николая Киреева для его сестры и брата. Либеральный словенский деятель П. Турнер, тесно общавшийся в то время с Ольгой Алексеевной, приводит в своих воспоминаниях следующие ее слова: «Мой брат, мой любимый брат Николай сражался на поле боя и погиб за славянскую идею. Я хочу продолжить его дело и отомстить за него, но не могу сделать это с помощью оружия, поэтому сделаю, как могу, словом и пером» [13]. Ольгой Алексеевной было написано несколько статей и брошюр, изданных в Англии, в которых она знакомила англичан с борьбой балканских славян за независимость, с политикой России по отношению к ним. Она стремилась заручиться поддержкой английского общественного мнения в пользу славян и сумела добиться определенных успехов. В этом она активно сотрудничала с английскими либералами, в частности с их главою У. Гладстоном, с которым ее связывали дружеские отношения вплоть до смерти последнего.

Не менее глубоким было горе Александра Алексеевича. Спустя месяц после гибели Николая он писал своему английскому другу Ф. Мейрику: «Вы, может быть, знаете из газет, что я лишился брата моего Николая, павшего в сражении при Заечаре. Он пал как христианин, как дворянин, защищающий свою веру и своих братьев... Но я знаю, что Вам понятны высокие чувства, заставляющие человека оставить все — семью, дом, дела — и броситься в мрачный водоворот с тем, чтобы служить идее, верованию. Мне жаль тех, кто не в состоянии этого сделать» [12. С. 129, 130].

1 ноября 1880 г. на месте гибели Николая был сооружен белый каменный крест. В мае 1883 г. его посетил с митрополитом Анисимом генерал А. А. Киреев. Он сам копал могилу для захоронения останков брата и погибших вместе с ним сербских воинов, а затем отправился вместе с митрополитом в находившееся недалеко от места боя селение. Жители этого села назвали его в память Николая Киреево. Это название в присутствии Александра Алексеевича было освящено митрополитом.

Сам Александр Алексеевич прожил большую творческую жизнь. Так как он никогда и не женился, семья великого князя Константина Николаевича стала его семьей. После смерти Константина Николаевича А. А. Киреев жил у его сына Константина Константиновича, во дворце которого в Павловске и скончался 13 июля 1910 г. [14].

Вся жизнь и деятельность семьи Киреевых была посвящена славянской идее. Каждый служил ей согласно своим способностям и темпераменту. Николай защищал ее с оружием в руках; Ольга выступала в ее поддержку в печати, стремясь привлечь к славянам симпатии европейской общественности; Александр, как и многие славянские идеологи, чувствуя одну из главных опасностей для славянского движения в противоречиях между православной и католической церквями, пытался найти пути их примирения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. К. Р. Стихотворения. М., 1991. С. 42—43.
2. *Baron Rosen. Forty Years of diplomacy.* New York, 1922. Vol.1. P. 183—185.
3. *Соловьев Ю. Я.* Воспоминания дипломата. М., 1959.

4. Лермонтов М. Ю. Изо дня в день. Из сочинений Лермонтова на каждый день/Составлено королевой греческой Ольгой Константиновой. Б. м., 1886.
5. Фет А. А. Стихотворения. М., 1993. С. 248.
6. Рукописный отдел Российской государственной библиотеки. Ф. 126. Картон 3606. Ед. хр. 36. Л. 5, 5 об.
7. Гаршин М. Ю. Королева-страдальца. Прага, 1937.
8. Центральный государственный архив Российской Федерации. Ф. 686. Д. 63. Л. 16.
9. Киреев А. А. Сочинения. СПб., 1912. Ч. 2. С. V.
10. Киреев А. А. Чешкославянская старокатолическая литургия//Богословский вестник. 1898. Октябрь. С. 78.
11. Киреев А. А. По поводу отзыва о старокатолическом журнале//Богословский вестник. 1894. Апрель. С. 143.
12. Stead W. T. Депутат от России. Пр., 1915. Т. 11. С. 189.
13. Rokopisna zbirka. Narodne in universitetne knjižnice (Ljubljana). Ms 639. St. 2. S. 127.
14. Якишич Д. Н. Александр Алексеевич Киреев//Киреев А. А. Сочинения. СПб., 1912. Ч. 1. С. V.

Павловск

5 сентября 1886 год

Ваше Величество,

Пользуясь отъездом моей доброй приятельницы С. П. Хитрово² в Афины, чтобы переслать Вашему Величеству эти строки и две статьи, относящиеся до Восточного вопроса. Прежде всего позвольте мне принести, Ваше Величество, искреннюю благодарность за присланный Вами экземпляр «Изо дня в день».

Много прекрасных и удачных цитат подобрали Вы на каждый день года: но конечно самая лучшая — те две цитаты (Лермонтова и Хомякова), которые Вы избрали для дня 22 августа³, правы Вы, тысячу раз правы, когда говорите, что своей родины нельзя не помнить, но счастлив тот, кто может соединить свои новые обязанности, возникающие из новых условий жизни, в которых человек бывает поставлен судьбою (как, например, Ваше Величество, сделавшаяся королевой и первой гражданкой эллинского народа) с своими старыми обязанностями и симпатиями к своей прежней родине. Вам дал Бог возможность любить, не впадая в трагическое противоречие между чувством и долгом, одинаково любить и Россию, и Грецию, потому что основы обеих стран одинаковы: только глупые люди с извращенными атеистическим Западом понятиями, могут не понимать, что два эти единоверческих народа не должны, да и не могут ссориться, что стоит вздуматься в последний [секрет — ?] их бытия, в тот принцип, который в конце концов должен нормировать их деятельность, чтобы прийти к заключению, что они должны быть друзьями, что и Ваш бывший и Ваш настоящий народы должны идти рука об руку, жить в согласии и любви, и что Вам никогда не придется выбирать между ними! Вам более, нежели кому-либо другому, будет возможно повторять слова Хомякова не отнимать руки Вашей от плуга, у которого Вы поставлены Богом.

Одна из статей, которые приложены, увидела свет Божий благодаря Вашему заступничеству, другая — появилась на днях, хотя написана уже давно, но Зиновьев почему-то счел нужным не только ее окоротить («Ведомостях» она значительно ампутирована), но и задержать ее⁴. Я поэтому должен был обратиться к общей цензуре, чтобы ее восстановить.

Будьте так добры сказать Екатерине Константиновне⁵, что мои этимологические поиски насчет «камилловки» увенчались довольно сомнительным успехом. Камилловка, по мнению наименее строгого толкования, пришла к нам с Востока, делалась из верблюжьей шерсти (отсюда камелось) и была с продолжением, покрывавшим шею...

Дается камилловка, ровно как и скуфья, в виде награды. (Это с того времени, когда самонадеянное государство дерзко присвоило себе право награждать служителей церкви!)

Без подписи.

ОР РГБ. Ф. 126. Картон. 3604. Ед. хр. 15
л. 1—2

² Хитрово Софья Петровна, жена дипломата Михаила Александровича Хитрово (1837—1896). Ее муж и она сама близко общались со славянофилами.

³ 22 августа 1851 г.— день рождения Ольги Константиновны.

⁴ О каких статьях конкретно идет речь здесь и далее, выяснить пока не удалось.

⁵ Екатерина Константиновна, возможно жена русского дипломата и историка С. С. Татищева (1846—1906), сотрудничавшего в «Новом времени», выполнявшего деликатные поручения российского правительства, в том числе на Балканах. Татищев недолгое время в 70-х годах служил в российском посольстве в Афинах, неоднократно писал о Греции.

Павловск
1 августа 1887

Ваше Величество,

Согласно Вашему благосклонному разрешению, позволяю себе представить на благоусмотрение Ваше мою статью. Я стараюсь показать в ней, что должно понимать под выражением «русская партия» на Востоке, стараюсь вывести Восточный вопрос из узкой рамки политики и возвести его на степенъ высшую — вопроса религиозно-православного. Эту сторону дела наши общие враги стараются замолчать, о таких пустяках нечего де и толковать: а между тем — в этом все дело.

Заметьте, что принц Кобургский⁶, как только приполз в свое княжество, уже объявляет равноправность всех вероисповеданий, а ведь мы знаем, что значит равноправность в устах католического государя! Не то ли мы видим в Румынии, в Боснии, в Герцеговине! Господи! Как это мы могли прозевать Кобурга! Ведь не решился бы он пробраться в Болгарию, ежели бы Лобанов⁷ ему серьезно пригрозил именем царя!?

Но я, Ваше Величество, не довольствуюсь отношением к Вам одной этой просьбой — прочесть мою статью, которую посылаю Вам в том виде, в котором она, конечно, выйдет из под цензуры министр ... странных⁸ дел.

Я еще имею надеяться, что Вы найдете случай показать ее и далее...

В Красном ли, или на Державе, или в Копенгагене, где будет вместе с Вами находиться «Le plus gusse des gusses»⁹, как его называют теперь французы!

Безгранично преданный Александр Киреев
Приписка: Ольге Константиновне в Красное Село

ОР РГБ. Ф. 126. Картон 3604. Ед. хр. 15
л. 3

Павловск
28 августа 1887

Черновая моего письма королеве Ольге Константиновне, гостившей тогда в Копенгагене вместе с государем Александром III.

Ваше Величество,

Каждый раз, когда я собираюсь писать Вам, я невольно останавливаюсь перед мыслью, что злоупотребляю милостивою благосклонностию Вашего Величества, но эта внутренняя борьба продолжается недолго и я решаюсь писать, решаюсь даже, по обыкновению, показать мою статью Государю. Поступаю, впрочем, вполне сознательно, ибо знаю, что наши мнения тождественны и что Вы, стало быть, будете показывать Государю Ваши же собственные мысли! Поступая таким образом, я уверен, что поступаю хорошо, что прибегаю к помощи Вашего Величества не только для того, чтобы представить свое мнение собственно Вам, но и доставить своим мнениям доступ к Государю. Я исполняю даже свой долг, положим не прямой, не официальный, но тем не менее *положительный*¹⁰.

Смею думать даже, что долг этот лежит на мне теперь — более нежели прежде, когда живы были Катков¹¹ и Аксаков¹², пишу это не как самозванец, но и не хвастаясь. Конечно у меня нет

⁶ Кобург, Саксен-Кобург-Гота — династия монархов в Болгарии в 1887—1946 гг. Основатель династии — Фердинанд I (1887—1908 — князь, 1908—1918 — царь). Киреев явно преувеличивает опасность окатоличивания болгар. Достаточно сказать, что кобург-желел присмириться с Россией, был вынужден согласиться на крещение своего сына Бориса по православному обряду.

⁷ Лобанов-Ростовский А. Б. (1824—1896), князь, русский дипломат. Посол в Вене в 1882—1895 гг.

⁸ Так в тексте.

⁹ Самый русский из русских (фр.).

¹⁰ В оригинале здесь и далее подчеркнуто.

¹¹ Катков Михаил Никифорович (1818—1887), известный консервативный публицист. Редактор «Московских ведомостей» и издатель «Русского вестника». Писал статьи в приподнятом национальном духе, с оттенком мистицизма. Оказывал значительное влияние на умы интеллигенции благодаря своему публицистическому таланту и смелости в высказывании своего мнения, не всегда совпадавшего с официальным.

¹² Аксаков Иван Сергеевич (1823—1886), славянофильский идеолог и публицист, один из создателей и руководителей Московского славянского благотворительного общества, издатель ряда славянофильских газет. Его речь 22 июня 1878 г. с резкой критикой Берлинского конгресса послужила поводом для закрытия Московского Славянского благотворительного общества в августе того же года.

и малой части их публицистического таланта, но я стоял к ним обоим очень близко, и *более кого бы то ни было* могут быть представителем их идей: я вполне уверен, что то, что написано мною в прилагаемой статье, они оба подписали бы обеими руками!

Вот почему я так смел, и вот что обуславливает мою к Вам просьбу!

Но, надеясь, что и Ваше Величество удостоит мою статью Вашим одобрением. У Вас необыкновенный талант понимать, угадывать политические вопросы, хотя бы Вы их специально и не изучали: то, что другим дается тяжелым и всесторонним обдумыванием их, Вам непосредственно (совершенно легко!), но почему? Потому, что Вы стоите на более высоком сравнительно с другими уровне — именно на уровне православно-церковном. С высоты этого синтеза всех вопросов и задач истории Вам легко разобраться и в сложных политических загадках; это доступно лишь *православным, понимающим всеобъемлющее значение и безусловную правду православия!* Спросите, например, у двух самых замечательных государственных людей Запада — Бисмарка¹³ и Гладстона¹⁴: «Может ли Фердинанд Кобургский быть хорошим правителем Болгарии?». Они сразу и не ответят, а начнут обставать свои ответы разными «des si» et des «Mais»¹⁵. Мы же, не обинуясь, ответим: «Нет, не может, никуда не годится, потому что принадлежит к враждебной всему православному и славянскому — католической церкви». Да, нам многое ясно — что Западу «невдомек!» Но не следует ли из этого, что сознание нравственного нами долга и нашей материальной самой *выгоды*, заставляют нас заботиться об охране и защите этого православия, дающего нам и *понимание всех дел Востока и непреодолимую силу?* Конечно! То ли, что следует?! А что же мы делаем? Мы охаем и ахаем, читаем акафист, а Рим между тем вводит в Македонии унию¹⁶, и скоро будет ее вводить и в Болгарии!

Думаем ли мы о самом необходимом для нашей церкви о созвании вселенского собора? Того главного из всех наших главных дел и первого шага к успешному противодействию Риму? Нет! Мы боимся даже и подумать об этом, мы будем «охать» да «ахать», Константинопольский совет вселенского патриарха будет сноситься с Римским, а Балканский полуостров пересматривается и перетаскивается в унию! Смотрите! Вот тогда и Вам несдобровать! Ведь и в Афинах завелись было католические патеры!

Итак, Ваше Величество, полагаясь на Вашу благосклонность, я посылаю Вам два экземпляра статьи с восстановлением строк не допущенных почему-то нашей ценсурой, хотя эти строки довольно невинны — как относящиеся к факту всем известному, которого ведь ни изменить, ни замолчать (todess shweigen)¹⁷ нельзя!

Безгранично преданный
Александр Киреев

ОР РГБ. Ф. 126. Картон 3604. Ед. хр. 15
л. 4—7

Павловск
30 августа 1887 г.

Ваше Величество,

К крайнему своему огорчению, я только что заметил, что в корректуре моей статьи есть грубая бестолковщина.

Произошла она следующим образом: как человек «охранительных мнений», я представил свою статью в цензуру. Там ее кое в чем «исправили», и в «исправленном» виде отпечатали в типографии, а я, боясь пропустить фельдъегеря и надеясь на цензора, отправил Вам статью, не просмотрев ее.

Александр Киреев

ОР РГБ. Ф. 126. Картон 3604. Ед. хр. 16
л. 7

¹³Бисмарк Отто Эдуард Леопольд (1815—1898) — князь, герцог Лауэнбургский, первый канцлер Германской империи в 1871—1890 гг.

¹⁴Гладстон Вильям Эварт (1809—1892) — английский государственный деятель и писатель.

¹⁵«Если бы» и «однако» (фр.).

¹⁶В Константинополе существовало братство лазаристов, развернувшее в XIX в. активную деятельность по распространению унияства в балканских землях Османской империи, но большого успеха оно не имело.

¹⁷Молчать как мертвый (нем.).

Королеве Ольге
25 марта 18.

Ваше Величество,

Вчера вечером я написал прилагаемое при сем так сказать *официальное* письмо (не знаю, почему оно написано по-французски, должно быть потому, что я думал о нашей *иностранной* дипломатии). Это официальное письмо (не взыщите за стиль, очень спешил) может, я думаю, служить введением и пояснением (то, что англичане называют illustration¹⁸) к моей статье. Позвольте мне назвать ее *нашей* статьей, так как вы находите, что она говорит правду.

Ваше величество, пожалуйста, дайте ее прочесть государю!

Он у нас такой хороший, славный, русский, так что я уверен, Он непременно с нами согласится. Ведь отчего происходят все колебания в наших делах? — от одного лишь того, что Его сбивают с толка разные трусливые советники, а иногда и своекорыстные, дрожащие за свои места. Когда он никого не слушается, когда действует Сам — всегда выходит хорошо, *ладно по-русски*. Вся беда *происходит от того, что он многого не знает*, да и не может знать! Ведь он слушал одну сторону, был за стеной! Как только начнется концерт Угореел, начнется фальшь, the [...] elephant¹⁹.

Ах, как бы хорошо пошли дела, ежели бы он все знал, ведь самодержавие самое лучшее правление, когда самодержец — не только все может, но и все знает. — Is well informed²⁰. И как бы хорошо было, ежели бы Вы сделались нашим министром иностранных дел и обер-прокурором Святейшего Синода!

Александр Киреев

* Не напоминает ли он Вам «Князя Серебряного» Толстого?

ОР РГБ. Ф. 126. Картон 3604. Ед. хр. 16
л. 5

Павловск
20 августа 18[?]

Ваше Величество,

Я не имел возможности проверить самый факт интересующий Ваше Величество, но, зная богословские взгляды отца Мальцева²¹, я могу сказать Вам *самым положительным образом*, что ежели император Вильгельм спросил его, «правы ли Вы были, переводя слово Божие по-неогречески», т. е. делая это слово доступным народу, Мальцев, несомненно, ответил так, как Вам передавал король.

Мальцев принадлежит к числу самых ярых поклонников римских богословских традиций со всеми их суевериями.

Православный Восток держался до конца XII столетия взглядов либеральных. Не только Кирилл Лукарис²², даром обвиненный в ультралиберализме, но и корректный Иеремия II (Геремия II)²³ еще

¹⁸Иллюстрация (англ.).

¹⁹Слово неразборчиво.

²⁰Хорошо осведомлен (англ.).

²¹Мальцев А. П., протоиерей, настоятель русской посольской церкви в Берлине. Ученый-богослов, перевел на немецкий язык и издал православные богослужебные книги. Считал возможным объединение православной церкви с некоторыми другими христианскими церквями, в том числе с католической. Объединение с англиканской и протестантской церквями Мальцев отрицал, в чем расходился с А. А. Киреевым и старокатоликами.

²²Кирилл Лукарис (1572—1638), крупный деятель православной церкви. С 1602 г. — александрийский патриарх, с 1621 г. — константинопольский. Вел активную борьбу с иезуитами. Вероятно, не без их влияния был обвинен в написании труда «Восточное исповедание православной веры», вышедшего на латинском языке в Женеве в 1629 г. Труд был проникнут духом учения Кальвина. В 1638 г. Константинопольский собор проклял Лукариса за эту книгу. Вопрос об авторстве «Восточного исповедания» в исторической науке окончательно не решен.

²³Иеремия II Транос (Светлый), константинопольский патриарх (1572—1594). Просвещенный и безупречный в личной жизни, он решительно боролся с злоупотреблениями в среде православного духовенства, например против симонии. Выступал против католической и протестантской пропаганды. В 1588—1590 г. Иеремия II совершил путешествие в Москву, где дал согласие на учреждение патриаршества в русской церкви. Он собственноручно поставил патриархом московским митрополита Иова.

придерживались свободомыслия древних отцов церкви: только со времени патриарха Досифея²⁴, креатуры посла Людовика XIV (de Nanteie) мы круто повернули к Риму. Поворот этот выяснился вполне в Окружном послании Восточных Патриархов 1723 года, и в этом документе есть указание (совершенно римское), ограничивающее чтение Святого писания. Иерархия поставлена в нем стражем над нашими чтениями Святого писания.

У нас в России только некоторые фанатики придерживаются таких взглядов, и к числу их принадлежит, к сожалению, отец Мальцев. Он сотрудничал в ультрамонтанской Germania и даже придумал какую-то «Sengende Kirche»²⁵ и, повторяю, он, несомненно, ответил императору Вильгельму так, как писал Вам Король.

Без подписи

ОР РГБ. Ф. 126. Картон 3604. Ед. хр. 16
л. 11—12

Королеве Ольге греческой
28 ноября 1901 г.
Висбаден

Ваше Величество,

С чувством глубокой скорби прочел весть о невероятных событиях, произошедших в Афинах²⁶, и чем подробнее я знакомился с делом, тем все более росло у меня негодование против тех из Ваших подданных, которые помешали Вам осуществить прекрасное Ваше намерение, достойное истинной христианки и истинной королевы, но и против тех малодушных, которые не заступились ни за дело, ни за Вас.

Что делать?! Для теперешнего поколения вопросы религиозные играют лишь второстепенную роль. Человечество стало понимать, что как бы умно они ни устраивали свое общество, какими бы они условиями не обставляли свою общественную и финансовую жизнь, это не будет стоить по mouth living²⁷, ежели она не будет покоиться на вере в Бога, на религии; по нашему славянофильскому учению и самое государство имеет значение свыше, La raison d'e 'tre²⁸, только в том случае, если оно осуществляет учение Христа! Но вот теперь смотрят на ... но было не так! Политика — вот а и ω всего!

Да и религия наша, церковь во многом потеряла свой прежний облик и приняла облик римский. Это случилось при Патриархе Досифее в 1672 году — в это время, опасаясь попасть в руки Лютера, мы попали в тенета Папы²⁹. Многому нехорошему научились мы у Рима именно в это время, так, в Окружном послании Восточных патриархов 1723 года высказана нелепая, совершенно римская богохульная мысль о том, что слово Божие можно давать читать лишь с значительными ограничениями, у католиков оно почти совсем изъято из употребления мирян. Вот почему Константинопольский владыка так трусливо промолчал! Он, и как греческий патриарх, наследник сочинителей окружных посланий, и как политик не сочувствовал Вашему делу!

²⁴Досифей (1641—1707), иерусалимский патриарх с 1669 г. Горячий проповедник чистоты православного учения, решительный противник католицизма, который приравнивал к безбожию. Выступал за расширение политического влияния России, видя в ней единственную надежду на освобождение православных народов от турецкого ига. Активно помогал первым русским послам в Османской империи Украинцеву и Толстому.

²⁵«Страждущая церковь» (нем.).

²⁶Во время греко-турецкой войны 1897 г. греческая королева, посещая ежедневно военные госпитали и читая Евангелие раненым солдатам, обратила внимание на то, что церковно-греческий язык, на котором оно было написано, совершенно непонятен простому народу. Это побудило ее предпринять перевод Святого писания на новогреческий язык. Было получено одобрение афинского митрополита и премьер-министра Теотокиса. Однако издание перевода вызвало негодование со стороны греческих националистов, которые расценили перевод как «осквернение святых эллинизма» и как панславистские происки королевы. С криками «Долой Ольгу!», «Долой Россию!» в 1901 г. возбужденные студенты университета двинулись ко дворцу. Увеличившаяся по дороге возбужденная толпа не расходилась в течение трех дней. Бунт удалось прекратить только выстрелами, произведенными гвардейцами в толпу. Были убиты семеро случайных людей. Архиепископ и премьер вынуждены были немедленно уйти в отставку. Большую роль в разрешении конфликта с греческими националистами сыграл король Георг I.

²⁷Ни гроша (англ.).

²⁸Разумное основание (фр.).

²⁹Иерусалимский собор был создан в 1672 г. Патриархом Досифеем. На нем было осуждено «Восточное исповедание православной веры». Однако Кирилл Лукарис, хотя и был осужден, но не за его писание, а за то, что не вел борьбу против его идей. Одновременно на соборе был одобрен «Катехизис» киевского митрополита Петра Могилы, на взгляды которого оказали некоторое влияние католические догматы.

Я получил несколько писем от моих старокатолических друзей ³⁰, в которых они выражают Вам горячее сочувствие.

Dites a cette Reine si bonne etsichrehenne, que nous sommes tous avec elle, que nous sommes tristement etonnes et la voir abandonne par le george Grec, qui derrait aucontraire, la soutenir par tous les mouems en la pupance ³¹.

Так, несомненно, думает и громадное большинство Ваших бывших сограждан!

Как жаль, что письма Ваши (говорю о тоне, в котором Вы описываете афинские события) не могут быть напечатаны!

Там так ярко отражается Ваша чистая, кристаллическая душа.

Справедливо сказал Вам один из Ваших сыновей: ничто хорошее, совершаемое на земле, не обходится без страданий! Без горя. Так и Вам пришлось пострадать за правду Христову! Блага Вам! Когда наступят новые более христианские времена греческой церкви — когда слово Божие будет сделано доступным всем, и ученым, и неученым — греки вспомнят добрым словом свою королеву Ольгу.

Без подписи

ОР РГБ. Ф. 126. Картон 3604. Ед. хр. 16
л. 1—2

Королеве эллинов

Ваше Величество!

Спешу повергнуть к Вашим стопам выражение моей *искреннейшей* признательности. Я *очень счастлив*. Ведь для подданного (для русского) какая может быть большая радость как *сказать своему Царю правду*?! Но это есть не только высшее счастье, а вместе с тем и высший долг, а Вы дали мне возможность его исполнить. Еще раз очень, очень Вам благодарен.

Прибавлю, что ежели для русского подданного нет большего счастья как *сказать своему государю святую правду*, то и для русского самодержавного Государя нет большей *пользы* как узнать ее, стало быть, и Царь должен быть Вам благодарен, ведь в этом все дело. От этого, от одного этого все счастье России зависит. Мы будем счастливы, могучи, мы исполним наше историческое призвание, если Царь будет знать истину. Но до Бога высоко, до Царя далеко! Счастлив тот, кто, как и я, имеет возможность найти «ходатая и молитвенник» в лице Вашем.

Государь говорит: «Славянскому Обществу» ³² не следует вмешиваться в политику! Общество наше благотворительное и ученое, ему и не подобает вмешиваться в политику! Но тут нужно сделать «различение», которое люди, нам не сочувствующие, говоря о нас Государю, не делают. Поясню примером. Ученый астроном, следящий за движением планет, обсуждает законы этого движения, выводит из них разные заключения, предвидит столкновения и вообще рассуждает о различных «конъюнктурах», но делая все это разве он вмешивается в это движение, он не старается получить на них влияния! Велико ли будет преступление астронома, если, изучив, например, влияние Луны на физическое состояние человека, он может сказать, остерегайтесь сегодня полнолуния, лунатики попробуют ходить по крышам — это опасно!

³⁰Старокатолическое движение возникло в рядах немецких и швейцарских католиков, отказавшихся признать догмат о непогрешимости папы, принятый Ватиканским собором в июле 1870 г. Ему сочувствовали некоторые католические деятели Чехии и Хорватии, например, хорватский епископ Й. Ю. Штросмайер. В сентябре 1871 г. на конгрессе в Мюнхене старокатолики провозгласили свою программу. Считая себя частью католического мира, они вместе с тем отличали себя от римокатоликов, т. е. сторонников папы. Власть папы они признавали в том объеме, который существовал до разделения церквей (1054). Старокатолики стремились восстановить основы вероучения, устройство и начала управления древневселенской неразделенной церкви, подготавливая тем самым условия для объединения всех христианских церквей.

³¹Скажите этой королеве, такой доброй, истинной христианке, что мы все с ней, что мы печально удивлены, увидев ее покинутой греческим духовенством, которое, наоборот, должно ее поддерживать всеми имеющимися у него средствами (фр.).

³²Петербургское славянское благотворительное общество (Петербургский славянский комитет) было организовано в 1867 г. В качестве отделения Московского славянского комитета. Стало самостоятельной организацией с 1869 г. После закрытия в 1878 г. Московского славянского комитета Петербургское славянское благотворительное общество возглавило славянофильское движение в России. Оно оказывало материальную поддержку просветительским национальным организациям славян (матрицам, читальням, школам и т. д.), вело активную издательскую деятельность, в частности, издавало «Известия С.-Петербургского славянского благотворительного общества» (1883—1888), русско-славянские и славяно-русские словари, «Славянские сборники» и т. д. А. А. Киреев являлся членом общества, а в 1878—1879 гг. был его председателем.

Eirre de l'Histoire — n'est pas en faire!³³ Рассуждать о политике не значит вмешиваться в нее... Этот конец я изменил (я говорил о влиянии Луны на прилив, который делается опасным в полнолуние) ввиду того, что теперь здесь много говорят по-английски и царь говорит с гостями по-английски, так что говорить о «lunatics»³⁴ было неудобно.

Без подписи
ОР РГБ. Ф. 126. Картон 3604. Ед. хр. 16
л. 3—4

Афины
27 февраля/11 марта 1898 г.

Любезнейший Александр Алексеевич!

Не могу Вам сказать, как глубоко тронули меня Ваши строки. Спешу поблагодарить Вас от всей, всей души! Велика милость Господня! Единственно чудом можно объяснить спасение короля и дочери³⁵. Вы, вероятно, знаете теперь подробности. После всех горестей целого года мы только было вздохнули свободнее благодаря России, протянувшей нам руку помощи, как вдруг случилось это ужасное³⁶. Но Господь сжалился над нами, и, как Вы говорите, из этого преступления вышло добро. Проявление преданности, любви и благодарности к королю со всех концов Греции и где только живут греки в высшей степени трогательно!

Бог даст и послед все будут утешительны и здесь не будут больше забывать, как было довольно часто до сих пор, что единственная цель короля и всех нас — благоденствие Греции.

Читала в газетах, что как будто Россия прикладывает все старания, чтобы помирить болгарскую церковь с царьградской. Всеми силами души надеясь, что правда, и что старания эти увенчаются успехом на славу нашей горячо любимой православной церкви!

Соскучилась по России — по моему Павловску — когда-то придется мне опять увидеть ее.

Еще и еще благодарю Вас и желаю Вам всего хорошего.

Сердечно преданная Вам

Ольга

ОР РГБ. Ф. 126. Картон 3604. Ед. хр. 35
л. 2—3

Афины
12/25 января 1902 г.

Многоуважаемый Александр Алексеевич!

Мне так совестно, что я еще не поблагодарила Вас за Ваше чудесное письмо, тем более, что оно явилось утешением в очень тяжелые минуты: спасибо Вам от Всей души за Ваше сочувствие. Это, быть может, слабость, но я очень нуждалась в сочувствии и каждое проявление его согревало мне душу: поблагодарите своих старокатолических друзей за их добрые слова и просите их молиться об успехе дела. Я убеждена, что истина восторжествует, что люди поймут свое заблуждение..., но когда то время настанет известно одному Господу — надо ждать терпеливо, как оно не тяжело.

Я думаю, что у меня никогда в жизни не было более горького разочарования — я предвидела столько хорошего от этого перевода, так невыразимо радовалась, что каждый простой человек будет понимать учение Христа...

Вдумываясь во все происшедшее, становится страшно и непонятно, что у большей части народа

³³Писать историю — это не делать ее (фр.).

³⁴Лунатизм (фр.).

³⁵Сокрушительное поражение Греции в греко-турецкой войне 1897 г. и недовольство радикальных сил в Греции и на Крите половинчатым решением Критского вопроса великими державами вызвали резкие антимоноархические выступления в конце 1897 — начале 1898 гг. в Афинах и в Кандии (столице Крита). Жизнь Георга I и королевской семьи неоднократно подвергалась опасности, даже несмотря на присутствие в греческих водах русских военных судов, готовых прийти на помощь.

³⁶Россия не только выдвинула обширную программу «умиротворения» Крита и способствовала назначению верховным правителем греческого принца Георгия, но оказала также значительную помощь голодающему из-за страшного неурожая в 1896—1898 гг. критскому населению.

отняты «глаголы вечной жизни» и что они доступны лишь привилегированным сословиям... По-моему, это преступление... Положимте, что еще можно понять движение студентов и толпы, сбитых с толку всевозможными выдумками, но что сказать о действии Святого Синода и про отдельных личностей, которые могли объяснить недоразумение, но которые промолчали из трусости или в угоду политических соображений!

Евангелие на церковногреческом языке, которое народ не понимает, обратилось в национальное знамя, в один лишь символ народного единения, а суть учения Спасителя остается мертвой буквой для народа... В этом так и чувствуется римское влияние!

У нас на Востоке невежество к религии и равнодушие к ней приняли колоссальные размеры — как это ни больно, но нельзя не сознаться в этом! Чем же бороться против этого, если не распространением Евангелия на понятном для простого народа языке: чем же современный греческий язык, на котором все мы говорим и пишем, хуже всякого другого наречия на белом свете, отчего он единственный не в состоянии выразить смысл Христова учения! Вот что хочется спросить у Патриарха и у Синода! Как ни прискорбно различие мнений в церкви, но в данном случае не могу не сказать слава Богу, что есть много архиереев и священников (например, на Крите почти все), находящих, что перевод Нового Завета на более доступный народу язык не только полезен, но даже необходим.

Сколько грустного вообще приходится переживать на Востоке! Прежде Православие соединяло все народности Востока, теперь же эти народности все более и более друг друга ненавидят, и само Православие в их руках обратилось в оружие политической ненависти: и надо же было мне попасть именно в это время на Восток!

Под влиянием отца моего я с самого детства привыкла видеть в Православии соединяющее звено всех народностей Востока... До чего мы дожили теперь... Боже мой, как больно!

В конце Вашего письма Вы меня несказанно порадовали словами: «Так думают, конечно, и все Ваши бывшие соотечественники». — Только не *бывшие*, а *настоящие* и *всегдашние* — может ли кто-нибудь мать заменить мне!? Желаю Вам от души счастливого Нового года и надеюсь, что Вы совсем оправились от Вашего нездоровья, о котором мне писала Магушка. Еще раз горячо благодарю Вас за сочувствие, многоуважаемый Александр Алексеевич!

Искренне Вам преданная

Ольга

ОР РГБ. Ф. 126. Картон 3604. Ед. кр. 35³⁷
л. 6—9

Афины
23 февраля 1907 г.

Многоуважаемый Александр Алексеевич!

Не можете ли Вы помочь в следующем деле? Бедный отец Леонтий никак не может ужиться здесь. Приехав в Афины, он тотчас же скватил лихорадку и беспрестанно хворает: квартира у него темная и сырая, и ко всему другому к разным неприятностям, о которых я не буду распространяться, выдалась у нас необычайно холодная, неприветливая зима: отец Леонтий только и мечтает о том, как бы ему вернуться в Россию. Я писала 20-го января Московскому митрополиту, прося его предоставить архимандриту Леонтию одну из имеющих освободиться викариевых вакансий в Москве и, если возможно, то именно с жителямством в Даниловом монастыре, так как род Леонтия связан с историей этого монастыря.

После этого письма, на которое я ответа еще не получила, я узнала, что освободилось викариатство в Петербурге и телеграфировала обер-прокурору Синода П. П. Извольскому, но лично я не имею удовольствия его знать: я получила очень любезный ответ, но оказалось, что известие было ложное и никакой еще вакансии не освобождалось в Петербурге. Конечно, отец Леонтий предпочитает белокаменную, но если туда нельзя, то ему хотелось бы попасть хоть в Питер, так как, кроме всех других причин, и стечения обстоятельств заставляют его желать перевода: у него очень большой брат, а материальные средства очень скудные.

Не можете ли Вы замолвить словечко П. П. Извольскому в пользу архимандрита, чтобы он способствовал назначению его викарием в Москве при первой возможности. Я бы ему сама написала, но так как я его лично не знаю, то думаю, что лучше попросить Вашего посредничества, тем более, что Вы знаете и уважаете отца Леонтия и интересуетесь его судьбою. Только ради Бога, чтобы не отзывали отца Леонтия отсюда в сане архимандрита, но если возможно, чтобы его назначили викарием.

Я действую против моей личной выгоды, так как я буду скорбеть об отъезде отца Леонтия: у

³⁷На письме приписка карандашом рукою А. А. Киреева: «Королева греческая — умная, прекрасная женщина, неоцененная своим народом».

нас давно здесь не было такого достойного, почтенного, симпатичного священника. Если бы его назначили викарием в Отца, то не откажите, умоляю Вас, похлопотать, чтобы на место о. Леонтия в Афины назначили отца Зосиму, инспектора Вольнской семинарии: говорят, что он человек прекрасной души и сердца.

Простите, что утруждаю Вас моими просьбами!

Часто я вспоминаю Вас, читая с негодованием и омерзением последние статьи Розанова³⁸ в «Новом времени»³⁹. Его суждения и мнения возмутительны! Неужели он считает себя православным после этого!? (Меня постоянно удивляет, что люди обвиняют церковь в ошибках ее недостойных представителей и не умеют отличить учения от применения и истолкования его!)

Что-то внесет нового Государственная Дума в историю нашей родины, вспомнит ли она, что она русская и что наша истрадававшаяся матушка Россия ждет от нее?..

Помоги нам Господи!

Шлю Вам мой самый сердечный привет, многоуважаемый Александр Алексеевич и от души желаю Вам здоровья и всего лучшего.

Искренне Вас уважающая

Ольга

ОР РГБ. Ф. 126. Картон 3604. Ед. хр. 35
л. 11—15

Из Афин в St. Peterbourg

Павловск

Во дворец Его превосходительству

Генералу А. А. Кирееву

гесамбанде⁴⁰

Афины 9/22 декабря 1907 г.

Многоуважаемый Александр Алексеевич!

В день отъезда получила Вашу записку, за которую Вас сердечно благодарю. *Очень* сожалею, что назначение отца Леонтия викарием епископом встречает препятствие в Святейшем Синоде и, что там считают, что о. Леонтий желает составить себе «карьеру»⁴¹. Не о карьере думает он, а дело в том, что у него душевнобольной брат не в состоянии воспитывать своего сына и попечение о несчастной семье всецело лежит на о. Леонтии, а вдали от России так трудно помогать им. Кроме того, у о. Леонтия постоянные нелады со здоровьем и здешним посланником, у которого *очень* тяжелый характер. Ю. Н. Шербачев⁴² бездушно придерживается устава и не входит в положение архимандрита, отказывая ему в вещах самых необходимых, благоразумных ходатайствах.

Р. S. о. Леонтия к этому относится⁴³: если Шербачев узнает, что мне все известно, то жизнь архимандрита здесь станет еще нестерпимее: и так уже ему почти что не в мочь — от этого он ждет не дожидаясь уехать из Афин. Прилагаемое письмо о. Леонтия — следствие нашего сегодняшнего разговора, я старалась уговорить его «стерпеть» и больше не предпринимать никаких шагов для достижения своего желания, так как это делу не поможет, а может ему сильно повредить: в подтверждение моих слов я показала ему Ваше письмо. Письмо о. Леонтия я Вам посылаю... В нем есть подробности, которые могут быть полезны нам для дальнейших хлопот. Очевидно, он написал только для *меня*, и я показываю это письмо *только* Вам, равно и два письма, полученные им от его приятелей: прошу Вас, пришлите эти три письма мне обратно.

В Пензе и в Полтаве к Рождеству, кажется, открывается викарная вакансия... [неразборчиво] он хороший человек и достоин участия.

С жадностью слежу за деятельностью Г. Думы: она, как будто, подает надежду, что она что-нибудь да сделает в этот раз на общую пользу и не будет заниматься одними лишь разговорами.

Не странно ли, что Восточная церковь не праздновала 1500-летия Златоуста?

Надеюсь, что Вы совсем здоровы и наслаждаетесь зимней красотой моего родного Павловска в минуты досуга.

³⁸Розанов Василий Васильевич (1856—1919), русский философ и публицист, с 1899 г. постоянный сотрудник газеты «Новое время». В конце 1906 — начале 1907 г. он опубликовал в ней статьи «Автономный духовный суд и наши маленькие дела» и «Семья и церковь», где защищал необходимость гражданского брака. По этому вопросу А. А. Киреев вел с В. В. Розановым полемику с 1900 г.

³⁹«Новое время» (1868—1917), популярная консервативная газета. В 1876—1912 гг. ее издателем был А. С. Суворин.

⁴⁰Заказное [письмо] (фр.).

⁴¹Так в тексте.

⁴²Ю. Н. Шербачев — российский посланник в Афинах с 1903 г.

⁴³Р. S. отца Леонтия не сохранился.

Поздравляю Вас с наступающими праздниками и желаю Вам к Новому году, как и всегда, здоровья и всех благ земных.

Искренне и сердечно Вам преданная

Ольга

ОР РГБ. Ф. 126. Картон 3604. Ед. хр. 35
л. 16—20

Афины

21 января 1907 г./3 февраля 1908 г.

Многоуважаемый Александр Алексеевич!

Опять я Вас мучаю просьбами, но бедный о. Леонтий не может успокоиться — с est eme obsessies — и опять просит, чтобы Вы похлопотали о нем... [неразборчиво].

Надеюсь, Вы здоровы и что политические вопросы принимают более благоприятный оборот, что русскому сердцу становится легче, что впереди больше света! Из газет ничего особенного не узнаешь! Я уже мечтаю провести Страстную и Пасху в России. Вот было бы блаженство! Паки и паки прошу прощения, что беспокою Вас.

Ольга

ОР РГБ. Ф. 126. Картон 3604. Ед. хр. 35
л. 21—22

Афины

6/19 февраля 1908 г.

Александр Алексеевич!

Не сумею Вам сказать, как я тронута Вашей отзывчивостью. Благодарю Вас от души.

Роли слегка изменились, и это я проповедую отцу Леонтию вооружиться терпением и ждать, но его нервное состояние понятно, так как брат с семьей бедствует.

До получения Вами посланного мне номера «Нового времени» я уже с удовольствием прочла Вашу статью «Будущая война» и вырвала себе на сохранение⁴⁴

Мне кажется, что Вы сто миллионов раз правы!!! Пора расшевелиться и действовать.

Я со вниманием слежу за деятельностью Г. Думы, в особенности, когда прения касаются горячо любимого мною флота.

Неужели броненосцы нам не нужны? Разве Россия может обойтись без флота? Я думаю, что нам трудно быть умнее Петра Великого, и он находил, что флот России необходим. Обилие и противоречие всяких мнений и взглядов на этот вопрос огорчает меня и сбивает с толку — сама не знаю, что желать! Что же решать в конце концов? Вы называете расходы на броненосцы ненужными, стало быть и Вы против постройки броненосцев?...

А не думаете ли Вы, что дело не в броненосцах, а в том как их строят, т. е. чтобы они были в состоянии исполнить свое предназначение!?

Привет Вашей сестре...

Сердечно преданная

Ольга

ОР РГБ. Ф. 126. Картон 3604. Ед. хр. 35
л. 23—24

⁴⁴Статья А. А. Киреева «Будущая война» была опубликована в «Новом времени» 23 января 1908 г. В ней он критиковал русско-японскую войну 1904—1905 г., считая, что Россия потерпела в ней большее поражение, чем в Крымской войне. Предвидя, что будет новое военное столкновение между Россией и Японией, Киреев призывал строить на Дальнем Востоке железные дороги, ибо без хороших путей сообщения победить японцев невозможно.

© 1996 г. НИКОЛАЕВ С. Л.

УДАРЕНИЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ С *a*-ОСНОВАМИ В КАРПАТОУКРАИНСКИХ ГОВОРАХ (материалы)¹

В настоящем выпуске продолжается публикация материала по акцентуации существительных с *a*-основами праславянского происхождения, записанных Карпатской экспедицией в период с 1988 по 1993 г. Ввиду того, что комментарий к этой публикации был опубликован в прошлом году, считаем целесообразным повторить его в настоящем выпуске, так как представляется важным, чтобы приводимый ниже материал не был воспринят иначе, чем чисто акцентологический.

Настоящая серия публикаций посвящена акцентуации существительных женского (редко мужского) рода с праслав. *a*-основами («I склонение»). Ниже приводится материал, собранный в период с 1988 по 1993 г. В этот период вследствие дефицита технических средств (обычно на каждый обследуемый говор приходилось не более двух-трех магнитофонных кассет приличного качества, магнитофон также обычно был один на всю экспедицию) все записи, кроме ответов на вопросы Краткой фонетической программы и ряда «образцовых текстов», делались вручную. Вследствие этого многие из фонетических тонкостей, выявляемые при тщательном прослушивании материала на магнитофоне, в полевых условиях упускались, и читатель не должен удивляться, обнаруживая несоответствия в трактовке фонетики в расшифровках КФП и в ниже приводимом материале. Как правило, он дается в том виде, который содержится в экспедиционных тетрадях с полевыми записями (некоторые изменения внесены лишь в тех случаях, когда, например, тот же диалектный звук в разные периоды экспедиций или разными участниками записывался различно — особенно это касается первых лет, когда не существовало ясной концепции устройства многих карпатоукраинских фонологических систем).

Материал приводится из следующих пунктов: с. Ольшаны Хустского р-на Закарпатской обл. (зап. Г. И. Замятиной, 1991 г.); с. Березники Свалявского р-на Закарпатской обл. (зап. С. Л. Николаева, 1990); с. Керецькі Свалявского р-на Закарпатской обл. (зап. С. Л. Николаева, 1990); с. Луги Раховского р-на Закарпатской обл. (зап. С. Л. Николаева, 1989); с. Борбняво Хустского р-на Закарпатской

Николаев Сергей Львович — д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения и балканистики РАН. Оригинал-макет рубрики готовит М. Н. Толстая.

¹ Начало публикаций см. в статьях С. Л. Николаева: Славяноведение, 1995, № 5 (Приложение); 1996, № 1 (Приложение).

обл. (зап. С. Л. Николаева, 1989); с. Тۇрья Пóльяна Перечинского р-на Закарпатской обл. (зап. С. Л. Николаева, 1989); с. Люта Великоберезнянского р-на Закарпатской обл. (зап. С. Л. Николаева, 1989); с. Чёрный Пóток Иршавского р-на Закарпатской обл. (зап. Г. И. Замятиной, 1993); с. Велýтин Хустского р-на Закарпатской обл. (зап. М. Н. Толстой, 1989); с. Чáпли Старосамборского р-на Львовской обл. (зап. С. Л. Николаева, 1989; в gen. pl. почти всегда присутствует окончание *-iw*, причем ударение совпадает с ном. pl. — в материале приводятся лишь особые формы); с. Миженец Старосамборского р-на Львовской обл. (зап. С. Л. Николаева, 1989); с. Скотарское Воловецкого р-на Закарпатской обл. (зап. С. Л. Николаева, 1990); с. Брод Иршавского р-на Закарпатской обл. (зап. С. Л. Николаева, 1988); с. Печенижин Коломыйского р-на Ив.-Франковской обл. (зап. С. Л. Николаева, 1990); с. Чернево Мостисского р-на Львовской обл. (зап. А. В. Тер-Аванесовой, 1991); с. Банилов-Подгорный Сторожинецкого р-на Черновицкой обл. (зап. Г. И. Замятиной, 1991); с. Мшанец Старосамборского р-на Львовской обл. (зап. Г. И. Замятиной, 1991); с. Луквица Богородчанского р-на Ив.-Франковской обл. (зап. Г. И. Замятиной, 1991; в фигурных скобках даются дополнительные варианты и формы из говора соседнего хутора В. Туровка Рожнятовского р-на, инф. Л. Тынюк).

Значение, приводимое рядом с праславянской формой, относится не к ней, а к подавляющему большинству карпатоукраинских лексем, восходящих к данной праформе; отклоняющиеся и «нетривиальные» значения оговариваются особо. Значения, как правило, не приводятся в тех случаях, когда они в целом совпадают со значением соответствующих слов в укр. литер. языке или являются «общекарпатскими» (у слов типа *poloniná/polonína*), однако зачастую отсутствие указания на значение слова в полевых записях — следствие того, что в основном сборщики сосредоточивались на получении акцентологической и морфологической информации, а также на установлении того, «свое» это слово или «не свое» (литературное, русизм и т. д.); значение, кажущееся тривиальным в конкретном говоре, при сравнении материала различных говоров оказывается специфическим. Поэтому приводимые «акцентуационные» списки слов в основном не могут использоваться как источник сведений по диалектной семантике. В списках приводятся только слова праславянского происхождения.

*lisica: Велятин *lisíc'a*, acc. *-u*, pl. *-i*; Бан.-П. *lysȳca*; Луквица *lȳsȳc'a/(-i)*; Луги *lysȳci*.

*liška < **lišjka 'лисица': Скотарское *liška*; Т. Поляна *liška*, acc. *-u*, pl. *liškī*, gen. *lišók*; Люта *liška*.

*liħva: Луквица *lĕħva*: «*nefájno wbrála*».

*lopata: Бан.-П. *lopáta*, acc. *-u*, pl. *-y*, gen. *-ř'w*.

*loza: Ольшаны *lozá*, acc. *lozú*, pl. *lozow/lozó*, gen. *los*; Березники *lozá*, acc. *lozú*, pl. *lozow*; Керецьки *lozá*, acc. *lozú*, pl. *lozow*; Ч. Поток *lozá*, acc. *lozú*, pl. *lyózow*, gen. *lyos*; Велятин *lozá*, acc. *lozú*, pl. *lozow* 'вид ивы'; Чапли *lozá*, acc. *lozú*, pl. *lozá*; Миженец *lozá*, acc. *lozú*, num. *loz'i*, pl. *-y*, gen. *loz'iw*; Скотарское *lozá*, acc. *lozú*, pl. *lozow* 'ивовый прут'; Брод *lozá*, acc. *lozú*, pl. *lozow*, gen. *lūs*; Печенижин *lozá*, acc. *lozú*, pl. *lozy*, gen. *-z'iw*; Чернево *lozá*, acc. *-ú*, num. *loz'i*; Бан.-П. *lozá*, acc. *lozú/lozú*, pl. *lozy*, gen. *-z'iw* 'ива с темными листьями'; Луквица *lozá*, acc. *-ú*, pl. *lozá*, gen. *-z'iw*; Луги *lozá*, acc. *-ú*, pl. *lozy*, gen. *-iw/-aj* 'вид ивы'; Бороняво *lozá*, acc. *lozú*, pl. *lozow*, gen. *los* 'ивовый прут'; Т. Поляна *loza*, acc. *lozú*, pl. *lozy*, gen. *los*; Люта *loza*, acc. *lozú*, pl. *lozow*, gen. *řiz/lȳz'iw*.

*lozina: В. Тур. *lozánia*, acc. *-u*, pl. *lozáná*, gen. *lozán*.

***lǫka**: Чапли *luká*, асс. -ú, pl. -ǰ 'сенокосный луг'; Миженец *lǫká*, асс. -ú, num. *lǫkí*, pl. *lúki*, gen. *lúktw*; Скотарское pl. *lúko*, loc. *na lukáx* 'луга'; Чернево *luká*, асс. -ú, num. *luk'í/*luc'í*, pl. *lúk'i*; Люта *lúka*, асс. -u, pl. -i, gen. *luk* 'поляна'.

***luna**: Березники *luná*, асс. *lunú* 'луна'; Керецки *luná*, асс. -ú, pl. *lunó* 'луна; пятно на лице; мгла'; Печенижин *luná*, асс. -ú 'эхо'.

***lurina**: Ч. Поток *lurína* 'скорлупа яйца, ореха, кожица яблока и т. п.'.

***lуска**: Ольшаны *luská*, асс. -ú 'перхоть; чешуя'; Керецки *luská*, асс. -ú, pl. -ó; Ч. Поток *luská*, асс. -ú 'чешуя'; Чернево *lúska*, num. *lúsk'i*; Бан.-П. *luská*, асс. -ú; Луквица *luská*, асс. -ú, {pl. *lúsk'i*} 'кожура, шелуха'.

***lušǫn'a**: Луквица *lušn'a/{-i}*, асс. -u 'часть телеги'.

***luža**: Скотарское *luža*, асс. -u, pl. *lúz'i*; Чернево *luža*, num. *lúži*.

***lǫška**: Ч. Поток *lǫška*, pl. *loškó*, gen. *ložyók*; Брод *lǫška*, асс. -u, pl. *lǫško*, *dv'i lǫško*, gen. *ložók*.

***lǫžva**: Луквица pl. *lǫžvǫ*, gen. -v'iw 'ложь'.

***lǫtka**: Бан.-П. *lǫtka*; Луги *lǫtka* 'икра ноги'.

***mata**: Ольшаны *máma*, асс. *mámu*, pl. *mámo*, gen. *mat*; Березники *máma*, асс. -u, pl. *mató*; Керецки *máma*, асс. -u, pl. *mató*; Ч. Поток *máma*, асс. -u, pl. *mató*, gen. *mat*; Чернево *máma*, асс. -u, num. *mámn'i*, pl. *matý*; Бан.-П. *máma*, асс. -u, pl. *matǫ*, gen. *mat'iw*; Луквица *máma*, асс. -u, pl. -ǰ, gen. *mám'iw/{mat'iw}*.

***mara**: Ч. Поток *mará* (ругательство); В. Тур. pl. t. *márǫ*, gen. *mar/már'iw* 'носилки для покойника'.

***matǫxa**: Ольшаны *máǫxa*, асс. -u, pl. *máǫxo/máǫxó*, gen. *máǫx*; Березники *máǫxa*, асс. *máǫxi*, pl. *máǫxo*; Керецки *máǫxa*, асс. *máǫxi*, pl. *máǫxo*; Ч. Поток *máǫxa*, асс. *máǫxi*, pl. *maǫxó*, gen. *máǫx*; Бан.-П. *máǫxa*, асс. -u, pl. -xu, gen. -x'iw; Луквица *máǫxa/{máǫxa}*, асс. -u, pl. *máǫx'i/{máǫx'i}*, gen. {*máǫx*}.

***medja**: Ольшаны *mezá*, асс. *mézu/mežú*, pl. *méž'i*, gen. *mež*; Березники *mezá*, асс. *mežú*, pl. *méži*; Керецки *mezá*, асс. -ú, pl. *méži*; Ч. Поток *mezá*, асс. -ú, pl. *méži*, gen. *meš*; Велятин *mezá*, асс. -ú, pl. *méži*; Чапли *mezá*, асс. *mézu*, pl. *méži*; Миженец *mezá*, асс. *mézu*, num. -i, pl. *méži*, gen. -iw; Скотарское *mezá*, асс. -ú, pl. *méž'i*; Брод *mezá*; Печенижин *méž'é*, асс. *mézu*, pl. *méž'i*, gen. -iw; Чернево *mezá*, асс. *mézu*, pl. *méž'i*; Бан.-П. *mezá*, асс. *mézu*, loc. *po mež'i*, num. *méž'i*, pl. *méž'i*, num. -iw; Мшанец *mezá*, асс. -ú, pl. *méži*, gen. -iw; Луквица *mež'ǫ*, асс. *mézu/{mežú}*, pl. *méž'i*, gen. *méžiw/{mež}*; Луги *mež'é*, асс. *mézu/mežú*, pl. *méž'i*, gen. -iw; Бороняво *mezá*, асс. -ú, pl. *méž'i*, gen. *meš*; Т. Поляна *mezá*, асс. -ú, pl. *méž'i*, gen. *meš*; Люта *mež'á*, асс. -ú, pl. *méž'i*, gen. *mež'*.

***merǫna**: Бан.-П. *merǫna*, асс. -u 'бычок (рыба)'.

***mežza** 'вышивка': Чапли *meréža*, асс. -u, pl. -i; Миженец *mežéža*, асс. -u, num. -i, pl. -i, gen. -iw.

***mežška**: Бан.-П. *mežška*, асс. -u, pl. *mežškǫ*, gen. *mežžyšk*; Луквица *mežška*, асс. -u.

***metyla**: Чапли *mitlá*, асс. -ú, pl. -ǰ; Миженец *mitlá*, асс. -ú, pl. -ý, num. *mitl'i*, gen. *mitl'iw*; Скотарское *mitlá*, асс. -ú, pl. -ó; Бан.-П. *mitlá*, асс. -ú, pl. *mitly*, gen. *mitl'iw*; Мшанец *mitlá*, асс. -u, pl. *mitly*, gen. *mitl'iw*; В. Тур. *m'itlá*, асс. -ú, pl. *m'itlǫ*, gen. *m'itl'iw*; Т. Поляна *mitlá*, асс. -ú, pl. -ǫ, gen. *mitól*; Люта *mitlá*, асс. -ú, pl. -ó, gen. *mitól/mitl'iw*.

***měna**: Луквица *m'iná*, {асс. -ú}.

***měra**: Ольшаны *m'ira*, асс. -u 'мера овечьего молока'; Березники *m'ira*, асс. -u, pl. -o; Керецки *m'ira*, асс. -u, pl. -u 'мерка'; Ч. Поток *m'ira*, асс. -u; Велятин

m'ira, acc. -u, pl. - ω ; Чапли *m'ira*, acc. -u, pl. - $\dot{z}$; Миженец *m'ira*, acc. -u, pl. -y, пим. *m'ir'i*, gen. *m'ir'w*; Скотарское *m'ira*, acc. -u, pl. - ω ; Печенижин *m'ira*, acc. -u, pl. -y, gen. *m'ir*; Бан.-П. *m'ira*, acc. -u; Мшанец *m'ira*, pl. -y; Луквица *m'ira*, acc. -u, pl. - $\dot{z}$; Луги *m'ira*, pl. -y, gen. -*iw* 'мерка (сосуд)'; Бороняво *m'ira*, acc. -u, pl. - ω , pl. *m'ir*; Т. Поляна *m'ira*, acc. -u, pl. - $\dot{z}$, gen. *m'ir*; Люта *m'ira*, acc. -u, pl. - ω , gen. *m'ir*.

*męzga: Березники *m'iská*, acc. - $\acute{u}$; Керецки *m'iská*, acc. - $\acute{u}$; Бан.-П. *m'izyá*, acc. - $\acute{u}$ «у липы под корой, ее варят и лечат нарывы».

*męta: Ольшаны *mn'atá*, acc. - $\acute{u}$, pl. *mn'ató*, gen. *mn'at*; Луквица *mn'itá*, acc. - $\acute{u}$, pl. {*mn'ítz*}.

*mętka: Бан.-П. *mn'ętka*, -u; Луквица *mn'ętka*.

*miská: Бан.-П. *m'iska*, acc. -u, pl. *myská*, gen. *mysók*; Луквица *m'iska*, acc. -u, pl. *mąsk'z*, gen. *mąsok*.

*moča: Ч. Поток *mudca*, acc. -u 'топкое, болотистое место'.

*mogyla/*gomyla: Ч. Поток *gomóla*, acc. -u, pl. - ω , gen. *gomól* 'куча камней'; Бан.-П. *mogýla*, acc. -u, pl. -y 'куча'; Луквица *mogýla*, acc. -u, pl. - $\dot{z}$, gen. {*mogýł*} 'могила; куча камней'.

*morka: Ольшаны *moróka*, acc. *moróku* 'растерянность'; Ч. Поток *moryóka*, acc. *moryóku*; Бан.-П. *moryśka*, acc. -u; Луквица *morśka*, acc. -u.

*motučka: Мшанец *motýcka*, acc. -u, pl. *motučký*, gen. *motučók*.

*motyka: Ольшаны *motóka*, acc. -u, pl. - ω , gen. *motók* 'кирка'; Бан.-П. *matáka*, acc. -u, pl. *matáky*, gen. -*k'iw* (sic); Луквица *motáka*, acc. -u, pl. *motáki*/{*moták'z*}, gen. -*iw*/{*moták*}.

*moká: Ольшаны *muká*, acc. *mukú*, pl. *mukó*, gen. *muk*; Березники *muká*, acc. *mukú*; Керецки *muká*, acc. *mukú*; Велятин *muká*; Чапли *muká*, acc. - $\acute{u}$; Миженец *moká*, acc. - $\acute{u}$; Скотарское *muká*, acc. - $\acute{u}$; Печенижин *muká*, acc. - $\acute{u}$; Чернево *muká*, acc. - $\acute{u}$; Бан.-П. *muká*, gen. -*kz*, acc. - $\acute{u}$; Мшанец *muká*, acc. - $\acute{u}$; Луквица *muká*, acc. - $\acute{u}$; Луги *muká*, acc. - $\acute{u}$; Бороняво *muká*, acc. - $\acute{u}$; Т. Поляна *muká*, acc. - $\acute{u}$; Люта *muká*, acc. - $\acute{u}$.

*móka: Ольшаны *múka*, gen. *múku*; Березники *múka*, acc. -u, pl. - ω ; Керецки *múka*, acc. -u, pl. - ω ; Ч. Поток *múka*, acc. -u, pl. - ω , gen. *muk*; Велятин *múka*, acc. -u; Чапли *múka*, acc. -u, pl. - $\dot{z}$; Миженец *múka*, acc. -u, пим. -i, pl. -i, gen. -*iw*; Скотарское *múka*, acc. -u, pl. - ω ; Печенижин *múka*, acc. -u, pl. *múk'y*, gen. *muk*; Бан.-П. *múka*, acc. -u; Мшанец *múka*, acc. -u, pl. -y, gen. *muk*; Луквица *múka*, acc. -u, {pl. *múk'i*, gen. *muk*}; Луги *múka*, acc. -u, pl. *múk'i*, gen. *múk'iw*; Бороняво *múka*, acc. -u, pl. - ω , gen. *muk*; Люта *múka*, acc. -u, pl. -i, gen. *muk*.

*murašćka: Ольшаны pl. *murašćkó*, gen. *murašćók* 'муравьи'.

*mugava: Ольшаны *Muráva* топоним (назв. села); Мшанец *mugáva*, acc. -u 'целина'.

*muška: Ольшаны *múška*, acc. -u, pl. *muškó*, gen. *mušók*.

*múxa: Ольшаны *múxa*, acc. -u, pl. - ω , gen. *mux*; Березники *múxa*, acc. -u, pl. - ω ; Керецки *múxa*, acc. -u; Ч. Поток *múxa*, acc. -u, pl. - ω , gen. *mux*; Велятин *múxa*, acc. -u, pl. - ω ; Миженец *múxa*, acc. -u, пим. -i, pl. -i, gen. *mux*; Скотарское *múxa*, acc. -u, pl. - ω , gen. *mux*; Печенижин *múxa*, acc. -u, pl. *múx'y*, gen. *mux*; Чернево *múxa*, acc. -u, pl. *múx'i*, gen. *mux*; Бан.-П. *múxa*, acc. -u, pl. -y, gen. -*x'iw*; Мшанец *múxa*, acc. -u, pl. *mux'y*, gen. *mux*; Луквица *múxa*, acc. -u, pl. *múx'i*, gen. *mux*; Луги *múxa*, acc. -u, pl. *múx'i*, gen. *mux/múx'iw*; Бороняво *múxa*, acc. -u, pl. - ω , gen. *mux*; Т. Поляна *múxa*, acc. -u, pl. -i, gen. *mux*; Люта *múxa*, acc. -u, pl. -i, gen. *mux*.

*mърda: Ольшаны *mórda*, acc. *mórdu*, pl. *mordó*, gen. *mort* 'толстое лицо';

Березники *mórda*, асс. *mórdu*; Бан.-П. *músrda*, асс. -у, pl. -у, gen. -d'íw; Луквица *mórda*, асс. -у, {pl. -э, gen. *mórd*} 'морда лошади' (у коровы, собаки и т. д. *přsok*).

*mъьька: Бан.-П. *mоšká*, асс. -ú 'тля'.

*mъьlaka: Ольшаны *mláka*, асс. -у, pl. -о, gen. *mlak*; Березники *mláka*, асс. -у, pl. -о; Керецки *mláka*, асс. -у, pl. -о; Ч. Поток *mláka*, асс. -у, pl. -о, gen. *mlak* 'заливной, сенокосный луг'; Велятин *mláka*, асс. -у, pl. -о 'лужа, болото'; Скотарское *mláka*, асс. -у, pl. -о; Печенижин *mláka*, асс. -у, pl. -k'у, gen. *mlak*; Бан.-П. *mláka*, асс. -у, pl. -ку, gen. *mlak* 'лужа'; Мшанец *mláka*, асс. -у; Луквица *mláka*, асс. -у, pl. *mlák'i*, gen. -iw/{*mlak*}; Бороняво *mláka*, асс. -у, pl. -о, gen. *mlak*; Т. Поляна *mláka*, асс. -у, pl. -i, gen. *mlak*; Люта *mláka*, асс. -у, pl. -i, gen. *mlak*.

*mъьgla: Березники pl. *imlów* 'туман'; Керецки *mla*, асс. *mlu*, pl. *mló* 'туман, мгла'; Чапли *mъьla*, асс. -у, pl. -э 'слабый, болезненный человек'; Скотарское (i)*mlá*, асс. -ú 'хмарь на небе'; Т. Поляна *mla*, асс. -у, pl. -ы 'туман'.

*natina: Бан.-П. *natína* 'ботва'.

**n'iva*: Ольшаны *níva*, асс. -у, pl. *nívó*, gen. *nív*; Березники *níva*, асс. -у, pl. -о; Керецки *níva*, асс. -у, pl. -о; Велятин *níva*, асс. -у, pl. -о; Чапли *náva*, асс. -у, pl. -э; Миженец *nýva*, асс. -у, num. -i, pl. -у, gen. -íw; Скотарское *níva*, асс. -у, pl. -о; Печенижин *náva*, асс. -у, pl. -у, gen. *náv*; Бан.-П. *níva*, асс. -у, pl. -у, gen. -v'iw; Мшанец *nýva*, асс. -у, pl. *nuvú*; Луквица *náva*, асс. -у, pl. -э, gen. *náv*/{*náv'iw*}; Луги *náva*, асс. -у, pl. *návu* 'приусадебный огород'; Бороняво *níva*, асс. -у, pl. -о, gen. *nív*; Т. Поляна *níva*, асс. -у, pl. -ы, gen. *nív*; Люта *níva*, асс. -у, pl. -о, gen. *nív*.

*noga: Ольшаны *nojá*, асс. *nóju*, pl. *nójo*, gen. *nix*; Березники *nojá*, асс. *nóju*, pl. *nójo*; Керецки *nojá*, асс. *nóju*, pl. *nójo*; Ч. Поток *nojá*, асс. *núóju*, pl. *núójo*, gen. *n'ix*; Велятин *nojá*, асс. *nóju*, pl. *nójo*; Чапли *nojá*, асс. *nóju*, pl. *nóju*; Миженец *nojá*, асс. *noju*, pl. *nóji*, num. *nóji*, gen. *nix*; Скотарское *nojá*, асс. *nóju*, pl. *nójo*, *dv'i nójo*; Брод *nojá*, асс. *nóju*, pl. *nójo*, gen. *nix*; Печенижин *nojá*, асс. *nóju*, pl. *nóju*, gen. *n'ih*; Чернево *nojá*, асс. *nóju*, num. *noz'í*, pl. *nóji*; Бан.-П. *nojá*, асс. *nojú*, num. *noz'í*, pl. *nojú*, gen. *n'ix*; Мшанец *nojá*, асс. *nóju*, pl. *nóju*, gen. *n'ix*; Луквица *nojá*, асс. *nóju*, pl. *nóju*, gen. *n'iy*; Луги *nojá*, асс. *nóju*, *za nóju*, pl. *nóju*, gen. *n'ix*; Бороняво *nojá*, асс. *nóju*, pl. *nójo*, gen. *nux*; Т. Поляна *nojá*, асс. *nóju*, pl. *nóji*, gen. *nux*; Люта *nojá*, асс. *nóju*, pl. *nóji*, gen. *n'iy*.

*noga 'ключ, источник': Ольшаны *norá*, асс. *norú*, pl. *nóro*, gen. *nor*; Березники *norá*, асс. *norú*, pl. *nóro*; Керецки *norá*, асс. *norú*, pl. *nóro*; Ч. Поток *norá*, асс. *norú*, pl. *núoro*, gen. *núor*; Бан.-П. *norá*, асс. *norú*, num. *noz'í*, pl. *nojú*, gen. -r'íw; Мшанец *norá*, асс. *norú*, pl. *nóru*, gen. *noz'íw*; Луквица *norá*, асс. -ú, pl. *noz'í*, gen. *noz'íw* 'нора; родник, ключ'.

*noga: Чернево *norá*, асс. *noru* «*píd zemnéw žijé zv'ír, búl'bu jíst*» (?!).

*noša: Ольшаны *nóša*, асс. *nóšu*, pl. *nóš'i*, gen. *noš* 'одежда'; Березники *nóša*, асс. *nóšu*, pl. *nóš'i* 'приспособление для переноски сена за спиной'; Керецки *nóša*, асс. *nóšu*, pl. *nóš'i* id. («*s'ino nosítu*»); Ч. Поток *núóša*, асс. *núóšu*, pl. *núóš'i*, gen. -ú id.; Брод *nóša*, pl. *dv'i nóš'i* id.; Печенижин pl. t. *nóš'i* id.; Чернево pl. *nóš'i*, gen. -íw; Бан.-П. *nošša*, асс. -у 'одежда', pl. *nošš'i* 'род носилок?', loc. *na noššax*; Мшанец *nóša*, асс. *nóšu*, pl. *nóš'i*, gen. -íw — значение?; Луквица *nóš'i*, асс. -у, pl. *nóš'i*, gen. -íw — значение?

**nozdr'а*: Ольшаны *nozgr'á*, асс. *nozgr'ú*, pl. *nozgr'í*, gen. *nozgr'úw*; Березники *nüzgr'á*, асс. -ú, pl. -í; Керецки *nüzgr'á*, асс. -ú, pl. -í; Ч. Поток pl. *n'üzgr'í*, gen. -ú; Брод *nüzgr'á*, pl. *dv'i nüzgr'í*; Бан.-П. *n'izdr'á*, num. *n'izdr'í*; Мшанец pl. *n'izgr'í*; Луквица *n'izgr'í*, асс. -у, pl. *n'izgr'í*/{*n'izgr'í*}, gen. -iw/{-íw}.

- ***nožьka**: Чернево *nīška*, асс. -*u*, num. *nīš'c'i*, pl. *nīšk'í*, gen. *nīžók*.
- ***nođa/*nuda** 'госка': Керецки *nudá*, асс. -*ú*; Миженец *núda*, асс. -*u*, pl. -*u*, num. *núd'i*, gen. *núdlw*; Бороняво *nudá*, асс. -*ú*, pl. *núđw*, gen. *nut*; Т.Поляна *nudá*, асс. -*ú*, pl. -*ú*, gen. *nut*; Люта *nudá*, асс. -*ú*.
- ***nožьda**: Ольшаны *núžda*, асс. -*u* 'недовольство'; Печенижин *nuždá*, асс. -*ú*, pl. *núždy*, gen. *nušt* — значение?
- ***obgorda**: Ольшаны *obygoróda*, асс. *obygoródu* 'род изгороди'.
- ***obolnъka**: Бан.-П. *obolъnka* 'пленка на мясе'.
- ***ogordja** 'забор': Чернево *ogoróža*; Бан.-П. *ogorъžza*, асс. -*u*, pl. -*ž'i*, gen. *ogorъžs*.
- ***olboda**: Ольшаны *lobodá*, асс. *lobodú*; Ч. Поток *lobodá*, асс. *lobodú*; Бан.-П. *lobodá*; Луквица *lobodá*, асс. -*ú*, pl. *{lobodъ, gen. -d'iw}*.
- ***oln'a**: В. Тур. *lán'i*, асс. -*u*, pl. -*i*, pl. *lán'i* 'лань (самка оленя)'.
- ***olъxa**: Ольшаны *vúl'xa*, асс. -*u*, pl. *vul'xó*, gen. *vul'x*; Березники *vúl'xa*, асс. -*u*, pl. *vúl'xó*; Керецки *vúl'xa*, асс. -*u*, pl. *vúl'xó*; Ч. Поток *v'úl'xa*, асс. -*u*, pl. *v'úl'xó*, gen. *v'úl'xóh/v'úl'xú*; Скотарское *v'íl'xa*, асс. -*u*, pl. -*w*; Брод *vúl'xa*, асс. -*u*, pl. -*w*, gen. *vúl'x*; Печенижин *v'íl'xa*, асс. -*u*, pl. *v'íl'x'u*, gen. *víl'x*; Чернево *víl'xa*, асс. -*u*; Бан.-П. *v'íl'xa*, асс. -*u*, pl. *v'íl'xъ*, gen. *v'íl'xóh*; Мшанец *v'íl'xa*, асс. -*u*, pl. -*y*, gen. *v'íl'x'iw*; Луквица *v'íl'xa*, асс. -*u*, pl. *v'íl'x'i/{-x'ъ}*, gen. *v'íl'x'iw/{-iw}*; Луги *víl'xa*, асс. -*u*, pl. *víl'x'ъ*, gen. *víl'xóh*; Бороняво *vúl'xa*, асс. -*u*, pl. -*w*, gen. *vul'x*.
- ***omela**: Бан.-П. *omelá*, асс. -*ú*, num. -*l'í*, pl. -*l'ъ*, gen. -*l'ŷw* «*lečébná, na jiljécah*»; Луквица *omelá*, асс. -*ú*, pl. -*ъ*, gen. -*l'iw*.
- ***organica**: Ольшаны *oraníc'a* 'пашня'.
- ***orbota**: Ч. Поток *robųóta*, асс. *robųótu*; Бан.-П. *robųóta*, асс. -*u*, pl. -*y*, gen. *robųŷt*.
- ***ordlъja**: Бан.-П. *r'íl'á*, асс. -*ú*, num. -*í*, pl. *r'íl'i/r'íl'í*; Луквица *r'íl'á*, асс. -*ú*, pl. -*í*, gen. -*íw*.
- ***orstja**: Керецки *róšča*, асс. *róšču*, pl. *róščŷ* 'поле, засеянное травой, технич. культурами'; Бан.-П. *róšča*, асс. -*u*, pl. -*š'í*, gen. *róšč*: «*róšča na vod'í, w l'is'i kušč'ŷ*».
- ***osa**: Ольшаны *osá*, асс. *osú*, pl. *ósow*, gen. *os*; Березники *osá*, асс. *osú*, pl. *ósow*; Керецки *osá*, асс. *osú*, pl. *ósow*; Ч. Поток *osá*, асс. *osú*, pl. *ósow*, gen. *os*; Велятин *osá*, асс. *osú*, pl. *ósow*; Чапли *vosá*, асс. *vosú*, pl. *vósъ*; Миженец *osá*, асс. *osu*, pl. *ósy*, num. *ós'i*, gen. *osŷw*; Скотарское *osá*, асс. *osú*, pl. *ósow*; Печенижин *osá*, асс. *osu*, pl. *ósy*, gen. -*s'iw*; Чернево *vosá*, асс. *vosu*, num. *vós'i*, pl. *vósy*; Бан.-П. *osá*, асс. -*ú*, num. -*s'í*, pl. *osú*, gen. -*s'iw*; Луги *osá*, асс. -*ú*, pl. *ósy*, gen. *osъj*; Бороняво *osá*, асс. *osú*, pl. *ósow*, gen. *os*; Т. Поляна *osá*, асс. *osú*, pl. *ósъ*, gen. *os*; Люта *ósa*, асс. *osu*, pl. *ósow*, gen. *os*; Мшанец *vosá*, асс. *vosú*, pl. *vósy*, gen. *vós'iw*; Луквица *osá*, асс. -*ú*, pl. *osъ*, gen. *os'iw*.
- ***osika/*osyka** 'осина': Ч. Поток *osóka*; Бан.-П. *osŷáka*.
- ***ostrъva** 'стожар': Бан.-П. *ostrųvá*.
- ***овьса**: Ольшаны *vuc'á*, асс. -*ú*, pl. *vúc'í*, gen. *ovéc'/vuc'*; Березники *vŷjc'á*, асс. *vŷjc'ú*, pl. *vŷjc'í*; Керецки *vŷw'c'á*, асс. -*ú*, pl. *vŷw'c'í*; Ч. Поток *v'ŷc'á*, асс. -*ú*, pl. *v'ŷc'í*, gen. *ovéc'*; Велятин *vuc'á*, асс. -*ú*, pl. *vúc'í*; Чапли *vŷw'c'á*, асс. -*ú*, pl. *vŷw'c'í*; Миженец *vŷw'c'á*, асс. -*ú*, pl. *vŷw'c'í*, num. -*í*, gen. *ovéc'*; Скотарское *v'ŷw'c'á*, асс. -*ú*, pl. *v'ŷw'c'í*; Брод *vŷw'c'á*, асс. -*ú*, pl. -*í*, gen. *ovéc'*; Печенижин *v'ŷw'c'é*, асс. -*ú*, pl. *v'ŷw'c'í*, gen. *ovéc'*; Бан.-П. *v'ŷw'c'á*, асс. -*ú*, num. -*c'í*, pl. -*c'í*, gen. *ovéc'*; Луги *vŷw'c'é*, асс. -*ú*, pl. *vŷw'c'í*, gen. *ovéc'*; Бороняво *vuc'á*, асс. -*ú*, pl. *vúc'í*, gen. *vuc'*; Т. Поляна *vuc'á*, асс. -*ú*, pl. *vúc'í*, gen. *ovéc'*; Люта *v'ŷw'c'á*, асс. -*ú*, pl. *v'ŷw'c'í*, gen. *ovéc'*; Мша-

нец *v'īwc'á*, асс. -ú, pl. *v'īwc'i*, gen. *vovéc'*; Луквица *v'īwc'á*, асс. -ú, pl. *v'īwc'i*, gen. *ovéc'*.

*odica 'удочка': Ольшаны *vúdic'a*, pl. -i; Ч. Поток *újdic'a*, асс. -u, pl. -i, gen. *újdic'*.

*odьka 'удочка': Мшанец *vútka*, асс. -u, pl. gen. *vúdok*; Луквица *vútka*, асс. -u, pl. *vútk'i*, gen. *vúdok*; Бан.-П. *útka*, асс. -u, pl. *utkǎ*, gen. *udók*.

*otroba: Бан.-П. *otruǒba* 'требуха'.

**pal'enina*: Ч. Поток *palenina* 'горелый лес'.

*para 'пар': Ольшаны *pára*, асс. -u; Березники *pára*, асс. -u; Ч. Поток *pára*, асс. -u; Велятин *pára*, асс. -u, pl. -o; Чапли *pára*, асс. -u; Миженец *pára*, асс. -u; Скотарское *pára*, асс. -u; Печенижин *pára*, асс. -u; Бан.-П. *pára*, асс. -u; Бороняво *pára*, асс. -u; Т. Поляна *pára*, асс. -u; Люта *pára*, асс. -u; Мшанец *pára*, асс. -u; Луквица *pára*, асс. -u, {pl. *parǎ*}.

*paša 'пастбище': Ольшаны *páša*, асс. -u, pl. *paš'í*, gen. *paš*; Березники *páša*, асс. -u; Керецки *páša*, асс. -u, pl. *paš'í*; Ч. Поток *páša*, асс. -u, pl. -i, gen. *paš*; Бан.-П. *páša*, асс. -u; Мшанец *páša*, gen. -i, асс. -u.

*paха 'пазуха': Бан.-П. *paхá/páха*, асс. *paхú/páхи*, instr. *p'it paхиów*.

*paзухa: Ольшаны *pázухa*, асс. -u.

**pekt'era*: Березники *pečerá*, асс. -ú, pl. *pečérw*; Керецки *pečerá*, асс. -ú, pl. *pečérw*; Ч. Поток *pečéra*, асс. -u, pl. -o, gen. *pečér*; Бан.-П. *pečéra*, асс. -u, pl. -y, gen. -r'iw; Мшанец *pečára*, асс. -u, pl. -y, gen. *pečár*; Луквица *pečéra*, асс. -u, pl. -ǎ, gen. -r'iw/{*pečér*}.

*pelenьka: Ч. Поток *pelénka*, асс. -u, pl. *pelenkǎw*, gen. *pelenók*; Велятин *pelénka*, асс. -u, pl. *pelenkǎw*; Бан.-П. pl. *pelenkǎ*, gen. -nók; Мшанец *pelénka*, асс. -u, pl. *pelenkǎ*, gen. *pelenók*; Луквица *pelénka*, асс. -u, pl. *pelenk'ǎ*, gen. *pelenók*.

*pelva 'полова, мякина': Ольшаны *polóva*, асс. *polóvu*; Березники *polóva*, асс. *polóvu* 'полова; опилки'; Керецки *polóva*, асс. *polóvu*; Ч. Поток *polúova*, асс. *polúovu*; Велятин *polóva*, асс. *polóvu*; Чапли *polóva*, асс. -u; Скотарское *polóva*, асс. *polóvu*; Печенижин *polóva*, асс. -u; Бан.-П. *polúova*, асс. -u; Луги *polóva*, асс. -u; Бороняво *polóva*, асс. *polóvu*; Люта *polóva*, асс. *polóvu*; Мшанец *polóva*, асс. -u; Луквица *polóva*, асс. -u, {pl. *polovǎ*}.

*permeпа: Ольшаны *perem'ina* 'изменение'.

*pěna 'пенка (на молоке)', редко 'пена': Ольшаны *p'ina*, асс. -u; Березники *p'ina*, асс. -u; Керецки *p'ina*, асс. -u; Ч. Поток *p'ina*, асс. -u; Велятин *p'iná*; Чапли *p'ina*, асс. -u; Миженец *p'ina*, асс. -u; Скотарское *p'ina*, асс. -u; Печенижин *p'ina*, асс. -u; Бан.-П. *p'iná*, асс. -ú; Мшанец *p'ina*, асс. -u; Луквица *p'iná*, асс. -ú; Луги *p'ina*, асс. -u; Бороняво *p'ina*, асс. -u; Т. Поляна *p'ina*, асс. -u; Люта *p'ina*, асс. -u.

*pěньka 'пенка (на молоке)': Бан.-П. *p'inka*; Луквица *p'inka*, асс. -u, pl. *p'ink'ǎ*, gen. *p'inok*.

*pěda 'пядь (расстояние между концами большого и среднего пальцев)': Чапли *pjěda*, асс. -u, pl. -ǎ; Миженец *pjěda*, асс. -u, num. -y, pl. -y, gen. -iw; Бан.-П. *pjěda*, асс. -u, instr. -ow; Мшанец *pjadá*, pl. *pjádǎ*, gen. *pjád'iw*; Луквица *pjěda*, dat. -u, {pl. -ǎ, gen. -d'iw}; Луги *pjědá*, асс. *pjědu*, pl. *pjědu*, gen. -iw; Т. Поляна *pjadá (*pjat'*), асс. *pjádu*, pl. *pjádǎ*, gen. *pjat*.

*pęta: Ольшаны *p'jatá*, асс. *p'jatú*, pl. *p'játw/p'játó*, gen. *p'jat*; Березники *pjatá*, асс. -ú, pl. -ó; Керецки *pjatá*, асс. -ú, pl. -ó; Ч. Поток *pjatá*, асс. -ú, pl. -ó, gen. *pjat*; Велятин *pjatá*, асс. -ú, pl. *pjátw*; Чапли *p'ǎtá*, асс. -ú, pl. -ǎ; Миженец *pjętá*, асс. *pjętu*, num. -y, pl. -y, gen. -iw; Скотарское *pjatá*, асс. -ú, pl. -ó; Печенижин *pjytá*, асс. -ú, pl. *pjętu*, gen. *pjęt*; Бан.-П. *pjitá*, асс. -ú, num. -t'í, pl. *pjętu*, gen. -t'iw; Мшанец *pjatá*, асс. -ú, pl. -ý, gen. -iw; Луквица *pjitá*, асс. -ú, pl. *pjętǎ*, gen.

-*t'iw*; Луги *pjetá*, асс. -*ú*, pl. *pjěty*, ген. *pjet/pjětaj*; Бороняво *p'jatá*, асс. -*ú*, pl. *p'játow*, ген. *p'jat*; Т. Поляна *pjatá*, асс. -*ú*, pl. -*ѳ*, ген. *pjat*; Люта *pjatá*, асс. -*ú*, pl. -*ѳ*, ген. *pjat*.

***pila**: Ольшаны *pilá*, асс. -*ú*, pl. *pílow*, ген. *pil*; Керецки *pilá*, асс. -*ú*, pl. *pílow*; Ч. Поток *pilá*, асс. -*ú*, pl. *pílow*, ген. *pil*; Чапли *pálá*, асс. -*ú*, pl. -*ѳ*; Миженец *pylá*, асс. -*ú*, num. -*ý*, pl. -*ý*, ген. -*řw*; Скотарское *pilá*, асс. -*ú*, pl. *pílow/pílow*; Печенижин *pylá*, асс. -*ú*, pl. *pěly*, ген. *pěł*; Бан.-П. *pylá*, асс. -*ú*, num. -*ří*, pl. *pěly*, ген. -*řw*; Мшанец *pilá*, асс. -*ú*, pl. -*ý*, ген. *pířw*; Луквица *pělá*, асс. -*ú*, pl. *pěłə*, ген. *pěřw/pěřw*; Луги *pylá*, асс. -*ú*, pl. *pěly*, ген. *pěł/pěřw/pěłə*; Т. Поляна *píla*, асс. -*ú*, pl. -*ѳ*, ген. *píł*; Люта *pilá*, асс. -*ú*, pl. *pílow*, ген. *pil*.

***plata** 'плата; оплата': Бан.-П. *pláta*, асс. -*u*; Луквица *pláta*, асс. -*u*, pl. -*ə*.

***platyń'a** 'оплата' Ольшаны *platn'á*, асс. -*ú*, pl. -*ř*.

***pletęńka**: Ольшаны *plet'ųńka* 'коса (волосы)'.
***plėna**: Ч. Поток *pl'ina*, асс. -*ú* 'пленка'.

***plėna** 'пленка': Ольшаны *pl'ivá*, асс. *pl'ivú*, pl. *pl'ivow*, ген. *pl'iw*; Березники *pl'ivá*, асс. -*ú*, pl. -*ѳ* 'пленка на мясе'; Керецки *pl'ivá*, асс. -*ú*, pl. -*ѳ* 'id.'; Велятин *pl'ivá*, асс. -*ú*, pl. *pl'ivow*; Чапли *pl'iva*, асс. -*u*, pl. -*ə* 'пленка на мясе'; Печенижин *pl'ivá*, асс. -*ú*, pl. *pl'ivu*, ген. *pl'iw*; Бан.-П. *pl'ivá*, асс. -*ú* 'диафрагма (?)'; Луквица *pl'ivá*, асс. -*ú*, pl. -*ə*, ген. *pl'iw*.

***plėńka** 'пленка': Скотарское *pl'iwka*.

***plita**: Ольшаны *plita*, асс. -*u*, pl. -*ow*, ген. *plit* 'большой (плоский?) камень'; Керецки *plita*, асс. -*u*, pl. -*ow* 'большой камень'; Ч. Поток *plita*, асс. -*u*, pl. -*ow*, ген. *plit* — значение?; Бан.-П. *plytá*, асс. -*ú*, pl. *plěty*, ген. -*řw* 'большой камень'; Луквица *plátá/pláta*, асс. -*ú/plátu*, pl. -*ř/plěty*, ген. *plěřw* 'камень'.

***plošča** 'ровное место': Ольшаны *plóšča*, асс. *plóšču*, pl. *plóšči*, ген. *plóšči* 'очень большой плоский камень'; Ч. Поток *plyóš'č'a*, асс. *plyóš'č'u*, pl. -*ř*, ген. *plyóš'č'ų*; Мшанец *plóšča*, асс. *plóšču*, pl. -*i*, ген. -*řw*; Луквица *plóšča/{-šči}*, асс. -*u*, [pl. *plóšči*].

***pl'uta**: Луквица *pl'uta*, асс. -*u* — значение?

***pokrovl'a**: Бан.-П. *pokr'řwl'a*; Луквица *pokr'řwl'a*.

***polá**: Ольшаны *polá*, асс. *polú*, pl. *pólow*, ген. *pol/pul* 'большой камень'; Керецки *polá*, асс. *polú*, pl. *pólów* 'каменистое место; пола одежды'; Ч. Поток *polá*, асс. *polú*, pl. *pyólów*, ген. *pyol*; Велятин *polá*, асс. *polú*, pl. *pólów*; Скотарское *polá*, асс. *polú*, pl. *pólów*; Мшанец *polá*, асс. *polú*; Луквица *polá*, асс. -*ú*; Луги *polá*, асс. *polú*, pl. *póly*, ген. *pól'iw*; Бороняво *polá*, асс. *polú*, pl. *pólów*, ген. *pul*; Т. Поляна *póla*, асс. *pólu*, pl. *pólty* 'пола одежды'; Люта *póla*, асс. *pólu*, pl. *pólów* (неизвестно значение слов из Ч. Потока, Велятина, Скотарского, Мшанца, Луквицы, Боронява, Люты).

***poliváčka** 'лейка': Ольшаны *poliváčka*; Ч. Поток *poliváčka*.

***polivad'lnica** 'лейка': Луквица *polaván'n'rc'a/{-i}*.

***polnina** 'горное пастбище; гора, вершина которой пригодна для пастбы': Ольшаны *polonina*, асс. *poloninu*, pl. *poloninow*, ген. *polonin*; Керецки *polonina*, асс. -*ú*, pl. -*ѳ*; Ч. Поток *polonina*, асс. *poloninu* (sic?), pl. *poloninow*; Велятин *polonina*, асс. -*u*, pl. -*ow*; Скотарское *polonina*, асс. -*ú*, pl. *poloninow*; Печенижин *polonína*, асс. -*u*, pl. -*y*; Бан.-П. *polonína*, асс. -*u*, pl. -*y*, ген. *polonín* '«поляна, где пасут овец»'; Мшанец *polonyna*, асс. -*u*, pl. -*y*, ген. *polonyn*; Луквица *pololonína/polonána*, асс. -*u/{-ú}*, pl. -*ə*, ген. -*n'iw/{-polonán}*; Луги *polonyná*, асс. -*ú*, pl. *polonányu*, ген. *polonán*; Бороняво *polonína*, асс. -*u*, pl. -*ow*, ген. *polonin*; Т. Поляна *polonína*, асс. -*ú*, pl. -*ѳ*, ген. *polonín*; Люта *polonina*, асс. *poloninu*, pl. *poloninow*, ген. *polonin*.

***polśa** 'полоса (земли)': Ольшаны *polosá*, асс. *połosú*, pl. *polosó*, gen. *polós*; Керецки *polosá*, асс. *połosú*, pl. *polosó*; Ч. Поток *polosá*, асс. *połosú*, pl. *polyósó* (?), gen. *połos'ú*; Чапли *polosá*, асс. -ú, pl. -ǰ; Миженец *połosá*, асс. -ú, pl. -ý, num. *połos'í*, gen. *połos'iw*; Скотарское *polosá*, асс. *połosú*, pl. *polosó* «в лесу, на поле»; Печенижин *połosá*, асс. *pólosu*, pl. *polósy*, gen. *pol'ís*; Мшанец *polosá*, асс. *połosú*, pl. *pólosy*, gen. *półos'iw*; Луквица *polosá*, асс. -ú, pl. -ǰ, gen. -s'íw «в поле»; Луги *polosá*, асс. -ú, pl. -ǰ, gen. -íw 'след на траве'.

***pol'ga**: Керецки *pól'ga*, асс. -u, pl. *pól'gó* 'длинная жердь (ок. 3 м.)'.

***pora**: Керецки *porá*, асс. *porú*, pl. *póroo*; Велятин *porá*, асс. *porú*, pl. *poró*; Миженец *porá*, асс. *porú*, num. *porý*, pl. *póry*, gen. *por'iw*; Скотарское *porá*, асс. *porú*; Печенижин *porá*, асс. -ú; Луквица *porá*, асс. -ú; Луги *porá*, асс. -ú; Бороняво *porá*, асс. *póru*, pl. *póroo*, gen. *pvr*; Люта *porá*, асс. *porú*, pl. *póroo*, gen. *pór'iw*.

***porǰ'p'a**: Бан.-П. *porǰ'p'a* 'труха'.

***potylicá**: Бан.-П. асс. *potálycu*.

***rovětrul'a**: Керецки *rov'itrúla* 'вихрь, смерч'.

***právda**: Керецки *právda*, асс. -u; Велятин *právda*, асс. -u; Чапли *právda*, асс. -u; Скотарское *právda*, асс. -u; Печенижин *právda*, асс. -u; Бороняво *právda*, асс. -u; Т. Поляна *právda*, асс. -u.

***prǰdja**: Ольшаны *pr'áža*, асс. -u, pl. *pr'áz'i/pr'áz'í*, gen. *pr'aš*; Березники *pr'áža*, асс. -u; Керецки *pr'áža*, асс. -u; Ч. Поток *pr'áža*, асс. -u; Велятин *pr'áža*, асс. -u; Миженец *prézi*, асс. -u, num. -i, pl. -i, gen. -íw; Скотарское *pr'áža*, асс. -u; Брод *pr'áža*; Печенижин *pr'éž'y*, асс. -u; Бан.-П. *pr'íéža*, асс. -u, pl. *pr'iz'í*; Мшанец *pr'áža*, асс. -u; Луквица *pr'áž'i*, асс. *pr'áž'u*; Луги *pr'éž'i*, асс. -u; Бороняво *pr'áža*, асс. -u, pl. *pr'áz'i*, gen. *pr'aš*; Т. Поляна *pr'áža*, асс. -u, pl. *pr'áz'i*, gen. *pr'aš*; Люта *pr'áž'a*, асс. -u.

***prisęga**: В. Тур. *prás'ęga* 'клятва'.

***pris'pra**: Луквица *préspa* 'завалинка'.

***prǰǰva** 'грыжа': Березники *prúrva*; Керецки *prúrva*.

***put'p'a**: Бан.-П. *pútn'a* 'деревянное ведро'.

***pršenicá**: Чернево *pšenic'a*, асс. -u.

***radoga**: Березники *ráduga*, асс. -u, pl. -oo.

***rana**: Ольшаны *rána*, асс. -u, pl. -oo, gen. *ran*; Керецки *rána*, асс. -u, pl. -oo; Ч. Поток *rána*, асс. -u, pl. -oo, gen. *ran*; Велятин *rána*, асс. -u, pl. -oo; Чапли *rána*, асс. -u, pl. -ǰ; Миженец *rána*, асс. -u, num. -y, pl. -y, gen. -íw; Скотарское *rána*, асс. -u, pl. -oo; Печенижин *rána*, асс. -u; Бан.-П. *rána*, асс. -u, pl. -y, gen. *ran*; Луквица *rána*, асс. -u, pl. -ǰ, gen. *ran*; Луги *rána*, асс. -u, pl. -y; Бороняво *rána*, асс. -u, pl. -oo, gen. *ran*; Т. Поляна *rána*, асс. -u, pl. -ы, gen. *ran*; Люта *rána*, асс. -u, pl. -oo, gen. *ran*.

***rešet'ka**: Ольшаны *reš'ítka*.

***rěčka**: Луквица *r'ička*, pl. *r'ičk'ǰ*, gen. *r'ič'ók*.

***rěka**: Ольшаны *r'íká*, асс. *r'íkú*, pl. *r'íkoo*, gen. *r'ík*; Березники *r'íká*, асс. -ú, pl. *r'íkoo*; Керецки *r'íká*, асс. -ú, pl. *r'íkoo*; Велятин *r'íká*, асс. -ú; Чапли *r'íká*, асс. -ú, pl. -ǰ; Миженец *r'íká*, асс. -ú, num. -i, pl. -i, gen. -íw; Скотарское *r'íká*, асс. -ú, pl. *r'íkoo*; Брод *r'íká*, асс. -ú, pl. -oo, gen. *r'ík*; Печенижин *r'íká*, асс. -ú, pl. *r'ík'y*, gen. *r'ík*; Бан.-П. *r'íka*, асс. -u, pl. -y; Мшанец *r'íká*, асс. -ú, pl. *r'ík'y*, gen. *r'ík*; Луквица *r'íká*, асс. -ú, pl. *r'ík'i*, gen. *r'ík*; Луги *riká*, асс. -ú, pl. *rik'i*, gen. *rik/rik'iw*; Бороняво *r'íká*, асс. -ú, pl. *r'íkoo*, gen. *r'ík*; Т. Поляна *riká*, асс. -ú, pl. -í, gen. *rik*; Люта *r'íká*, асс. -ú, pl. *r'ík'i*, gen. *r'ík*.

***rěpa**: Ольшаны *r'ípa*, gen. -oo 'картошка'; Березники *r'ípa*, асс. -u, pl. -oo 'кормовая брюква?'; Керецки *r'ípa*, асс. -u, pl. -oo 'кормовая свекла'; Ч. Поток

r'ípa, асс. -и 'кормовая свекла'; Велятин *r'ípa*, асс. -и, pl. *r'ipó* 'картошка'; Чапли *r'ípa*, асс. -и, pl. -э 'репа?'; Миженец *r'ípa*, асс. -и, num. -у, pl. -у, gen. -íw; Скотарское *r'ípa*, асс. -и 'картошка'; Печенижин *r'ípa*, асс. -и 'репа?'; Мшанец *r'ípa*, асс. -и, pl. -у, gen. *r'ip* 'репа'; Луквица *r'ípa*, асс. -и, {pl. *r'ipə*} 'репа'; Луги *r'ípa*, асс. -и 'картошка'; Бороняво *r'ípa*, асс. -и, pl. -о, gen. *r'ip* 'картошка'; Т. Поляна *r'ípa*, асс. -и, pl. -ы, gen. *rip* 'репа; свекла'; Люта *r'ípa*, асс. -и 'кормовая свекла'.

*gērica: Бан.-П. *r'írusa* 'сурепка'.

*gēsa: Велятин *r'ása*, асс. -и, pl. *r'ásow* 'ряса (у священника)'; В. Тур. *r'ása*, асс. -и, pl. -э — значение?

**gēs'ka*: Ольшаны *r'áska*, pl. *r'askó*, gen. *r'asók* 'соцветие вербы, орешника'; Ч. Поток *r'áska*, асс. -и «*r'áska na trav'ě*»; Велятин *r'áska*, асс. -и 'метелка кукурузного початка'.

*gipa: Керецки *r'ípa*, асс. -и, pl. -о 'крутой, высокий обрыв'.

*giza 'риза (одежда священника)': Ольшаны pl. *rízow*, gen. *ris*; Ч. Поток pl. *rózow*, gen. *roos*; Велятин pl. *rózow*; Бан.-П. pl. *rǐžy*; Луквица pl. *rǐžə*, gen. *rǐž'iw*.

*gogoža: Ч. Поток *roγγóža*, асс. *roγγóžu*.

*gora 'раствор соли': Ольшаны *gorá*, асс. *gorú*; Березники *gorá*, асс. *gorú*; Керецки *gorá*, асс. *gorú*; Ч. Поток *gorá*, асс. *gorú*; Велятин *gorá*, асс. *gorú*; Бан.-П. *gorá*, асс. -ú; Луквица *gorá*, асс. *rópu*/{*gorú*}, {pl. *rópa*} 'вар, черная смола'.

*goruxa: Мшанец *gorúxa* 'жаба'.

*rosa: Ольшаны *rosá*, асс. *rosú*, pl. *rósow*, gen. *ros*; Березники *rosá*, асс. *rosú*; Керецки *rosá*, асс. *rosú*; Ч. Поток *rosá*, асс. *rosú*, pl. *ryósow*; Велятин *rosá*, асс. *rosu*, pl. *rósow*; Чапли *rosá*, асс. *rosú*; Миженец *rosá*, асс. *rósu*, pl. -у; Скотарское *rosá*, асс. *rosú*; Брод *rosá*, асс. *rosú*; Печенижин *rosá*, асс. -ú; Мшанец *rosá*, асс. *rosú*, pl. *rósy*, gen. *ros*; Луквица *rosá*, асс. *rosú*, pl. *rósə*, gen. -s'iw; Луги *rosá*, асс. -ú; Бороняво *rosá*, асс. *rosú*, pl. *rósow*, gen. *ros*; Т. Поляна *rosá*, асс. *rosú*; Люта *rosá*, асс. *rosú*, pl. *rósow*.

**ros'ka* Ч. Поток *rúška*, pl. *rúškó*, gen. *rúšók*.

**roč'ka*: Чернево *rúčka*, асс. -и, num. *rúč'i*, pl. *rič'k'i*, gen. *ručók*; Луквица *rúčka*, pl. *ruč'č*, gen. *ruč'čk*.

*roka: Ольшаны *ruká*, асс. *rúku*, pl. *rúkow*, gen. *ruk*; Березники *ruká*, асс. *rúku*, pl. *rúkow*; Керецки *ruká*, асс. *rúku*, pl. *rúkow*; Ч. Поток *ruká*, асс. *rúku*, pl. *rúkow*, gen. *ruk*; Велятин *ruká*, асс. *rúku*, pl. *rúkow*; Чапли *ruká*, асс. *rúku*, pl. *rúkə*; Миженец *roká*, асс. *rúku*, num. -и, pl. -и, gen. *ruk*; Скотарское *ruká*, асс. *rúku*, pl. *rúkow*, *dv'i rúkow*; Брод *ruká*, асс. *rúku*, pl. *rúkow*, gen. *ruk*; Печенижин *ruká*, асс. *rúku*, pl. *rúk'y*, gen. *rvk*; Чернево *ruká*, асс. *rúku*, num. *ruc'i*, pl. *rúk'i*; Бан.-П. *ruká*, асс. *rúku*, num. *ruc'i*, pl. *rúku*, gen. *ruk*; Мшанец *ruká*, асс. *rúku*, pl. *rúky*, gen. *ruk*; Луквица *ruká*, асс. *rúku*, pl. *rúk'i*, gen. *ruk*; Луги *ruká*, асс. *rúku*, pl. *rúk'i*, gen. *ruk*; Бороняво *ruká*, асс. *rúku*, pl. *rúkow*, gen. *ruk*; Т. Поляна *ruká*, асс. *rúku*, pl. *rúk'i*, gen. *ruk*; Люта *ruká*, асс. *rúku*, pl. *rúk'i*, gen. *ruk*.

*ruda 'ржавчина (болезнь растений)': Ольшаны *rudá*, асс. -ú; Березники *rudá*, асс. -ú; Керецки *rudá*, асс. -ú; Ч. Поток *rudá*, асс. -ú; Велятин *rudá*, асс. -ú 'грязь на поросенке'; Чапли *rudá*, асс. -ú; Миженец *rođá*, асс. -ú (sic?) 'ржавчина'; Скотарское *rudá*, асс. -и 'болезнь растений — «обгорают мокрая листва»'; Бан.-П. *rudá*, асс. -ú; Мшанец *rudá*, асс. -ú; Луги *rudá*, асс. -ú 'красноватый налет на воде, лужах; ржавчина (болезнь растений)'; Бороняво *rudá*, асс. -ú; Т. Поляна *rudá*, асс. -ú; Люта *rudá*, асс. -ú 'грибной дождь'.

*gura 'яма для овощей': Березники *rúra*, асс. -и, pl. -о; Керецки *rúra*, асс. -и, pl. -о; Скотарское *rúra*, асс. -и, pl. -о.

***гъджа**: Ольшаны *iržá*, асс. -ú; Березники *iržá*, асс. *iržú*; Керецки *iržá*, асс. -ú; Ч. Поток *iržá*, асс. -ú; Велятин *iržá*, асс. -ú; Скотарское (*iržá*, асс. -ú; Печенижин *rze*, асс. *rzu*; Бан.-П. *yržá*, асс. -ú; Мшанец *jržá*; Луквица (*ə*)*rž'á*, асс. -žú; Люта *irž'á*, асс. -ú.

***губа**: Ольшаны *róba*, асс. -u, pl. *roobó*, gen. *roop*; Березники *róba*, асс. -u, pl. -*oo*; Керецки *róba*, асс. -u, pl. -*oo*; Ч. Поток *róba*, асс. -u, pl. -*oo*, gen. *roop*; Чапли *rába*, асс. -u, pl. -*ə*; Миженец *rýba*, асс. -u, num. -y, pl. -y, gen. -*iw*; Скотарское *róba*, асс. -u, pl. -u; Печенижин *rába*, асс. -u; Бан.-П. *rába*, асс. -u, pl. -y, gen. -*b'iw*; Мшанец *rýba*, асс. -u, pl. -y, gen. *ryp*; Луквица *rába*, асс. -u, pl. -*ə*, gen. *ráb'iw* /{*rəb*}; Луги *rába*, асс. -u, pl. -y, gen. *rəp*; Бороняво *róba*, асс. -u, pl. -*oo*, gen. *roop*; Т. Поляна *rába*, асс. -u, pl. -*ы*, gen. *гыp*; Люта *róba*, асс. -u, pl. -*oo*, gen. *roob*.

***губька**: Луквица *rəpka*, pl. *rəpk'ə*, gen. *rəbok*.

***саджа**: Березники *sáza*, асс. -u; Керецки *sáza*, асс. -u; Ч. Поток *sáza*, асс. -u; Миженец *sázi*, асс. -u; Брод *sáza*; Печенижин *sáž'y*; Бан.-П. *sáza*, асс. -u; Мшанец *sáza*, асс. -u; Луквица *sáž'i*, асс. -žu, {pl. *saž'i*}.

***санька**: Луквица pl. *sank'ə*, gen. *sanzk* 'санки'.

***секуга**: Ольшаны *sokóra*, асс. -u, pl. *sokóroo/sokooró*, gen. *sokóor*; Березники *sokóra*, асс. -u, pl. -*oo*; Керецки *sokóra*, асс. -u, pl. *sokooró*; Бан.-П. *sokára*, асс. -u, pl. *sokyrə*, gen. -*r'iw/sokər* («дрова рубить»); Луквица *sok'əra*, асс. -u, pl. *sok'irə*, gen. -*r'iw*.

***селза**: Чапли *selezá* 'селезенка'.

***селзенька**: Велятин *selez'úŋka*, асс. -u; Чапли *selezínka*; Бан.-П. *seležínka*; Луквица *selez'ínka*, асс. -u.

***серда** 'среда (день недели)': Ольшаны *seredá*, асс. *séredu*; Березники *seredá*, асс. *séredu*, pl. *séredo*; Керецки *seredá*, асс. *séredu*, pl. *séredo*; Ч. Поток *seredá*, асс. *séredu*; Велятин *seredá*, асс. *séredu*, pl. *séredo*; Чапли *seredá*, асс. *séredu*, pl. *séredə*; Миженец *seredá*, асс. *séredu*, num. *seredy*, pl. *séredy*, gen. *sered'iw*; Скотарское *seredá*, асс. *w séredu*, pl. *seredó*; Печенижин *səřə)dá* (sic), асс. *séradu*, pl. *sérədy*, gen. *sérət*; Бан.-П. *seredá*, асс. *séredu*; Мшанец *seredá*, асс. *w séredu*; Луквица *seredá*, асс. *séredu*; Луги *seredá*, асс. *w séredu*, pl. *séredy*, gen. -*iw*; Бороняво *seredá*, асс. *séredu*, pl. *séredo*, gen. *serét*; Т. Поляна *séreda*, асс. -u, pl. -*ы*, gen. *serét*; Люта *séreda*, асс. -u, pl. -*oo*, gen. *séred*.

***сердина**: Бан.-П. *seredžána*.

***сестра**: Ольшаны *sestrá*, асс. -ú, pl. *sestróo*, gen. *sestér*; Березники *sestrá*, асс. -ú, pl. *sestróo*; Керецки *sestrá*, асс. *sestrú*, pl. *sestróo*; Ч. Поток *sestrá*, асс. *sestrú*, pl. *sestróo*, gen. *sestr'ü*; Велятин *sestrá*, асс. -ú, pl. *sestróo*; Чапли *sestrá*, асс. *sestrú*, pl. *sestrə*; Миженец *sestrá*, асс. -ú, num. *sestrý*, pl. *sestry*, gen. *sestér*; Скотарское *sestrá*, асс. -ú, pl. *sestróo*; Брод *sestrá*, асс. -ú, pl. -*oo*, gen. *sestér*; Печенижин *səstrá*, асс. -ú, pl. *sestry*, gen. -*r'iw*; Чернево *səstrá*, асс. -ú, num. *səstr'i*, pl. *sestry*, gen. *sestér*; Бан.-П. *səstrá*, асс. -ú, num. *səstr'i*, pl. *sestry*, gen. -*r'iw*; Мшанец *sestrá*, асс. -ú, pl. *sestry*, gen. *səstr'iw*; Луквица *sestrá*, асс. -ú, pl. *sestrə*, gen. *sestr'iw*/{*sestér/səstr'iw*}; Луги *sestrá*, асс. *sestrú*, pl. *sestry*, gen. -*iw*; Бороняво *sestrá*, асс. -ú, pl. *sestróo*, gen. *sestér*; Т. Поляна *sestrá*, асс. -ú, pl. *sestróo*, gen. *sestér*; Люта *sestrá*, асс. -ú, pl. *sestróo*, gen. *sestér*.

***сёрька** 'сера (ушная)': Ольшаны *s'írka*, pl. *s'irkóo*, gen. *s'irók*; Березники *s'írka*; Бан.-П. *s'írka*, асс. -u; Луквица *s'írka*, асс. -u, pl. *s'irk'ə*, gen. *s'irok*.

***сила**: Ольшаны *síla*, асс. -u, pl. -*oo*, gen. *síl*; Березники *síla*, асс. -u; Керецки *síla*, асс. -u, pl. -*oo*; Ч. Поток *síla*, асс. -u, pl. -*oo*, gen. *síl*; Велятин *síla*, асс. -u; Чапли *sála*, асс. -u, pl. -*ə*; Скотарское *síla*, асс. -u, pl. -*oo*; Печенижин *sála*, асс. -u; Бан.-П. *síla*, асс. -u; Мшанец *sýla*, асс. -u; Луквица *sála*, асс. -u; Луги *sála*,

acc. -u, pl. -y; Бороняво *síla*, acc. -u, pl. -oo, gen. *síl*; Т. Поляна *síla*, acc. -u, pl. -ы; Люта *síla*, acc. -u, pl. *síloo*.

*sirota: Бан.-П. *syrotá*, acc. -ú, pl. *sjérotý*, gen. -*ř'iw*.

*skala 'скала': Ольшаны *skalá*, acc. -ú, pl. *skáloo*, gen. *skal*; Керецки *skalá*, acc. -ú, pl. *skáloo* «*yóstra yoráw*»; Ч. Поток *skalá*, acc. -ú, pl. *skáloo*, gen. *skal*; Велятин *skalá*, acc. -ú, pl. *skáloo*; Чапли *skalá*, acc. -ú, pl. *skálá*; Скотарское *skalá*, acc. -ú, pl. *skáloo*; Бан.-П. *skalá*, acc. -ú, num. -*ř'i*, pl. *skály*, gen. -*ř'iw* 'высокая гора'; Мшанец *skalá*, acc. -ú, pl. *skály*, gen. *skalřw*; Луквица *skalá*, acc. -ú, pl. *skálá*, gen. -*ř'iw*; Луги *skalá*, acc. -ú, pl. -y, gen. *skálřw*; Бороняво *skalá*, acc. -ú, pl. *skáloo*, gen. *skal*; Т. Поляна *skála*, acc. -u, pl. -ы, gen. *skal*; Люта *skála*, acc. -u, pl. -oo, gen. *skal*.

*skala 'щепка': Березники *skalá*, acc. -ú, pl. -ó; Керецки *skalá*, acc. -ú, pl. *skáloo*; Велятин *skalá*, acc. -ú, pl. *skáloo* 'заноза'; Миженец *skalá*, acc. -ú, pl. -ý, num. *skalři*, gen. *skal/skálřw*; Луги *skalá*, acc. -ú, pl. *škály*, gen. *škálřw* 'заноза'.

*skalřka 'щепка, заноза': Ольшаны *skalká*, pl. *skalkó*, gen. *skalók*.

*skoba: Ольшаны *skobá*, acc. *skobú*, pl. *skóboo*, gen. *skop*; Луквица *skobá*, acc. -ú, pl. *skobá/skóbá*, gen. *skobřw*.

*skora 'кожа': Т. Поляна *skóra*, acc. *skóru*, pl. *skóry*, gen. *skur*; Люта *skóra*, acc. *skóru*.

*skorlupa: Бан.-П. *skaralupa*, acc. -u (sic).

*skovorda: Луквица *skovorodá*, acc. -ú, pl. -ř, gen. -*dřw*.

**skrin'a*: Ольшаны *skrin'a*, acc. -u, pl. -i, gen. *skrin* '«ящик под кукурузу»'; Бан.-П. *skřín'a*, acc. -u, pl. *skryn'i*, gen. -*řw* 'сундук'; Луквица *skřín'i*, acc. -u, pl. -i, gen. -*iw/skřán* 'ларь'.

*skula: Ольшаны *skúla*, acc. -u 'щека?'; Ч. Поток *skulá*, acc. -ú — значение?: «*táje skulú na robyótw*»; Мшанец *skúla*, acc. -u, pl. -y, gen. *skul* — значение?: Луквица *skúla*, acc. -u, pl. -ř «*kúla na zubáx*».

*skvřna: Ольшаны *skvéřna*, acc. -u 'нечто неприятное'.

*skyba: Луквица *skřba*, acc. -u, pl. -ř, gen. -*břw*.

*slava: Ольшаны *sláva býyu*; Керецки *sláva*, acc. -u; Ч. Поток *sláva*, acc. -u; Велятин *sláva*, acc. -u; Чапли *sláva*, acc. -u; Миженец *sláva*, acc. -u; Скотарское *sláva*, acc. -u; Брод *sláva*, acc. -u; Печенижин *sláva*, acc. -u; Луквица *sláva*, acc. -u; Т. Поляна *sláva*, acc. -u; Люта *sláva*, acc. -u.

*sléda 'след': Березники *slřdá*, acc. -ú, pl. -ó; Керецки *slřdá*, acc. -ú, pl. -ó; Бороняво *slřdá*, acc. -ú, pl. -ó, gen. *slřit*; Т. Поляна *slřdá*, acc. -ú, pl. -ы, gen. *slřit* 'след; ступня'; Велятин *slřdá*, acc. -ú, pl. -ó.

*slina: Ольшаны *slína*, acc. -u, pl. *slínoo*, gen. *slin*; Березники *slína*, acc. -u; Керецки *slína*, acc. -u; Ч. Поток *slína*, acc. -u; Велятин *slína*, acc. -u; Чапли *slěna*, acc. -u; Миженец *slýna*, acc. -u; Скотарское *slína*, acc. -u; Печенижин *slěna*, acc. -u; Бан.-П. *slřěna*, acc. -u; Мшанец *slýna*, acc. -u; Луквица *slěna*, acc. -u, (pl. *slěná*); Луги *slěna*, acc. -u; Бороняво *slína*, acc. -u, pl. -oo, gen. *slin*; Т. Поляна *slřna*, acc. -u, pl. -ы, gen. *slřn*; Люта *slína*, acc. -u.

*sliva: Ольшаны *slřva*, acc. -u, pl. -oo, gen. *slřw*; Березники *slřva*, acc. -u, pl. -oo; Керецки *slřva*, acc. -u, pl. -oo; Ч. Поток *slřva*, acc. -u, pl. -oo, gen. *slřw*; Велятин *slřva*, acc. -u, pl. -oo; Чапли *slěva*, acc. -u, pl. -ř; Миженец *slýva*, pl. -y, gen. -*řw*; Скотарское *slřva*, acc. -u, pl. -u; Мшанец *slýva*, acc. -u, pl. -y, gen. *slřw*; Луги *slěva*, acc. -u, pl. -y; Бороняво *slřva*, acc. -u, pl. -oo, gen. *slřw*; Т. Поляна *slřva*, acc. -u, pl. -ы, gen. *slřw*.

*slivřka: Ольшаны *slřwka*, pl. *slřwó*, gen. *slřwók*; Миженец acc. *slřwku*, num. *slřwki*; Луквица *slěwka*, acc. -u, pl. *slěwř*, gen. *slěwřk*; Люта *slřwka*.

sloboda**/svoboda**: Луквица *svobodá*, acc. *svóvodu/svobodú* 'свобода'; Ч. Поток loc. *na slobyóđ'i* 'на воле'; Бан.-П. *slobúda*, acc. *-u* 'свобода'.

***sloboda**: Ольшаны *slobodá*, acc. *slobodú* 'выселки; распространенный топоним'; Луквица {*slobodá*}, acc. {*slobodú*}/*slóvodu*, {pl. *slóvodə*, gen. *-d'iw*} 'слобода (часть села)'.

***slota** 'дождливая, ненастная погода': Ольшаны *slóta*, acc. *slótu*, pl. *slóto*, gen. *slot*; Березники *slóta*, acc. *slótu*; Керецки *slóta*, acc. *slótu*; Велятин *slóta*, acc. *slótu*, pl. *slóto*; Чапли *slotá*, acc. *-ú*, pl. *slótə*; Скотарское *slóta*, acc. *slótu*; Печенижин *slotá*, acc. *-ú*; Бан.-П. *slotá*, acc. *-ú*, num. *-t'i*, pl. *slústy*, gen. *-t'iw*; Луквица *slóta*, acc. *-u*; Бороняво *slóta*, acc. *slótu*, pl. *slóto*, gen. *slvt*; Т. Поляна *slóta*, acc. *slótu*; Люта *slóta*, acc. *slótu*.

***sluga** m.: Березники *sluyá*, acc. *-ú*, pl. *slúyoo*; Керецки *sluyá*, acc. *-ú*, pl. *slúyoo*; Ч. Поток *sluyá*, acc. *-ú*, pl. *-ó*, gen. *-ú*; Велятин *sluyá*, acc. *-ú*, pl. *slúyoo*; Чапли *sluyá*, acc. *-ú*, pl. *slúyə* (sic); Миженец *sluyá*, acc. *-ú*, pl. *slúyi*, gen. *-iw* (sic?); Скотарское *sluyá*, acc. *-ú*, pl. *slúyoo*, gen. *slux*; Печенижин *sluyá*, acc. *-ú*, pl. *slúyy*, gen. *sluh*; Бан.-П. *sluyá*, acc. *-ú*, pl. *slúyy*, gen. *-y'iw*; Мшанец *sluyá*, acc. *-ú*, pl. *slúyy*, gen. *slux*; Луги *sluyá*, acc. *-ú*, pl. *slúyy*, gen. *-iw*; Бороняво *sluyá*, acc. *-ú*, pl. *sluyó*, gen. *sluy*; Т. Поляна *sluyá*, acc. *-ú*, pl. *-i*, gen. *slux*; Люта *sluyá*, acc. *-ú*, pl. *slúyi*, gen. *sluy*.

***služba**: Велятин *službá*, acc. *-ú*, pl. *slúžbo*; Чапли *slúžba*, acc. *-u*; Мшанец *slúžba*, acc. *-u*, pl. *-y*, gen. *slušp*.

***slъza**: Ольшаны *sloozá*, acc. *-ú*, pl. *sloozó*, gen. *sloz*; Березники *sloozá*, acc. *-ú*, pl. *-ó*; Керецки *sloozá*, acc. *-ú*, pl. *-ó*; Ч. Поток *sloozá*, acc. *-ú*, pl. *-ó*, gen. *slooz'ú*; Велятин *sloozá*, acc. *-ú*, pl. *sloozó*; Чапли *slázá*, acc. *slázú*, pl. *slázə*; Миженец *slyzá*, acc. *-ú*, num. *slyzý*, pl. *slézy*, gen. *slis*; Скотарское *slizá*, acc. *-ú*, pl. *-ó*; Печенижин *slozá*, acc. *-ú*, pl. *slózy*, gen. *sl'is*; Бан.-П. *slozá*, acc. *-ú*, num. *-z'i*, pl. *slózy*, gen. *-z'iw*; Мшанец *sl'ozá*, acc. *sl'ozú*, pl. *sl'ozy*, gen. *sl'os*; Луквица *slázá*, acc. *-ú*, pl. *sl'ózá*/{*slázə*}, gen. *sl'iz*/*sl'óz'iw*; Луги *slyzá*, acc. *-ú*, pl. *slyzə*, gen. *sl'is*/*sləs*/*slyz'iw*; Бороняво *sloozá*, acc. *-ú*, pl. *sloozó*, gen. *sloos*; Т. Поляна *slъzá*, acc. *-ú*, pl. *-tə*, gen. *slъts*; Люта *sloozá*, acc. *-ú*, pl. *-ó*, gen. *slooz'iw*/*sl'i*.

***smaga**: Печенижин *smayá*, acc. *-ú* 'родимое пятно на лице'.

***smерka** 'ель': Ольшаны *sméréka*, acc. *-u*, pl. *-oo*, gen. *smérék*; Березники *sméréka*, acc. *-u*, pl. *-oo*; Керецки *sméréka*, acc. *-u*, pl. *-oo*; Ч. Поток *sméréka*, acc. *-u*, pl. *-oo*, gen. *smérék*; Велятин *sméréka*, acc. *-u*, pl. *-oo*; Чапли *sméréka*, acc. *-u*, pl. *-ə* 'пихта'; Скотарское *sméréka*, acc. *-u*, pl. *-oo*; Печенижин *smaréka*, acc. *-u*, pl. *smaréku*, gen. *smar'ik*; Бан.-П. *sméréka*, acc. *-u*, pl. *-ky*, gen. *-k'iw*; Мшанец *sméréka*, pl. *-y*, gen. *smérék*/*smérék'iw*; Луквица *sméréka*, acc. *-u*, pl. *-k'i*, gen. *smar'ik*; Луги *sméréka*, acc. *-u*, pl. *smérék'i*, gen. *smar'ik*/*smérék'iw*; Бороняво *sméréka*, acc. *-u*, pl. *-oo*, gen. *smérék*; Т. Поляна *sméréka*, acc. *-u*, pl. *-i*, gen. *smérék*; Люта *sméréka*, acc. *-u*, pl. *-i*, gen. *smérék*.

***smегъьka**: Ольшаны *smer'ička*, pl. *smer'ičkó*, gen. *smar'ičók*; Луквица *smar'ička*, pl. *smar'ičk'i*, gen. *smar'ičók*.

***smola**: Ольшаны *smolá*, acc. *smólú*; Березники *smolá*, acc. *smólú*; Керецки *smolá*, acc. *smólú*; Ч. Поток *smolá*, acc. *smólú*; Велятин *smolá*, acc. *smólú*; Чапли *smolá*, acc. *-ú*; Скотарское *smolá*, acc. *smólú*; Брод *smolá*, acc. *smólú*; Печенижин *smolá*, acc. *-ú*; Бан.-П. *smolá*, acc. *-ú*; Мшанец *smolá*, acc. *smólú*; Луквица *smolá*, acc. *-ú*; Луги *smolá*, acc. *-ú*; Бороняво *smolá*, acc. *smólú*; Т. Поляна *smolá*, acc. *smólú*; Люта *smolá*, acc. *smólú*.

***smuga**: Ольшаны *smuyá*, acc. *smuyú* 'наледь/изморозь на оконном стекле'.

***soja** (птица): Олышаны *sója*, acc. *sóju*, pl. *sóji*, gen. *soj*; Бан.-П. *су́ја*, acc. -и, pl. -и, gen. -іw.

***solma**: Олышаны *solóma*, acc. *solómu*; Березники *solóma*, acc. *solómu*; Керецки *solóma*, acc. *solómu*; Ч. Поток *soljóma*, acc. *solváǝmu*; Велятин *solóma*, acc. *solómu*; Чапли *solóma*, acc. -и; Миженец *solóma*, acc. -и; Печенижин *solbma*, acc. -и; Бан.-П. *solúma*, acc. -и; Мшанец *solóma*, acc. *solómu*; Луквица *solbma*, acc. -и, {pl. *solomǝ*, gen. -m'іw}; Луги *solóma*, acc. -и; Бороняво *solóma*, acc. *solómu*; Т. Поляна *solóma*, acc. *solómu*; Люта *solóma*, acc. *solómu*.

***solmъka**: Луквица *sol'itka*, pl. *sol'imk'ǝ*, gen. *sol'itok*.

***sorčъka** 'рубаха': Олышаны *soróčka*, pl. *soročkwó*, gen. *soročók*; Мшанец *soročka*, acc. *soróčki*, pl. *soročký*, gen. *soročók*.

***sorka** (птица): Олышаны *soróka*, acc. *soróku*, pl. *sorókwo*, gen. *sorók*; Березники *soróka*, acc. *soróku*, pl. *sorókwo*; Керецки *soróka*, acc. *soróku*, pl. *sorókwo*; Ч. Поток *soryóka*, acc. *soryóku*, pl. *soryókwo*, gen. *soryók*; Велятин *soróka*, acc. *soróku*, pl. *sorókwo*; Чапли *soróka*, acc. -и, pl. -ǝ; Миженец *soróka*, acc. -и, num. -i, pl. -i, gen. *sorík*; Скотарское *soróka*, acc. *soróku*, pl. *sorókwo*; Печенижин *soróka*, acc. -и, pl. -k'y, gen. *sorók*; Бан.-П. *sorúka*, acc. -и, pl. -y; Мшанец *soróka*, acc. *soróku*, pl. *soróky*, gen. *sorók*; Луквица *soróka*, acc. -и, pl. -k'i, gen. -k'іw; Луги *soróka*, acc. -и, pl. *sorók'i*, gen. -іw; Бороняво *soróka*, acc. *soróku*, pl. *sorókwo*, gen. *sorók*; Т. Поляна *soróka*, acc. *soróku*, pl. *sorók'i*, gen. *sorók*; Люта *soróka*, acc. *soróku*, pl. *soróki*, gen. *sorók*.

***sosna**: Олышаны *sósna/sosná*, acc. *sósnu/sosnú*, pl. *sósno/sosnó*, gen. *sósŋ/sosén*, pl. *na sósnax*; Березники *sósna*, acc. *sósnu*, pl. *sósno*; Керецки *sosná*, acc. *sosnú*, pl. *sósno*; Ч. Поток *syósna*, acc. *syósnu*, pl. *sosnó*, gen. *sosén/syósn'іw*; Велятин *sosná*, acc. *sosnú*, pl. *sósno*; Чапли *sósna*, acc. -и, pl. -ǝ; Миженец *sósna*, acc. -и, pl. -y, num. *sós'n'i*, gen. *sósniw*; Скотарское *sósna*, acc. *sósnu*, pl. *sósno*; Печенижин *sósna*, acc. -и, pl. -y, gen. -n'іw; Бан.-П. *су́сна*, acc. -и, pl. -y, gen. -n'іw; Мшанец *sósna*, acc. *sósnu*, pl. *sósny*, gen. *sosén/sósniw*; Луквица *sósna/{sosná}*, acc. -и/{-ú}, pl. *sosnǝ/{sósnaǝ}*, gen. *sósniw*; Луги *sosná/sósna*, acc. *sosnú/sósnu*, pl. *sósny*, gen. *sósniw/sósen*; Бороняво *sosná*, acc. *sosnú*, pl. *sósno*, gen. *sosŋ*; Т. Поляна *sósna*, acc. *sósnu*, pl. *sósny*; Люта *sósna*, acc. *sósnu*, pl. *sósno*, gen. *sósniw*.

***sova**: Олышаны *sová*, acc. *sovú*, pl. *sóvo*, gen. *sov*; Березники *sová*, acc. *sovú*, pl. *sovó*; Керецки *sová*, acc. *sovú*, pl. *sovó*; Ч. Поток *sová*, acc. *sovú*, pl. *syóvo*, gen. *syov*; Бан.-П. *sová*, acc. -ú, num. *sov'i*, pl. *су́ву*, gen. -v'іw; Мшанец *sová*, acc. *sovú*, pl. *sóvu*, gen. *sov'іw*; Луквица *sová*, acc. -ú, pl. *sóvǝ*, gen. -v'іw.

***soxa** 'рогатина' (см. также ***съsoxa**): Велятин *sohá*, acc. *sóxu*, pl. *sóxwo* 'сухое дерево'; Печенижин *sohá*, acc. -ú; Бороняво *sohá*, acc. *sóxu*, pl. *sóxwo*, gen. *sox* 'сухое дерево с оставленными обрубками сучьев'; Березники *sóxa*, acc. *sóxi*, pl. *sóxwo*; Керецки *sóxa*, acc. *sóxi*, pl. *sóxwo*; Брод *sóxa*, acc. *sóxi*, pl. *sóxwo*; Бан.-П. *су́ха*, acc. -и, pl. -y, gen. -x'іw; Луги *sóxa*, acc. -и, pl. *sóx'i*; Т. Поляна *sóxa*, acc. *sóxi*, pl. *sóx'i*, gen. *sox*; Люта *sóxa*, acc. *sóxi*, pl. *sóxi*, gen. *sox* 'столб?'

***sorďsa** 'судья': Т. Поляна *súl'c'a*, acc. -и, pl. *su'l'c'i*.

***sorďja m.**: Березники *sud'á*, acc. *sud'ú*, pl. *sud'í*; Керецки *sud'á*, acc. -ú, pl. -í; Скотарское *sud'á*, acc. -ú, pl. *sud'i*.

***sorkъvica**: Мшанец *súkyrvic'a*.

***sotoga**: Мшанец *sutúya* 'дуга в бочке'.

***spina**: Мшанец *spína*, acc. *na spínu*.

***staja**: Бан.-П. *stája*, acc. -и, pl. -и 'стадо овец'; Луквица *stája*, acc. -и, pl. -и, gen. -іw 'кошара'.

***stěna**: Олышаны *s'c'íná*, acc. *s'c'ínú*, pl. *s'c'ínoo*, gen. *s'c'in*; Березники *s'c'íná*, acc. -ú, pl. *s'c'ínoo*; Керецки *s'c'íná*, acc. -ú, pl. *s'c'ínoo*; Ч. Поток *s'íná*, acc. -ú, pl. *s'ínoo*, gen. *s'ín*; Велятин *s'íná*, acc. -ú, pl. *s'ínoo*; Чапли *s'c'íná*, acc. -ú, pl. -ǰ; Миженец *s'c'íná*, acc. -ú, num. *s'c'in'í*, pl. *s'c'íny*, gen. *s'c'in'w*; Скотарское *s'íná*, acc. -ú, pl. *s'ínoo*; Печенижин *skíná*, acc. -ú, pl. *skíny*, gen. *skín*; Бан.-П. *skíná*, acc. -ú, num. *skín'í*, pl. *skíny*; Мшанец *s'c'íná*, acc. -ú, pl. *s'c'íny*, gen. *s'c'in*; Луквица *s'íná*/\{sc'-\}, acc. -ú, pl. *s'íná*/\{sc'-\}, gen. *s'in*/\{sc'-, sc'in'iw\}; Луги *skíná*, acc. (na) *sk'inú*, pl. *sk'íny*, gen. *sk'in*/sk'ínaj; Т. Поляна *s'íná*, acc. -ú, pl. -ѣ, gen. *s'in*; Люта *s'c'íná*, acc. -ú, pl. *s'c'ínoo*, gen. *s'c'in*.

***stopa**: Бан.-П. *stopá*, acc. -ú; Мшанец *stopá*, acc. *stopú*, pl. *stopý*, gen. *stop'w*.

***storna**: Олышаны *storoná*, acc. *storonú*, loc. *na túj storon'í*, pl. *storonó*, gen. *storón*; Керецки *storoná*, acc. *storonu*, pl. *stóronoo*; Чапли *storoná*, acc. *stóronu*, pl. *stórona*; Миженец *storoná*, acc. *stóronu*, num. -у, pl. -у, gen. -íw; Скотарское *storoná*, acc. *stóronu*, pl. *stóronoo*; Брод *storoná*, acc. *storonú*, pl. *stóronoo* (?), gen. *storún*; Печенижин *storoná*, acc. *stóronu*, pl. *stórony*, gen. -n'iw; Бан.-П. *storoná*, acc. -ú, num. -n'í, pl. *stórony*; Луквица *storoná*, acc. *stóronu*, pl. *stórona*, gen. *stor'in*/stóron'iw; Бороняво *storoná*, acc. *stóronu*, pl. *stóronoo*, gen. *storón*; Т. Поляна *storoná*, acc. *storonú*, pl. *stóronъ*, gen. *storón* (sic); Люта *stórona*, acc. *stóronu*, pl. *stóronoo*, gen. *stor'ín*.

***stopa**: Олышаны *stúpa*, acc. -u, pl. -oo, gen. *stup*; Луквица *stúpa*, acc. -u, pl. -ǰ, gen. *stup*/stúp'iw.

***stop'ьka**: Мшанец *stúpka*, acc. -u, pl. *stupký*, gen. *stupók*.

***strěla**: Олышаны *str'ílá*, acc. -ú, pl. *str'íloo*/str'íló, gen. *str'il* 'молния?'; Березники *str'ílá*, acc. *str'ílú*, pl. *str'íloo*; Керецки *str'ílá*, acc. *str'ílú*, pl. *str'íló*/str'íloo; Ч. Поток *str'ílá*, acc. -ú; Велятин *str'ílá*, acc. *str'ilú* 'молния'; Чапли *str'ílá*, acc. -ú, pl. -ǰ; Миженец *str'ílá*, acc. -ú, pl. -ý, num. *str'il'í*, gen. *str'il'w*; Скотарское *str'ílá*, acc. -ú, pl. -ó 'стрелка часов'; Печенижин *str'ílá*, acc. -ú, pl. *str'íly*, gen. *str'il*; Бан.-П. *str'ílá*, acc. -ú, pl. *str'íly*, gen. -l'iw; Мшанец *str'ílá*, acc. -ú, pl. *str'íly*, gen. *str'il'íw*; Луквица *str'ílá*, acc. -ú, pl. *str'íla*, gen. *str'il'íw*; Луги *str'ilá*, acc. -ú, pl. *str'íly*, gen. *str'il'íw*; Бороняво *str'ílá*, acc. -ú, pl. *str'íloo*, gen. *str'il* 'молния'; Т. Поляна *str'ilá*, acc. -ú, pl. -ѣ, gen. *stril*; Люта *str'ílá*, acc. -ú, pl. *str'íloo*, gen. *str'il*.

***strěxa** 'стреха': Олышаны *str'íxa*, acc. -u, pl. -oo, gen. *str'ix*; Березники *str'íxa*, acc. -u, pl. -oo; Керецки *str'íxa*, acc. *str'íxu*, pl. -oo; Ч. Поток *str'íxa*, acc. -u, pl. -oo, gen. *str'ix*; Велятин *str'íxa*, acc. -u, pl. -oo; Чапли *str'íxa*, acc. -u, pl. -ǰ; Миженец *str'íxa*, acc. -u, num. -i, pl. -i, gen. -íw; Скотарское *str'íxa*, acc. -u, pl. -oo; Печенижин *str'íxa*, acc. -u, pl. -x'у, gen. *str'ix*; Бан.-П. *str'íxa*, acc. -u, pl. -у; Мшанец *str'íxa*, acc. -u, pl. -у, gen. *str'ix*; Луквица *str'íxa*, acc. -u, pl. -x'í, gen. *str'ix*/str'ix'iw; Луги *str'íxa*, acc. -u, pl. *str'ix'í* 'конек крыши'; Бороняво *str'íxa*, acc. -u, pl. -oo, gen. *str'ix* 'скат крыши'; Т. Поляна *str'íxa*, acc. -u, pl. -ї, gen. *strix*; Люта *str'íxa*, acc. -u, pl. -i, gen. *str'ix*.

***struja**: Луквица *strúja*, acc. -u, pl. -i, gen. *struj*.

***struna**: Олышаны *strúna*, acc. -u, pl. -oo, gen. *strun*; Березники *strúna*, acc. -u, pl. -oo; Керецки *strúna*, acc. -u, pl. -oo; Ч. Поток *struná*, acc. -ú, pl. -ó, gen. *strun*; Скотарское *strúna*, acc. -u, pl. -oo; Печенижин *struná*, acc. *strúnu*, pl. *strúny*, gen. *strun*; Бан.-П. pl. *strúny*; Мшанец *strúna*, pl. -у, gen. *strun*/strún'iw; Бороняво *struná*, acc. -ú, pl. *strúnoo*, gen. *strun*.

***stryjъna**: Бороняво *strójna* 'тетка по отцу'.

***stъrva**: Бан.-П. *stěrva*, acc. -u.

***stъzъka**: Бан.-П. *stěška*, acc. -u, pl. *stěšká*, gen. *stěžusók*; Луквица *stěška*, acc. -u, pl. *stěšk'ǰ*, gen. *stěžok*.

***suka**: Ольшаны *súka*, acc. -u, pl. -*oo*, gen. *suk*; Березники *súka*, acc. -u, pl. -*oo*; Керецки *súka*, acc. -u, pl. -*oo*; Ч. Поток *súka*, acc. -u, pl. -*oo*, gen. *suk*; Бан.-П. *súka*, acc. -u, pl. -*ku*, gen. -*k'iw*; Мшанец *súka*, pl. -*у*, gen. *suk*; Луквица *súka*, acc. {-u}, pl. *súk'í*.

***suk'n'a**: Ольшаны *súkn'a*, acc. -u, pl. *sukn'í*, gen. *sukón'/sukén'* 'юбка'; Бан.-П. *súkn'a*, acc. -u, pl. *sukn'í*, gen. -*íw*; Луквица *súkn'í*, acc. -u, pl. -*i*, gen. -*iw*.

***suk'n'ka**: Луквица *sukénka*, pl. *sukenk'ǵ*, gen. *sukénok/{sukenǵk}*.

***súša** 'засуха': Ольшаны *súša*, acc. -u; Керецки *súša*, acc. -u; Бан.-П. *súša*, acc. -u, pl. -*š'í*, gen. -*š'íw*; Луквица *súš'í*, acc. -*šu*.

***svara** 'ссора': В. Тур. *svará*, acc. -*ú*, pl. *svárǵ*, gen. *svar*.

***svar'ka** 'ссора': Бан.-П. *svárka*; Мшанец *svárka*, acc. -u, pl. -*у*, gen. *svárok*; Луквица *svárka*, acc. -u, pl. *svárk'í*, gen. *svárok*.

***sva't'ba**: Березники *sváľba*, acc. -u, pl. *svaľbó*; Керецки *sváľba*, acc. -u, pl. *svaľbó*; Велятин *svád'ba*, acc. -u, pl. *svad'bó*, gen. *svad'ép*; Скотарское *sváľba*, acc. -u, pl. *svaľbó*, gen. *svaľb'íw*; Бороняво *svád'ba*, acc. -u, pl. -*oo*, gen. *svád'ep*; Т. Поляна *sváľba*, acc. -u, pl. *svaľbǵ*, gen. *svaľp*; Люта *sváľba*, acc. -u, pl. *svaľbó*, gen. *svaľb'íw*.

***svaxa**: Ольшаны *sváxa*, acc. -u, pl. *svaxó*, gen. *svax*; Ч. Поток *sváxa*, acc. -u, pl. *svaxó*, gen. -*ǵ*; Бан.-П. *sváxa*, acc. -u, pl. *svaxǵ*; Луквица *sváxa*, acc. -u, pl. -*x'í*.

***svex'ruxa**: В. Тур. *svexrúxa*, acc. -u, pl. -*x'í*.

***svét'jka**: Ольшаны *s'v'íčka*, acc. -u, pl. *s'v'íčkó*, gen. *s'v'íčók*; Березники *s'v'íčka*; Ч. Поток *sv'íčka*, acc. -u, pl. *sv'íčkó*, gen. *sv'íčyók*; Брод *sv'íčka*; Чернево *sv'íčka*, num. *sv'íc'c'i*, pl. *sv'íčk'í*, gen. *sv'íčók*; Бан.-П. *sv'íčka*, acc. -u, pl. *sv'íčkǵ*, gen. *sv'íčyók*; Мшанец *s'v'íčka*, -u, pl. *s'v'íčký*, gen. *s'v'íčók*; Луквица *sv'íčka*, acc. -u, pl. *sv'íčk'ǵ*, gen. *sv'íčok*.

***svin'ja**: Ольшаны *svin'á*, acc. *svin'ú*, pl. *svín'í*, gen. *svin'/svináj*; Березники *svin'á*, acc. -*ú*, pl. *svín'í*; Керецки *svin'á*, acc. -*ú*, pl. *svín'í*; Ч. Поток *svin'á*, acc. -*ú*, pl. *svín'í*, gen. *svinéj*; Велятин *svin'á*, acc. -*ú*, pl. *svín'í*; Чапли *svǵn'á*, acc. -*ú*, pl. *svǵn'í*, instr. *svǵn'mǵ*; Миженец *svyn'á*, acc. -*ú*, num. *svyn'í*, pl. *svýn'í*, gen. *svynéj*; Скотарское *svin'á*, acc. -*ú*, pl. *svín'í*; Печенижин *svǵn'é*, acc. -*ú*, pl. *svǵn'í*, gen. *svynáj*; Чернево *svin'á*, acc. -*ú*, num. *sviní*, pl. *svín'í*; Бан.-П. *svyn'á*, acc. -*ú*, pl. *svǵn'í*, gen. *svynéj*; Мшанец *svin'á*, acc. -*ú*, pl. *svín'í*, gen. *sviníj*; Луквица *svǵn'ǵ*, acc. -*ú*, pl. *svǵn'í*, gen. *svǵnéj*, instr. *svǵnmǵ*; Луги *svyn'é*, acc. -*ú*, pl. *svǵn'í*, gen. *svynáj*; Бороняво *svin'á*, acc. -*ú*, pl. *svín'í*, gen. *svin'*; Т. Поляна *svǵn'á*, acc. -*ú*, pl. *svǵn'í*, gen. *svǵnéj* (sic); Люта *svin'á*, acc. -*ú*, pl. *svín'í*, gen. *sviníj*.

***svita**: Ольшаны *svíta*, acc. -u, pl. -*oo*, gen. *svit* 'легкое платье'.

***sv'gaga** 'изжога': Ольшаны *zága*, acc. -u; Чапли *zága*, acc. -u.

***sv'lagoda**: Бан.-П. *zláǵoda* 'примирение, согласие'.

***sv'ména**: Бан.-П. *zm'ína*.

***sv'soxa** 'рогатина': Ольшаны *ssóxa*, acc. *ssóxu*, pl. *ssóxo*, gen. *ssox*; Ч. Поток *ssóxa*, acc. *ssóxu*.

***sv'žaga** 'изжога': Т. Поляна *žága*, acc. -u.

***sv'žega** 'изжога': Скотарское *žóga*, acc. *žógu*; Луги *žóga*, acc. -u.

***svyta**: Бан.-П. *svyá*, acc. -*ú* («пчел кормят»).

***sv'čina** 'моча': Березники *ščína*.

***sv'gna** 'косуля': Ольшаны *serná*, acc. -*ú*, pl. *sernáoo*, gen. *sern* (?); Березники *serná*, acc. *sernú*, pl. *sernáoo*; Керецки *serná*, acc. -*ú*, pl. *sernáoo*; Ч. Поток *serna*, acc. -u, pl. *sernáoo*, gen. -*n'ǵ*; Велятин *serná*, acc. -*ú*, pl. *sernáoo*; Чапли *serná*, acc. *sernú*, pl. *serná* (sic); Скотарское *serna*, acc. -u, pl. *sernáoo*; Бан.-П. *serná*, acc. -*ú*, pl. *sérny*, gen. -*n'íw*; Мшанец *serná*, acc. -*ú*, pl. -*ý*, gen. *sern'íw*; Луквица *serná*, acc.

-ú, pl. *šérnə*, gen. *šern'iw*; Т. Поляна *šérna*, acc. -u, pl. -ы; Люта *šérna*, acc. -u, pl. -о, gen. *šern'iw*.

*ščava 'щавель': Ольшаны *ščaná*, acc. -ú; Березники *ščaná*, acc. -ú, pl. -о; Керещки *ščaná*, acc. -ú, pl. -о; Ч. Поток *š'č'aná*, acc. -ú; Бан.-П. *šč'ivá*, acc. -ú 'конский щавель'; Луквица *šč'áva*, acc. -u, pl. -ə/[šč'ivə] id.

*ščeka: Луквица *ščéka*, acc. -u, pl. -k'í, gen. -k'iw «*ščéka w ról'i*».

*ščuka: Ольшаны *ščúka*, acc. -u, pl. -о, gen. *ščuk*; Ч. Поток *š'č'úka*, acc. -u, pl. -о, gen. *š'č'uk*; Бан.-П. *ščúka*, acc. -u, pl. -ky, gen. *ščuk/ščúk'iw*; Мшанец *ščúka*, acc. -u, pl. -y, gen. *ščuk*; Луквица *ščúka*, acc. -u, pl. -k'í, gen. -k'iw.

*ščьrba: Ольшаны *ščerbá* 'щербина (на тарелке и т. п.)'.

*šija: Ольшаны *šája*, acc. -u, pl. *šájí*, gen. *šáj*; Березники *šía*, acc. -u, pl. *šíí*; Керещки *šía*, acc. *šíu*, pl. *šíí*; Луги *šája*, acc. -u, pl. -i, gen. *šáj*; Бороняво *šíja*, acc. -u, pl. -i, gen. *šij*; Т. Поляна *š'úja*, acc. -u, pl. -i, gen. *š'uj*; Люта *š'ója*, acc. -u, pl. -i, gen. *š'oj*; Ч. Поток *š'éja*, acc. -u, pl. -i, gen. *šej*; Велятин *šéja*, acc. -u; Чапли *šája*, acc. -u, pl. -i; Скотарское *šéja*, acc. -u, pl. -i; Печенижин *šája*, acc. -u, pl. -i, gen. *šáj*; Бан.-П. *šája*, acc. -u, num. -i, pl. *šují*; Мшанец *šíja*, acc. -u, pl. -i; Луквица *šéja*, acc. -u, pl. -i, gen. -iw.

*šijka: Луквица *šéjka*, pl. *šejk'ə*, gen. *šejók*.

*šiška: Ольшаны *šíška*, pl. *šiškáo*, gen. *šišók*.

*telęga: Ольшаны *tel'íga*, acc. -u, instr. *za tel'ígow*, pl. -о, gen. *tel'ix* 'двуколка'; Ч. Поток *tel'íga*, acc. -u, pl. -о, gen. *tel'ix* «основная часть телеги».

*tetka: Ольшаны *t'útká*, pl. *t'utkáo*, gen. *t'utók*; Ч. Поток *t'útká*, pl. *t'utkáo*, gen. *t'ütók*; Мшанец *c'ítka*, acc. -u, pl. *c'itk'y*, gen. *c'itók*.

*tegota: Т. Поляна *t'agotá*, acc. *t'agotú*, pl. *t'agotó*, gen. *t'agót* 'печаль'.

*tolka 'помочь': Ольшаны *toloká, acc. *na tóloku*, pl. *tóloko*, gen. *tolók*; Печенижин *tólóká*, acc. *tóloku*, pl. *tólók'y*, gen. *tol'ík*; Луги *tóloka*, acc. -u; Луквица *toloká*, acc. *tóloku* (так же в В. Тур.).

*tolka 'пастбище': Ольшаны *tolóka*, acc. *w tólóku*; Березники *tolóka*, acc. *tólóku*, pl. *tolóko*; Керещки *tolóka*, acc. *tólóku*, pl. *tolóko*; Ч. Поток *tol'óka*, acc. *tol'óku*; Велятин *tolóka*, acc. *tólóku*, pl. *tolóko*; Скотарское *toloká*, acc. *tólóku*, pl. *tolokó* (sic); Брод *tolóka*, acc. *tólóku*, pl. *tolóko*, gen. *tolúk*; Печенижин *tólóká*, acc. *tólóku*, pl. *tólók'y*, gen. *tol'ík*; Бан.-П. *tol'úška*, acc. -u; Бороняво *tolóka*, acc. *tólóku*, pl. *tolóko*, gen. *tolók*; Т. Поляна *tóloka*, acc. *tólóku*, pl. *tólókí*, gen. *tolók*; Люта *tóloka*, acc. *tólóku*, pl. *tólókí*, gen. *tólok*; Мшанец *toloká*, acc. *tólókú*, pl. *tolok'y*, gen. *tolók*; Луквица *toloká*, acc. *tólóku/itolokú*, pl. -k'í.

**topol'a*: Ч. Поток *top'ól'a*, acc. -u, pl. -i, gen. *top'ól'*.

*tuča: Ольшаны *túča*, acc. -u, pl. *túč'i*, gen. *tuč* 'сильный дождь'; Березники *túča*, acc. -u, pl. *túč'i*; Керещки *túča*, acc. -u, pl. *túč'i/tuč'í* 'гроза'; Ч. Поток *túča*, acc. -u, pl. -i, gen. *tuč* 'грозовая туча'; Брод *túča*; Бан.-П. *túča* 'грозовая туча (с градом)'; Луквица *túča/č'í*, acc. -u.

*tuęa: Керещки *tuęá*, acc. -ú; Ч. Поток *tuęá*, acc. -ú; Чапли *túęa*, acc. -u; Миженец *tuęá*, acc. -ú, num. -i, pl. *túęi*, gen. -iw; Скотарское *tuęá*, acc. -ú; Печенижин *tuęá*, acc. -ú, pl. *túęy*, gen. *tuh*; Луги *tuęá*, acc. -ú; Бороняво *tuęá*, acc. -ú, pl. *túęo*, gen. *tux*.

*trava: Ольшаны *travá*, acc. -ú, pl. *trávoo*, gen. *traw*; Березники *travá*, acc. *travú*; Керещки *travá*, acc. -ú, pl. *trávoo*; Ч. Поток *travá*, acc. -ú, pl. *trávoo*, gen. *traw*; Велятин *travá*, acc. -ú, pl. *trávoo*; Чапли *travá*, acc. -ú, pl. -ə; Миженец *travá*, acc. -ú, num. -y, pl. *trávyy*, gen. -iw; Скотарское *travá*, acc. -ú, pl. *trávoo*; Брод *travá*, acc. -ú, pl. -о, gen. *traw*; Печенижин *travá*, acc. -ú, pl. *trávyy*, gen. *traw*; Бан.-П. *travá*, acc. -ú, pl. *trávyy*, gen. -v'iw; Луги *travá*, acc. -ú, pl. *trávyy*; Бо-

роняво *travá*, асс. -ú, pl. *trávoo*, gen. *traw*; Т. Поляна *travá*, асс. *travú*, pl. -ú, gen. *traw*; Люта *travá*, асс. -ú; Мшанец *travá*, асс. -ú, pl. *trávy*, gen. *traw*; Луквица *travá*, асс. -ú, pl. *trávə*, gen. *traw*/{*tráv'iw*}.

*trepeta 'осина': Ольшаны *trepéta*, асс. -u, pl. -oo, gen. *trepét*; Бан.-П. *trepéta*, асс. -u, pl. -y, gen. -l'iw; Луквица *trepéta*, асс. -u, pl. -ə, gen. *trep'it*.

*trěska 'щепка': Ольшаны *tr'fska*, асс. -u, pl. *tr'iskoo*, gen. *tr'isók*; Березники *tr'fska*, асс. -u, pl. *tr'iskoo*, gen. *tr'isók*; Керецки *tr'fska*, асс. -u, pl. *tr'iskoo*; Ч. Поток *tr'fska*, асс. -u, pl. *tr'iskoo*, gen. *tr'isók*; Велятин *tr'fska*, асс. -u, pl. *tr'iskoo*; Бан.-П. *tr'fska*, асс. -u, pl. *tr'iskə*, gen. *tr'isók*; Бороняво *tr'fska*, асс. -u, pl. -oo, gen. *tr'isók*; Т. Поляна *tr'fska*, асс. -u, pl. *tr'isk'i*; Люта *tr'fska*, асс. -u, pl. *tr'isk'i*, gen. *tr'isók*; Луквица *tr'fska*, асс. -u, pl. *tr'isk'ž*, gen. *tr'isók*.

*troska: Скотарское *troská*, асс. *troškú* 'щебень'.

*trōba 'труба (водопроводная)': Ольшаны *trubá*, асс. -ú, pl. *trúboo*, gen. *trup*; Березники *trubá*, асс. -ú, pl. -oo; Керецки *trubá*, асс. -ú, pl. *trúboo*; Ч. Поток *trubá*, pl. -oo; Велятин *trubá*, асс. -ú, pl. *truboo*/*trúboo*; Чапли *trubá*, асс. -ú, pl. -ž; Миженец *trōbá*, асс. -ú, num. *trōb'i*, pl. *trúby*, gen. *trup*; Скотарское *trubá*, асс. -ú, pl. -oo; Брод *trubá*, асс. -ú, pl. -oo, gen. *trup*; Печенижин *trubá*, асс. -ú, pl. *trúby*, gen. *trup*; Бан.-П. *trubá*, асс. -ú, pl. *trúby*; Луги *trubá*, асс. -ú, pl. *trúby*, gen. *trup*/*trub'iw*/*trúbiw*; Бороняво *trubá*, асс. -ú, pl. *trúboo*, gen. *trup*; Т. Поляна *trubá*, асс. -ú, pl. -ú, gen. *trup*; Люта *trubá*, асс. -ú, pl. *trúboo*, gen. *trup*; Луквица *trubá*, асс. -ú, pl. -ž, gen. *trup*.

**trōb'ka*: Бан.-П. *trúpka*; Луквица *trúpka*, pl. *trupk'ž*, gen. *trubók*.

**tr'uxa*: Бан.-П. *tr'úxa*, асс. -u, pl. -y 'труха'.

**tr'ěska*: Керецки *troská*, асс. *troškú*, pl. *trósko* 'тростник'.

**tr'voga*: Бан.-П. *tr'vūžya*; Луквица *tr'vōžya*, асс. -u.

**tyč'ka*: Ч. Поток *tyč'čka* 'ступка'.

*tyra: Бан.-П. *tyč'wpa*, асс. -u, pl. -y, gen. -p'iw.

*tyšca: Ч. Поток *tóš'č'a*, асс. *tóš'č'u* 'тоска'.

*tma: Ольшаны *tma*, асс. *tmu*; Керецки *t'ma*, асс. *t'mu*; Ч. Поток *t'ma*, асс. *t'mu* (?); Велятин *tma*, асс. *tmu*; Мшанец *c'ma*, асс. -u.

*tyšca: Ольшаны *těšca*, pl. *těšči* 'теща, свекровь'; Скотарское *těšca*, асс. -u, pl. *těšči*; Печенижин *těšču*, асс. *těšču*, pl. *těšči*, gen. *tešč*; Бан.-П. *těšca*, асс. -u, pl. -šči, gen. *tešč*; Луги *těšči*, асс. -u, pl. -i, gen. -iw; Т. Поляна *těšča*, асс. -u, pl. -i, gen. *tešč*; Люта *těšča*, асс. -u, pl. -i, gen. *tišč*; Мшанец *těšca*, асс. -u, pl. *těšči*, gen. *tešč*; Луквица *těšca*, асс. -u, pl. *tešč'i*, gen. *těšč'iw*.

*ujna 'тетка по матери': Печенижин *vújna*, асс. -u, pl. -y, gen. *vujn*; Чернево *vújna*; Бороняво *vújna*, асс. -u, pl. -oo, gen. *vujn*; Т. Поляна *vújna*, асс. -u, pl. -ú, gen. *vujn*.

*utrata: Бан.-П. *wtráta*.

*vada: Керецки *váda*, асс. -u, pl. -oo 'спор, ссора'.

*vaga: Ольшаны *vayá*, асс. -ú, pl. *vayoo*/*váyoo*, gen. *vax* 'колодезный журавель; весы; вес'; Березники *vayá*, асс. -ú, pl. *vayoo*; Керецки *vayá*, асс. -ú, pl. -oo 'весы'; Ч. Поток *vayá*, асс. -ú; Бан.-П. *vayá*, асс. -ú, num. -z'i, pl. *vayž*, gen. -y'iw; Мшанец *vayá*, асс. -ú, pl. -y, gen. *vay'iw*; Луквица *vayá*, асс. -ú, pl. -ž, num. -y'iw.

*vapa: Керецки *vápa*, асс. -u 'густая жидкость'.

*vatra: Ольшаны *vátra*, асс. -u 'огонь'; Керецки *vátra*, асс. -u, pl. -oo 'костер'; Ч. Поток *vátra*, асс. -u «выгоревшие дрова»; Бан.-П. *vátra*, асс. -u 'огонь (в печи)'; Луквица *vátra*, асс. -u, {pl. *vatrž*} 'открытый огонь'.

**večer'a* 'ужин': Ольшаны *večér'a*, асс. -u, pl. -i, gen. *večér'*; Березники *večér'a*, асс. -u, pl. *večér'i*; Керецки *večér'a*, асс. -u, pl. -i; Ч. Поток *večér'a*, асс. -u; Бан.-

П. *večĭér'a*, acc. -u; Мшанец *večĕr'a*, acc. -u, pl. -i, gen. -iŭ; Луквица *večĕr'i*, acc. -u, pl. -i, gen. -iŭ.

*verta 'простыня': Ольшаны *veréta*, acc. -u, pl. -o, gen. *verét*; Ч. Поток *veréta*, acc. -u, pl. -o, gen. *verét*; Луквица *veréta*, acc. -u, pl. -ə, gen. *ver'it*/{*verét'iw*/*verét*}.

*vesna: Ольшаны *vesná*, acc. *vésnu*, loc. *na vésn'i*, pl. *vésno*; Березники *vesná*, acc. *vesnú*, pl. *vesnó*; Керецки *vesná*, acc. *vesnú*, pl. *vesnó*; Велятин *vesná*, acc. *vesnú*; Чапли *vesná*, acc. -ú, pl. *vésnə* (/vesnə); Миженец *vesná*, acc. *vésnu*, pl. -y, num. *veš'n'i*, gen. *vésniw*; Скотарское *vesná*, acc. -ú, pl. *vésno* (обычно *jar*); Печенижин *vesná*, acc. -ú, pl. *vésny*, gen. -n'iŭ; Бан.-П. *vešná*, acc. -ú/*vésnu*, num. *veš'n'i*, pl. *vésny*, gen. *vešn'iŭ*; Луги *vesná*, acc. -ú, num. *trə vesnə*, pl. *vésny*, gen. *vésniw*/*vésnə*; Бороняво *vesná*, acc. -ú, pl. *vésno*, gen. *vešn*; Люта *vesná*, acc. -ú, pl. *vésno*, gen. *vešn'iŭ*; Мшанец *vesná*, acc. -ú, pl. *vésny*, gen. *vésn'iŭ*; Луквица *vesná*, acc. *vésnu*, pl. *vésnə*, gen. *vésn'iŭ*.

**ves(ь)lĭka* 'радуга': Ольшаны *vesélka*, pl. -o; Ч. Поток *vesélka*.

*veža 'вышка, башня': Чапли *véža*, acc. -u, pl. -i; Миженец *véža*, acc. -u, num. -i, pl. -i, gen. -iŭ; Печенижин *véz'ŷu*, acc. *véžu*, pl. *véz'i*, gen. *veš*; Т. Поляна *véža*, acc. -u, pl. *véz'i*, gen. *veš*; Мшанец *véža*, acc. -u, pl. *véži* 'большая гора (микротопоним?)'.

*vědĭma: В. Тур. *v'id'ma*.

*vĕra: Ольшаны *v'ira*, acc. -u, pl. -o, gen. *v'ir*; Березники *v'ira*, acc. *v'iru*; Керецки *v'ira*, acc. -u; Ч. Поток *v'ira*, acc. -u; Велятин *v'ira*, acc. -u, pl. -o; Чапли *v'ira*, acc. -u; Миженец *v'ira*, acc. -u, num. -y, pl. -y, gen. -iŭ; Скотарское *v'ira*, acc. -u; Печенижин *v'ira*, acc. -u, pl. -y, gen. -r'iŭ; Бан.-П. *v'ira*; Луги *v'ira*, acc. -u; Бороняво *v'ira*, acc. -u; Т. Поляна *v'ira*, acc. -u, pl. -ы, gen. *v'ir*; Люта *v'ira*, acc. -u, pl. -o, gen. *v'ir*; Мшанец *v'ira*, acc. -u; Луквица *v'ira*, acc. -u, pl. -ə, gen. *v'ir*.

*vĕta: Луквица *v'ita*, acc. -u, pl. -ə, gen. *v'it* 'большая ветка'.

*vĕtĭka: Луквица *v'itka*, pl. *v'itk'i*/*v'itk'ə*, gen. *v'itok*.

*vidla 'один из зубьев вил', pl./du. 'вилы': Ольшаны *vila*, acc. -u, pl. -o, gen. *vil*; Ч. Поток pl. *viloo*, gen. *vil*, instr. *vilam*; В.Тур. pl. *vələ*, gen. *vələj*, instr. *vələmə*; Луквица pl. *vəli*, gen. -iŭ (старый dual.).

*vidlica: Ч. Поток pl. *vilic'i* 'скулы'.

*vina: Ольшаны *viná*, acc. *vinu*/*vinú*; Березники *viná*, acc. *vinŭ*, pl. *vinó*; Керецки *viná*, acc. -ú, pl. *vinoo*; Чапли *vəná*, acc. -ú, pl. -ə; Миженец *vuná*, acc. -ú, num. *vunú*, pl. *vúny*, gen. *vúniŭ*; Скотарское *viná*, acc. -ú, pl. *vinoo*; Печенижин *vuná*, acc. -ú, pl. *vəny*, gen. *vən*; Бороняво *viná*, acc. -ú, pl. *vinoo*, gen. *vin*; Т. Поляна *vĭná*, acc. -ú, pl. -ы, gen. *vĭn*; Луквица *vəná*, acc. -ú, pl. *vənə*, gen. *vən'iŭ*.

**višĭn'a*: Керецки *višn'a*, acc. -u, pl. -i; Ч. Поток *višn'a*, acc. -u, pl. -i, gen. *višĕn'*/*višn'ŭ*; Чернево *višn'a*, acc. -u, num. *višni*, pl. *višn'i*; Бан.-П. *vĭšn'a*, acc. -u, pl. -i, gen. *vušĕn'*; Мшанец *vŷšn'a*, acc. -u, pl. -i, gen. *vušĕn* (sic); Луквица *vəšn'i*, acc. -u, pl. -i, gen. -iŭ/{*vəšĕn'*}.

*voda: Ольшаны *vodá*, acc. *vodu*; Березники *vodá*, acc. *vodu*; Керецки *vodá*, acc. *vodu*, pl. *vódo*; Ч. Поток *vodá*, acc. *vŷodu*; Велятин *vodá*, acc. *vodu*; Чапли *vodá*, acc. *vodu*, pl. *vódə*; Миженец *vodá*, acc. *vodu*, pl. *vódu*, gen. -iŭ; Скотарское *vodá*, acc. *vodu*, pl. *vódo*; Брод *vodá*, acc. *vodu*, pl. *vódo*; Печенижин *vodá*, acc. *vodu*; Чернево *vodá*, acc. *vodu*, num. *vod'i*, pl. -y; Бан.-П. *vodá*, acc. *vŷodu*; Луги *vodá*, acc. *vodu*; Бороняво *vodá*, acc. *vodú*; Т. Поляна *vóda*, acc. *vodu*; Люта *vóda*, acc. *vodu*, loc. *w vod'i*; Мшанец *vodá*, acc. *vodu*; Луквица *vodá*, acc. *vódu*, {pl. *vódə*}.

*vojina: Ольшаны *vójna*, acc. *vójnu*; Березники *vójna*, acc. *vójnu*, pl. *vójnó*; Керецки *vójna*, acc. -u, pl. *vójnó*; Ч. Поток *vŷójna*, acc. -u, pl. -o; Велятин *vójna*,

асс. -и, pl. -ω; Миженец *vijná*, асс. -ú, num. *vijnú*, pl. *vijnú*; Скотарское *vójna*, асс. -и, pl. *vójnó*; Бан.-П. *vǔjǔna, асс. -и, num. -n'í; Луги *vójna*; Т. Поляна *vójna*, асс. -и, pl. *vójnǔ*; Люта *vójna*, асс. -и, pl. -ω, gen. -n'íw; Мшанец *vójna*, асс. -и; Луквица *vójna* (/v'ijná), асс. *vójnu* (/v'ijnú), pl. *vójnǔ* /{vojnǔ}, gen. *vójn'íw*.

*volga: Велятин *vológa*, асс. *vológu* («после дождя»); Чапли *vológa*, асс. -и 'влага'; Миженец *vológa*, асс. -и; Бан.-П. *volǔga*, асс. -и; Луги *vológa*, асс. -и 'влажность'.

**vol'a*: Ольшаны *vól'a*, асс. -и; Березники *vól'a*, асс. -и; Керецки *vól'a*, асс. -и; Ч. Поток *vǔól'a*, асс. -и; Печенижин *vól'u*; Чернево *vól'a*, асс. -и; Бан.-П. *vǔól'a*, асс. -и; Мшанец *vól'a*, асс. -и; Луквица *vól'i*, асс. -и 'свобода'.

*volka: Ч. Поток *voljóka*, асс. *voljóku*, pl. -ω, gen. *voljók* 'шнурок' («*postvolak*»); Бан.-П. *volǔska*, асс. -и — значение?

**von'a*: Бан.-П. *vǔon'a*, асс. -и.

*vogna: Ольшаны *voróna*, асс. *vorónu*, pl. *vorónω*, gen. *vorón*; Березники *voróna*, асс. *vorónu*, pl. *vorónω*; Керецки *voróna*, асс. *vorónu*, pl. *vorónω*; Ч. Поток *vorjóna*, асс. *vorjónu*, pl. *vorjónω*, gen. *vorjón*; Велятин *voróna*, асс. *vorónu*, pl. *vorónω*; Чапли *voróna*, асс. -и, pl. -ǔ; Миженец *voróna*, асс. -и, num. -у, pl. -у, gen. -íw; Скотарское *voróna*, асс. *vorónu*, pl. *vorónω*; Печенижин *voróna*, асс. -и, pl. -у, gen. *vorón*; Бан.-П. *vorǔna*, асс. -и, pl. -у, gen. -n'íw; Луги *voróna*, асс. -и, pl. -у; Бороняво *voróna*, асс. *vorónu*, pl. *vorónω*, gen. *vorón*; Т. Поляна *voróna*, асс. *vorónu*, pl. *vorónǔ*, gen. *vorón*; Люта *voróna*, асс. *vorónu*, pl. *vorónω*, gen. *vorón*; Мшанец *voróna*, асс. *vorónu*, pl. *vorónǔ*, gen. *vorón*; Луквица *voróna*, асс. -и, pl. -ǔ, gen. *vorón'íw*.

*vornǔka: Ольшаны *vorónka*, pl. *vorónkǔ*, gen. *vorónók* 'лаз на чердак'.

*vorska: Ольшаны *voróska*, асс. *vorósku*, pl. *voroskǔ*, gen. *vorosók* 'дужка ведра'.

*vorǔba: Керецки *vorozbǔ*, асс. *vorozbǔ* 'ворожба'; Чапли *vorozbǔ*, асс. -ú, pl. -ǔ; Скотарское *vorozbǔ*, асс. *vorozbǔ* 'вражда'; Мшанец *vorozbǔ*, асс. *vorozbǔ*.

*vorǔsda: Бороняво *vorozdá*, dat. *vorozdú*.

*vorǔka 'ворожея': Ольшаны *voróška*; Ч. Поток *vorjóška*; Велятин *voróška*, асс. *voróšku*, pl. *voróškω*; Бан.-П. *vorǔška*; Луквица *voróška*, асс. -и, pl. *vorosk'ǔ*, gen. *vorosók*.

*vydra: Ольшаны *vódra*, асс. -и, pl. *vódrǔ*; Березники *vódra*, асс. -и, pl. *vódrǔ*; Керецки *vódra*, асс. -и, pl. *vódrǔ*; Мшанец *výdra*, асс. -и, pl. -у, gen. *výdr'íw*: «*Výdra lázyt po dérev'i. Véržu výdr'i x'l'íba — móže i pryb'íyne ta z'jist*»; Луквица *vǔdra*, асс. -и, pl. -ǔ, gen. *vǔdr'íw*.

*vdova: Чапли *wdová*, асс. *wdóvu*, pl. *wdónǔ*; Миженец *wdóná*, асс. -ú, pl. num. *wdoví*, *wdóny*, gen. *wdóníw*; Бан.-П. *udǔvna*, асс. -и, pl. -у, gen. -v'íw; Мшанец *vdóna*, асс. *vdónu*, pl. *vdóny*, gen. *vdow*; Луквица *udová* /{vdová}, асс. -ú, pl. -ǔ /{vdónǔ}, *udov'íw* /{vd'íw}.

*vdovica: Ольшаны *odovíc'a*, асс. -и, pl. -ǔ, gen. *odovíc'*; Березники, Керецки *udovíc'a*; Ч. Поток *udovíc'a*, асс. -и, pl. -ǔ; Велятин *wdovíc'a*, асс. -и, pl. -ǔ; Скотарское *udovíc'a*; Люта *wdovíc'a*.

*vǔlna 'овечья шерсть': Ольшаны *vówna*, асс. -и, pl. *vównǔ*, gen. *vównǔw* /*vównǔ*; Березники *vówna*, асс. -и; Керецки *vówna*, асс. -и; Ч. Поток *vǔólna*, асс. -и; Велятин *vówna*, асс. -и; Чапли *vówna*, асс. -и; Миженец *vówna*, асс. -и; Скотарское *vówna*, асс. -и 'овечья, козья шерсть'; Брод *vówna*, асс. -и; Печенижин *vówna*, асс. -и; Бан.-П. *vǔólna*, асс. -и; Луги *vówna*, асс. -и; Бороняво *vólna*, асс. -и, pl. -ω, gen. *vóln*; Т. Поляна *vówna*, асс. -и; Люта *vówna*, асс. -и; Мшанец *vówna*, асс. -и; Луквица *vówna*, асс. -и, pl. {*vównǔ*}.

***вѣрба**: Ольшаны *verbá*, gen. *verbó*, acc. -ú, pl. *vérbó*, gen. *verp*; Березники *verbá*, acc. -ú, pl. *verbó*; Керецки *verbá*, acc. -ú, pl. *vérbó*; Ч. Поток *vérba*, acc. -u, pl. *verbó*, gen. -b'ŭ; Велятин *verbá*, acc. -ú, pl. *vérbó*; Чапли *vérba*, acc. -u, pl. -ž; Скотарское *vérba*, acc. -u, pl. -o; Брод *vérba*, acc. -u, pl. *verbó*, gen. *verp*; Печенижин *verbá*, acc. -ú, pl. *vérbu*, gen. *verp*; Бан.-П. *verbá*, acc. -ú, num. *verb'f*, pl. *vérbu*, gen. -b'iw; Луги *verbá*, acc. -ú, pl. *vérbu*, gen. -iw; Бороняво *verbá*, acc. -ú, pl. *vérbó*, gen. *verp*; Т. Поляна *vérba*, acc. -u, pl. *verbó*, gen. *verp*; Люта *ver'ba*, acc. -u, pl. -o, gen. *ver'b'iw*; Мшанец *vérba*, acc. -u, pl. -y, gen. *ver'b'iw*; Луквица *verbá*, acc. -ú, pl. *verbá*, gen. *ver'b'iw*/{*ver'b'iw*}.

***вѣрста**: В. Тур. *verstá*, acc. -ú, pl. *verstá*, gen. *verst* 'верста'.

***вѣрства** 'поколение': Бан.-П. *verstvá*, acc. -ú «старый возраст»; Луквица *verstvá*, {acc. -ú, pl. *verstvá*}.

***хашча**: Ольшаны *xášča*, acc. -u, pl. *xášč'f*, gen. *xášč'úw* 'лес'; Ч. Поток *xášč'a*, acc. -u, pl. *xášč'f*, gen. -ŭ 'лес'; Брод *xášč'a* 'лес'; Бан.-П. *xášča*, acc. -u 'место, непригодное для посадки с/х культур'; Луквица *xášč'i*, acc. -šču, pl. *xášč'i*, gen. -iw 'чаща, заросли'.

***хата**: Бан.-П. *xáta*, acc. -u, num. -l'i, pl. *xatá*, gen. -l'iw; Луквица *xáta*, acc. -u, pl. *xatá*, gen. *xat*.

***хатка**: Луквица *xátka*, pl. *xat'á*, gen. *xátok*.

***хмара**: Ольшаны *xmára*, acc. -u, pl. -o, gen. *xmar*; Ч. Поток *xmára*, acc. -u, pl. -o, gen. *xmar*; Чернево *xmára*, acc. -u, pl. -y; Бан.-П. *xmára*, acc. -u, pl. -y, gen. -r'iw; Мшанец *xmára*, acc. -u, pl. -y, gen. *xmar*; Луквица *xmára*, acc. -u, pl. -ž, gen. -r'iw.

***хгара**: Ольшаны *xhápa*, acc. -u 'снежный наст, наледь'; Керецки *xhápa*, acc. -u 'замерзшая грязь (на дороге и т. п.)'.

***худоба** 'скот': Чернево gen. *xudóbu*.

***хула**: Ч. Поток *xulá do býóya*.

***хвала**: Ольшаны *xvála býyu*; Керецки *xvalá*, acc. -ú; Чапли *xvalá*, acc. -ú, pl. -ž; Миженец *xvalá*, acc. -ú, num. *xval'i*, pl. *xválu*, gen. *xvál'w*; Скотарское *xvalá*, acc. *xválu*, pl. *xválu*; Бан.-П. *xvalá* (?); *xvála býyony*; Луквица *xvalá býyony*; Бороняво *xvalá*, acc. -ú, pl. *xvaló*, gen. *xval*; Т. Поляна *xvála*, acc. -u, pl. -ы, gen. *xval*.

***хвалба**: Бороняво *xbal'bá*, acc. -ú, pl. -o, gen. *xval'p*; Люта *xval'bá*.

***хвил'а**: Мшанец *xvil'a*, acc. -u, pl. -i, gen. *xvil'*.

***хуба**: Ольшаны *xóba*, acc. -u 'болезнь (какая?)'; Березники *xóba*, acc. -u, pl. -o 'ошибка'; Керецки *xóba*, acc. -u, pl. -o 'ошибка'.

***хуža** 'дом': Ольшаны *xóžá*, acc. -u, pl. *xož'f*, gen. *xož*; Березники *xóžá*, acc. -u, pl. *xož'f*; Керецки *xóžá*, acc. -u, pl. *xož'f*; Ч. Поток *xóžá*, acc. -u, pl. *xož'f*, gen. *xož*; Велятин *xóžá*, pl. *xož'i*; Брод *xóžá*, acc. -u, pl. *xož'f*, gen. *xož*; Мшанец *xúžá*, acc. -u, pl. -i, gen. *xuž*.

***хуžка**: Ольшаны *xóžka*, pl. *xožkó*, gen. *xožók*.

***zabav'ka**: В. Тур. *zábawka* 'игра'.

***zagorda**: В. Тур. *záyoroda/zayoróda* 'огороженное место для овец'.

***zaplat'ka**: Ольшаны *zaplátka*, acc. -u, pl. *zaplatkó*, gen. *zaplatók*; Ч. Поток *zaplátka*.

***zar'a**: Березники *zár'a*, acc. -u 'зареве'; Керецки *zár'a*, acc. -u 'отблеск, зарево'.

***zasid'ka**: Ольшаны *zásilka*, pl. *zastkó*, gen. *zasilók* 'петля'.

***zasuxa**: Ч. Поток *zasúxa*.

***zavěsa**: Бан.-П. pl. *zav'isy* 'дверные петли'; Луквица pl. *zav'isá* 'дверные петли'.

***zeml'a**: Ольшаны *zēml'á/zēmn'á*, асс. *zēml'u/zēmn'u*, loc. *na zeml'i*; Березники *zēml'á*, асс. *zēml'u*; Керецки *zēml'á*, асс. *zēml'u*, pl. *zēml'i*; Ч. Поток *zēml'á*, асс. *zēml'u*, loc. *na zeml'i*; Велятин *zēmn'á*, асс. *zēmn'u*, pl. *zēmn'i*; Чапли *zeml'á*, асс. *zēml'u*, pl. *zēml'i*; Миженец *zēml'á*, асс. *zēml'u*, num. -i, pl. -i, gen. *zēml'*; Скотарское *zēml'á*, асс. *zēml'u*, pl. *zēml'i*; Печенижин *zēml'é*, асс. *zēml'u*, pl. *zēml'i*, gen. *zēml'*; Чернево *zēmn'á*, асс. *zēmn'u*, pl. *zēmn'i*, gen. *zēml'*; Бан.-П. *zeml'á*, асс. *zēml'u*, instr. *zēml'ew*; Мшанец *zēml'á*, асс. *zēml'u*; Луквица *zeml'á/{-ǝ}*, асс. *zēml'u*; Луги *zēml'é/zēmn'é*, асс. *zēml'u/zēmn'u*, pl. *zēml'i/zēmn'i*, gen. -iw; Бороняво *zēml'á*, асс. *zēml'u*, pl. *zēml'i*, gen. *zēml'*; Т. Поляна *zēml'a*, асс. -u, pl. *zēml'i*, gen. *zēml'*; Люта *zēml'a*, асс. -u, loc. *na zeml'i*, pl. *zēml'i*.

***zima**: Ольшаны *zímá*, асс. *zímú/zímú*, pl. *zímoo*, gen. *zim*; Керецки *zímá*, асс. -ú, pl. *zímoo*; Ч. Поток *zímá*, асс. *zímú*; Чапли *zémá*, асс. *zému*, pl. *zémə*; Миженец *zymá*, асс. -ú, num. *zými*, pl. *zýту*, gen. *zymíw*; Скотарское *zímá*, асс. -ú, pl. *zímoo*, gen. *zim*; Брод *zímá*, асс. *na zímú*, pl. *zímoo*, gen. *zim*; Печенижин *zymá*, асс. -ú, pl. *zýту*, gen. *zəт*; Бан.-П. *zymá*, асс. *zímú*, num. *zím'i*, pl. *zímú*; Мшанец *zymá*, асс. -ú, pl. *zýту*, gen. *zym/zým'lw*; Луквица *zémá*, асс. *zému*, pl. *zémə*, gen. -m'iw; Бороняво *zímá*, асс. *zímú*, pl. *zímoo*, gen. *zim*; Т. Поляна *zímá*, асс. -ú, pl. -ú, gen. *zim*; Люта *zímá*, асс. -ú, pl. *zímoo*, gen. *zim*.

***změja**: Велятин *zm'íja*, асс. -u, pl. -i (sic); Миженец *zmijá*, асс. -ú, num. -i, pl. -i, gen. -íw; Печенижин *zm'íja*, асс. -ú, pl. *zm'íji*, gen. *zm'ij*; Бан.-П. *zm'íja*, асс. -ú, pl. -i; Мшанец *z'm'íja*, асс. -ú, pl. -i, gen. *z'm'ij*; Луги *zmijá*, асс. -ú, pl. *zmíji/zmíji*, gen. *zmij/zmíjw*.

***zmyja**: Ольшаны *zmájá*, асс. -ú; Чапли *zmájá*, асс. -ú, pl. -i; Брод *zmijá*, асс. -ú, pl. -i, gen. *zmíjfi*; Луквица *zmejá*, асс. -ú, pl. *zméji*, gen. -iw; Бороняво *zmijá*, асс. -ú, pl. *zmíji*, gen. *zmij*.

***zola** 'шелок': Ольшаны *zolá*, асс. *zólú*; Березники *zolá*, асс. *zólú*; Керецки *zolá*, асс. *zólú*; Ч. Поток *zolá*, асс. *zólú*; Велятин *zolá*, асс. *zólú*; Чапли *zolá*, асс. -ú, pl. *zólə* 'сорное семя'; Миженец *zolá*, асс. -ú 'пепел'; Скотарское *zolá*, асс. *zólú* 'шелок'; Печенижин *zolá*, асс. -ú 'шелок'; Бан.-П. *zolá*, асс. -ú — значение?; Луквица *zolá*, асс. -ú; Луги *zolá*, асс. -ú 'шелок'; Бороняво *zolá*, асс. *zólú* 'шелок'; Т. Поляна *zolá*, асс. *zólú* 'шелок'.

***zor'a**: Ольшаны *zór'a*, асс. -u, pl. -i, gen. *zur'*; Керецки *zor'á*, асс. -ú, pl. *zór'i* 'звезда'; Ч. Поток *zúór'a*, pl. -i 'утренняя заря'; Велятин *zor'á*, асс. -ú, pl. *zór'i*; Скотарское *zor'á*, асс. -ú, pl. -i 'заря'; Печенижин *zor'é*, асс. -ú, pl. *zór'i*, gen. *z'ir*; Бан.-П. *zúór'a*, асс. -u, pl. -i, gen. -íw 'утренняя заря'; Мшанец *zór'a*, асс. -u, pl. -i, gen. *zor'*; Луквица *zor'á/{zor'ǝ}*, асс. -ú, pl. *zór'i* 'вечерняя заря'; Бороняво *zor'á*, асс. *zor'ú*, pl. *zór'i*, gen. *zor'* 'звезда'; Люта *zor'á*, асс. -ú, pl. *zór'i*, gen. *zor'lw* 'звезда'.

***zor'ьka**: Мшанец *z'írka* 'звезда'.

***zor'ьnica** 'звезда': В. Тур. *z'irńć'i*, асс. -u, pl. -i, gen. *z'irńć'i*; Луги *zirnǝć'i*.

***zvěgьka**: Березники *z'v'ír'ka*.

***zaba** 'лягушка': Ольшаны *zába*, асс. -u, pl. -oo, gen. *zap*; Березники *zába*, асс. -u, pl. -oo; Керецки *zába*, асс. -u, pl. -oo; Ч. Поток *zába*, асс. -u, pl. -oo, gen. *zap*; Велятин *zába*, асс. -u, pl. -oo; Чапли *zába*, асс. -u, pl. -ǝ; Миженец *zěba*, асс. -u, num. -y, pl. -y, gen. -íw; Скотарское *zába*, асс. -u, pl. -oo; Печенижин *z'ěba*, асс. -u, pl. *z'ybǝ*, gen. -b'iw/z'ep; Бан.-П. *zěba*, асс. -u; Мшанец *zába*, асс. -u, pl. -y, gen. *zap*; Луквица *zǝba*, асс. -u, pl. -ǝ, gen. -b'iw; Луги *z'ěba*, асс. -u, pl. *z'ebǝ*, gen. -íw; Бороняво *zába*, асс. -u, pl. -oo, gen. *zap*; Т. Поляна *zába*, асс. -u, pl. -ы, gen. *zap*; Люта *zába*, асс. -u, pl. -oo, gen. *zab*.

***zabegina**: Ольшаны *záberina* 'лягушачья икра'.

*želva (?): Печенижин *žalová*, acc. -ú, pl. *žalovy*, gen. -v'iw 'дятел'.

*želza: Березники *železá*, acc. *železú*; Керецки *železá*, acc. -ú 'базедова болезнь?'; Велятин *železá*, acc. -ú, pl. -ó; Чапли *žáloza*, acc. -u, pl. -ž 'железа'; Скотарское *železá*, acc. -ú, pl. *želézoo* 'железа (любая)'; Печенижин *žáloza*, acc. -u, pl. -y, gen. -z'iw 'железа; селезенка?'; Луги *žel'izá*, acc. -ú, pl. -ž, gen. -iw.

*žena: Ольшаны *žoná*, acc. *žonú*, pl. *žónoo*, gen. *žvn* 'женщина, жена'; Березники *žoná*, acc. *žonú*, pl. *žónoo*; Керецки *žoná*, acc. *žonú*, pl. *žónoo* 'женщина, жена'; Ч. Поток *žoná*, acc. *žonú*, pl. *žyónoo*, gen. *žün*; Велятин *žoná*, acc. *žonú*, pl. *žónoo*; Скотарское *žoná*, acc. *žonú*, pl. *žónoo* 'жена; женщина'; Брод *žoná*, acc. *žonú*, pl. *žónoo*, gen. *žün*; Луги *žoná*, acc. -ú, pl. *žóny*, gen. *žónž*; Бороняво *žoná*, acc. *žonú*, pl. *žónoo*, gen. *žvn*; Т. Поляна *žoná*, acc. *žonú*, pl. *žónы*, gen. *žon*; Люта *žoná*, acc. *žonú*, pl. *žónoo*, gen. *ž'in*; Мшанец *žoná*, acc. *žonú*, pl. *žóny*, gen. *žon*; Луквица *žoná*, acc. -ú, pl. *žónž*, gen. *žón'iw*.

**žep'ka*: Ольшаны *žyžka*, pl. *žyžkó*, gen. *žunók* 'молодая женщина, жена'; Бан.-П. *ž'in'ka*, acc. -u, pl. *ž'in'kž*, gen. *ž'inók*; Луквица *ž'in'ka*, acc. -u, pl. *ž'in'k'i*, gen. *ž'inok*.

**žet'va*: Бороняво *žátva*, acc. -u.

*židja: Бороняво *žíža*, acc. -u.

*žila: Ольшаны *žíla*, acc. -u, pl. -oo, gen. *žil*; Березники *žíla*, acc. -u, pl. *žiloo*; Керецки *žíla*, acc. -u, pl. -oo; Ч. Поток *žíla*, acc. -u, pl. -oo; Велятин *žíla*, acc. -u, pl. -oo; Чапли *žálá*, acc. -ú, pl. *žáž*, gen. *žáliw/žáliw* (sic); Миженец *žylá*, acc. -ú, pl. -ý, num. *žyl'í*, gen. *žyl*; Скотарское *žíla*, acc. -u, pl. -oo; Печенижин *žála*, acc. -u, pl. -y, gen. *žáž*; Бан.-П. *žylá*, acc. -ú, pl. *žážy*, gen. -l'iw; Мшанец *žíla*, acc. -u, pl. -y, gen. *žiw*; Луквица *žála*, acc. -ú, pl. *žáž*, gen. -l'iw; Луги *žála*, acc. -u, pl. -y, gen. -iw; Бороняво *žíla*, acc. -u, pl. -oo, gen. *žil*; Т. Поляна *žýla*, acc. -u, pl. -ы, gen. *žyl*; Люта *žóla*, acc. -u, pl. -oo, gen. *žool*.

*živica: Бан.-П. *žuv'jása* «смола у елки».

*žuga: Ч. Поток *žúga*, acc. -u, pl. -oo, gen. *žur* 'печальная мысль'; Луги *žurá*, acc. -ú.

*žyna: Керецки *žowná*, acc. -ú, pl. *žównoo* 'филин?'; Ч. Поток *žoiná*, acc. -ú, pl. -ó, gen. -n'ú 'дятел'; Бан.-П. *žowná*, acc. -ú, pl. *žówny*, gen. -iw — якобы «птица больше голубя, серенькая, *fájno sp'iváje*»; Мшанец *žowná*, acc. -ú, pl. -ý, gen. *žówn'iw* 'черный дятел?'; Луквица *žowná*, acc. -ú, pl. *žównž*, gen. -n'iw 'дятел'; Т. Поляна *žowná*, acc. -ú, pl. -ы, nom. *žown* 'дятел'.

**žmen'a*: Ольшаны *žmën'a*, dat. -u, pl. -i, gen. *žmën'*; Ч. Поток *žmën'a*, acc. -u, pl. -i, gen. *žmën'*; Бан.-П. *žmën'a*, acc. -u; Луквица *žmën'i*, acc. -u, pl. -i.

*žpniva: Ольшаны *žpnivá*; Бан.-П. *žpnuvá*.

В.В. СЕДОВ. Славяне в древности. М., 1994. 343 С.

Рецензируемая монография видного отечественного археолога и исследователя славянских древностей В.В. Седова, изданная в рамках проекта Российского фонда фундаментальных исследований "Славяне в древности и раннем средневековье", является первой книгой создаваемого автором двухтомника, следующая часть которого будет посвящена славянам в раннем средневековье (С. 4). Строго говоря, подобный двухтомник В.В. Седовым уже во многом создан, если иметь в виду его монографии 1979 и 1982 гг. [1; 2], а также целый ряд последующих статей. Однако последняя монография посвящена только восточным славянам в VI–XIII вв. в силу того, что увидела свет в рамках серии "Археология СССР". Несомненно, готовящееся к печати исследование "Славяне в раннем средневековье" охватит славянский мир той эпохи в целом.

Писать о любом фундаментальном труде не просто. А рецензируемая монография именно такова. Фундаментальна она, разумеется, не своим объемом, хотя и он впечатляет – 32,2 учетно-издательских листа (для сравнения укажем, что книга Седова 1979 г. "Происхождение и ранняя история славян", охватывающая примерно тот же хронологический диапазон, имела 12,5 учетно-издательских листов), включая 116 рисунков, указатели (археологических культур и этносов; географических названий; имен), краткое содержание на английском языке.

Фундаментальность монографии "Славяне в древности" определяется тем, что в ней на современном уровне научных знаний, с привлечением большого фактического материала, в первую очередь археологического, но также лингвистического, сведений письменных источников и т.д., Седовым, в рамках авторской концепции, поставлена и решена "роковая" для славяноведения проблема происхождения славян. Для этого автору потребовалось охватить

широкий и чрезвычайно событийно насыщенный хронологический пласт – от II тыс. до н.э. до середины I тыс. н.э.

Структурно основная часть монографии состоит из предисловия и десяти глав (разделов), хотя, к сожалению, их нумерация отсутствует, что создает для читателя некоторые неудобства.

Первая глава ("История знаний о древних славянах") являет собой преимущественно историографический очерк, от сведений древних авторов о славянах и до исследований конца 1980 – начала 1990-х годов (С. 5–59; частично опубликовано в [3. С. 3–48]). В главе весьма тщательно учтены и охарактеризованы основные существовавшие (начиная с "Повести временных лет") и существующие (историков, археологов, языковедов) точки зрения на проблемы этногонии и ранней истории славян. Очерк также охватывает многие работы более частного характера, для данной проблематики, однако, существенно значимые. Отметим сдержанность и корректность изложения Седова при обращении к трудам предшественников (это характерно и для книги в целом), даже когда концепция того или иного исследователя неприемлема для автора монографии. Данный историографический очерк, естественный и органичный для книги "Славяне в древности", является вместе с тем своеобразной мини-монографией, имеющей самоценный характер.

Во второй главе – "Этногенезология славян (возможности различных наук в изучении проблемы происхождения и древнейшей истории славян)" (С. 60–94) – Седов показывает, что возможности тех или иных научных дисциплин в разрешении вынесенного в подзаголовок вопроса различны. Например, крайне невелики они у антропологии, так как "во всех тех регионах Европы, где находилась возможная прародина славян... и проживали славяне вплоть до их широкого расселения в начале средневековья, господствовал обряд кремации умерших". Поэтому отсутствуют

"краниологические материалы славян эпохи бронзы и раннего железного века", а самые ранние славянские краниологические коллекции датируются VII–VIII вв. (С. 78). Существенно более значимы лингвистические материалы, фиксирующие тесное общение носителей славянского языка с западной группой балтов, иранцами, германцами, кельтами. Однако хотя "данные языкознания позволяют восстановить процесс глоттогенеза и через его посредство решать отдельные вопросы славянского этногенеза", но "многие детали этногенетического процесса лингвистика самостоятельно разрешить не в состоянии" в силу того, что "языковым материалам очень часто недостает пространственной, хронологической и конкретно-исторической определенности" (С. 71–72).

Рассмотрев также роль топонимики, этнографии и фольклористики, сведений письменных источников при решении вопросов славянской этногонии (С. 72–77, 80–83), Седов решающее место отводит археологии, которая одна "позволяет осветить историю каждой этнической единицы на протяжении конкретных временных отрезков и локализовать их на определенной территории" (С. 85), конечно, при безусловном учете данных иных научных дисциплин, в первую очередь лингвистики. При этом, полагает Седов, археологи должны руководствоваться ретроспективным методом, который применяет в своем исследовании и сам автор: "...В изучении этногенеза славян надлежит продвигаться от культур достоверно славянских, относящихся к раннему средневековью, в глубь столетий к тем древностям, которые обнаруживают генетические связи с раннесредневековыми, а от них – еще на ступень ниже и т.д." (С. 88). Лишь построив цепочку непрерывностей археологических культур, результирующуюся в культурах бесспорно славянских, надлежит сопоставить ее с независимо полученными данными лингвистики, топонимики, истории и т.д. (С. 90).

Было бы, однако, поспешно упрекать Седова в некоей "археологической предвзятости". По мысли исследователя, первоначально каждая из дисциплин, соприкасающихся со славянской этногенетической проблематикой, должна независимо, на своем материале и своими методами исследовать эти вопросы и прийти к самостоятельным выводам. На втором этапе необходимо провести синтез этих, возможно, противоречивых, выводов на основе объективного анализа. "...Этот второй этап этногенетических изысканий составляет особую междисциплинарную науку – *этногенезологию*" (С. 61; понятие было предложено польским археологом В. Гензелем). Монография, собственно, и представляет собой опыт именно этногенезологического исследования. Что же касается самого тезиса о необходимости комплексно-синтезирующего этногенезологического подхода к изу-

чению проблемы происхождения славян, то нам уже доводилось высказываться в его поддержку [5; 6. С. 5]. Едва ли будет, в частности, преувеличением утверждать, что задача создания комплексной междисциплинарной славянской этногенезологической группы (или центра) давно вызрела, а отчасти и перезрела, но в любом случае – насущна.

Последующие главы рецензируемой монографии представляют собой конкретное исследование В.В. Седовым процесса становления культурно-языковой общности, называемой автором славянской, и ее взаимоотношений с соседями.

Согласно Седову (глава третья, "Древнеевропейцы", с. 95–135), в эпоху бронзы на основе средневропейской культуры курганных могил (1500–1250/1200 гг. до н.э.) в Средней Европе формируется культурно-историческая общность полей погребальных урн (XIII–VIII/VII вв. до н.э.). Данная общность не являлась однородной, в ней выделяют несколько групп (или культур), из которых особый интерес для темы представляет лужицкая культура, занимавшая северо-восточную часть ареала общностей полей погребальных урн – бассейны Одера, Вислы, правобережье Эльбы. Тем не менее, "на основе анализа всех материалов, которыми располагает наука, складывается впечатление, что население средневропейской общности составляло более или менее однородный в культурном и этноязыковом отношении массив родственных племен. Отдельные группировки его находились в постоянных контактах между собой, не создавая изолированно развивающихся образований" (С. 99–100). Вслед за Г. Краэ, построения которого независимо подкрепляются выводами О.Н. Трубачева, В.И. Абаева, других исследователей, В.В. Седов полагает, что общность полей погребальных урн – это древнеевропейцы, т.е. этноязыковая общность, объединявшая большую группу племен, говоривших на близких индоевропейских диалектах, из которой позднее выделились кельты, италики, иллирийцы, венеты, германцы, балты и славяне.

Возражение у нас, однако, вызывает определение Седовым древнеевропейцев как общности *этноязыковой*. Для того, чтобы считать древнеевропейскую общность *этнической*, необходимо обосновать наличие у ее членов единого этнического самосознания, единой этнической самоидентификации, что и не доказуемо, и, на наш взгляд, вообще крайне сомнительно. Осторожнее и точнее было бы говорить о древнеевропейской культурно-исторической (как на с. 102) или культурно-языковой (диалектной) общности.

В VIII–VII вв. до н.э., с началом железного века, средневропейская общность распадается, начинаются процессы расселения древнеевро-

пейцев по Европе и кристаллизации уже собственно кельтов, иллирийцев, италиков, германцев и т.д. Процессы эти рассмотрены в монографии весьма подробно (С. 102–120). На первый взгляд, подобное внимание к становлению указанных культурно-языковых общностей кажется избыточным, так как оно прямого отношения к проблеме этногенеза славян не имеет, хотя сам по себе обобщенный автором материал чрезвычайно интересен. Однако оправданный, как полагаем, замысел Седова, видимо, заключался в том, чтобы рельефно написать лужицкую культуру – составную часть древнеевропейской общности, непосредственно связанную с этногонией славян – в более широкий, чем это обычно принято делать, культурно-исторический контекст и показать формирование большинства основных группировок, с которыми "праславяне" затем активно взаимодействовали.

Что касается региона, занятого лужицкой культурой, то лингвистическая ситуация здесь принципиально не изменилась, и продолжали свое развитие древнеевропейские диалекты.

Около 550 г. до н.э. из Польского Поморья на территорию лужицкой культуры начинается длившаяся полтора столетия инфильтрация племен поморской культуры, которые, по мнению Седова, образовывали окраинную диалектную область балтского массива, а в их формировании приняли участие древнеевропейцы-"лужичане". Поэтому язык племен поморской культуры, возможно, занимал промежуточное положение между древнеевропейскими и балтскими диалектами. В результате взаимодействия лужицких и поморских племен около 400 до н.э. на основной части территории лужицкой культуры формируется культура подклешевых погребений. "Поскольку в последующее время носители этой культуры и их потомки развивались во всех отношениях самостоятельно вплоть до раннесредневекового времени, можно заключить, что сложение культуры подклешевых погребений стало началом нового этноязыкового образования. Есть все основания считать это образование славянами" (С. 128).

Уместно отметить, что излагаемая в рецензируемой монографии концепция формирования и развития славян от эпохи подклешевой культуры до раннего средневековья в принципиальном плане не претерпела существенных изменений по сравнению с развивавшимися Седовым положениями, изложенными в книге 1979 г. [1].

В четвертой главе, "Становление славян" (С. 136–148), Седов характеризует открытые археологами материальные остатки культуры подклешевых погребений (400–100 г. до н.э.), ее погребальный обряд, экономику, языковую принадлежность "поморцев" и их контакты с соседними культурно-лингвистическими общностями. Такая структура характеристики тех или иных

археологических культур для рецензируемого труда в целом обща.

Сложившись на территории лужицкой культуры, культура подклешевых погребений, однако, охватили не весь ее ареал. На юге и юго-западе от нее, считает Седов, продолжали проживать древнеевропейские лужицкие племена с самоназванием *венеты/венеды*. Соседившие с ними в Силезии и Любуэской земле германцы со временем распространили данный этноним на славян. Название славян *Wenden/Winden* сохранилось в некоторых немецких диалектах и говорах до наших дней; сам же данный этноним у славяноязычного населения никогда не был аутоэтнонимом. Предлагаемая гипотеза представляется нам вероятной; во всяком случае, Седов обоснованно отказался от своей прежней точки зрения, согласно которой "в соответствии с трехчленным делением славянства Иорданом северо-западную культурную группировку (раннесредневекового славяноязычного населения. – М.В.) можно условно считать венедской" [1. С. 134].

Итак, В.В. Седов полагает, что население культуры подклешевых погребений являлось уже достоверно славянским. Фундаментальная методологическая трудность, однако, состоит в том, что три ведущие научные дисциплины, вносящие основной вклад в разработку славянской этногенетической проблематики – археология, языкознание, этнология, вкладывают в понятие "славяне" различное содержание. Для археолога носители подклешевой культуры являются "славянами" потому, что "начиная с этой культуры прослеживаются элементы преемственности в развитии (археологических. – М.В.) древностей вплоть до достоверно славянских эпохи раннего средневековья" (С. 144). С точки зрения лингвистов, о "славянах" можно говорить применительно ко времени, когда завершаются глоттогенетические процессы выделения праславянского, что Седов соотносит с периодом культуры подклешевых погребений (С. 144–145).

Однако достаточно ли этих оснований, чтобы писать о "становлении славян как самостоятельного этноса (курсив наш. – М.В.) около середины I тыс. [до] н.э. (С. 144, в монографии досадная опечатка – I тыс. н.э. – М.А.)"? С точки зрения Седова – достаточно. И он не единственный, кто не расчленяет археологический и лингвистический, с одной стороны, и этнологический – с другой, аспекты проблемы. И.П. Русанова, например, категорически не согласна с теми исследователями, которые полагают, что "славянская общность – очень позднее образование, сложившееся лишь в середине I тысячелетия н.э., подтверждением чего они считают появление наименования "славяне" лишь в VI в. н.э. При таком представлении оказывается, что

славянская общность сложилась необыкновенно быстро, создала сразу же довольно прочную и своеобразную культуру и распространилась на огромную территорию", а это исследовательнице "кажется неправдоподобным" [7]. Сама Русанова придерживается той точки зрения, согласно которой "славянская этническая общность складывалась постепенно на протяжении длительного времени. Если в V–VII вв. славяне не только имели общий язык и вполне самобытную культуру, распространенную на огромной территории, но были уже при этом разделены на несколько групп со своими этнографическими особенностями, то во всяком случае к рубежу нашей эры их предки должны были представлять собой группу родственных племен, обладающую вполне определенными самобытными чертами" [7].

С последним процитированным высказыванием И.П. Русановой не согласиться нельзя. Но о "славянских" общностях какого порядка может идти речь применительно к рубежу нашей эры или к эпохе культуры подклешевых погребений? Данные общности, на наш взгляд, можно достоверно определять лишь в качестве культурно-лингвистических. Говорить же об их "славянском" этническом характере, полагаем, едва ли приходится. Во-первых, для этого необходимо доказать наличие у насельников данных общностей сформировавшегося единого этнического самосознания, внешним маркером которого выступает единое самоназвание, чего имеющиеся источники сделать не позволяют. Во-вторых, по мнению многих этнологов, аутоэтноним для "своей" этнической общности в противопоставление общему наименованию для иных, "чужих" культурно-языковых и этнических общностей (в нашем случае *словене* – *немцы*) возникает на этапе разложения родо-племенных структур и вызревания предпосылок сложения общества классового (см. [6. С. 5]), о чем применительно ко второй половине I тыс. до н.э., да и к рубежу эр, говорить рано. Поэтому, в частности, мы солидаризируемся с теми исследователями, которые относят формирование метаэтноса с самоназванием *slovēne ко времени относительно незадолго до VI в., когда данный этноним начинает фигурировать в письменных источниках (см. [6. С. 16–17], а также [8]). Сравнительно же быстрое сложение именно этнических общностей, при наличии, конечно, столетиями вызревавших культурных, языковых и иных предпосылок, не является чем-то "неправдоподобным". Примерами тому служат, скажем, этногенез древних китайцев и древних греков (см. работы М.В. Крюкова). Поэтому в существе своем приведенная нами полемика И.П. Русановой видится искусственной.

В.В. Седов, вероятно, ощущая этнологическую уязвимость своего тезиса о носителях культуры подклешевых погребений как этнических сла-

вянах, пишет, что "формирование этноса и рождение этнонима – явления часто не одновременные", и ссылается на мнение О.Н. Трубочева, согласно которому появлению этнонима предшествовал "период относительно узкого этнического кругозора", когда самоидентификация выражалась понятиями "мы", "свой", "наши", "люди (вообще)" (С. 147). Но как раз "узкий этнический кругозор", перечисленные самоопределения, более соседско-территориальные и/или кровно-родственные, чем этнические, свидетельствуют, что этнический процесс далек от завершения, а значит – в нашем случае – метаэтнической общности с самоназванием *slovēne просто еще нет.

Изложенные соображения в отношении и определения древнеевропейской общности в качестве этнической, и генезиса славянского метаэтноса заставляют, в том числе, полагать, что одной из первоочередных задач этногенезологии должна стать выработка научного терминологического инструментария, адекватно определяющего тип общностей древности, об этническом характере которых мы с уверенностью говорить не можем (наши предположения см. [6. С. 17–19]).

Около 400 г. до н.э. начинается масштабная экспансия кельтов на восток (глава "Славяне и кельты", с. 149–165). В III–II вв. до н.э. часть кельтов оседает в Силезии в бассейне Одера и в Малопольше на Верхней Висле, войдя в соприкосновение с населением культуры подклешевых погребений ("славянами", по терминологии Седова); начинается период их активного взаимодействия, оставившего мощный пласт в культуре славян.

Под сильным кельтским влиянием культура подклешевых погребений трансформируется в конце II ст. до н.э. в просуществовавшую до V в. н.э. новую, пшеворскую культуру. Она постепенно распространилась по всему ареалу подклешевой культуры, а затем вышла за его пределы, охватив к рубежу нашей эры области среднего течения Одера и верховья Вислы; в ходе этих процессов "польские" кельты были ассимилированы. Но взаимодействие с кельтами отразилось в пшеворском погребальном обряде, в сфере материальной культуры, отчетливы следы славяно-кельтских языковых контактов.

В шестой главе, "Славяне в составе населения пшеворской культуры" (С. 166–200), охарактеризовав данную археологическую общность, Седов отмечает, то уже во второй половине I в. до н.э. наблюдается постепенное продвижение пшеворского населения в юго-восточном направлении – на Верхнее Поднестровье и в западно-польские земли. Ядром же главы является давно развиваемая ученым теория о двухкомпонентности пшеворской культуры, западную часть которой занимали преимущественно восточногерманские племена (Одерский регион), восточную –

преимущественно славяноязычное население (Висленский регион) [1. С. 58–74].

Специальная глава монографии посвящена зарубинецкой археологической культуре (С. 201–221), многими исследователями интерпретируемой в качестве раннеславянской. Зарубинецкая культура сложилась в последней трети III в. до н.э., и ее общий ареал охватывал Припятское Полесье, Среднее Поднепровье и смежные области Верхнего Поднепровья. "В настоящее время не вызывает сомнений, – пишет Седов, – что генезис зарубинецкой культуры был процессом, отразившим взаимодействие пришлого повисленского населения ("населения с территории культуры подклешевых погребений и из позднепоморских земель" (С. 204 – М.В.) с местными племенами, принадлежавшими к различным этноязыковым группам" (С. 201).

Не соглашаясь с учеными, которые полагают зарубинецкую культуру раннеславянской, германской, принадлежавшей бастариям, Седов придерживается той точки зрения, что "поскольку в сложении... этой культуры самое активное участие приняли подклешеве-поморские племена" – соответственно ранние славяне и периферийная группа балтов, близкая славянам, – то "допустимо предположение, что зарубинецкое население в языковом отношении составляло определенную диалектную группу, занимавшую промежуточное положение между праславянским языком и окраинными западнобалтскими говорами" (С. 219). Участие же "зарубинцев" и их потомков в славянском этногенезе выразилось в том, что в Среднем Поднепровье и на Южном Буге они в значительной степени смешались с пшеворским населением, основу которого составляли славяне.

В небольшой восьмой главе, "Миграция готов к Северному Причерноморью" (С. 222–232), Седов показывает, что в сложении вельбарской (вельбарской) культуры приняли участие не только переселившиеся из Скандинавии в Польское Поморье в I в. готы и гепиды, но и местные племена оксывской культуры, а с расселением "вельбарцев" в середине II в. в Мазовии и Подлясье – аборигенное пшеворское и западнобалтское население. В конце II в. вельбарское население появляется на Воляни и в Подолии, причем его значительную часть "составляли потомки пшеворского населения Висленского региона, то есть славяне" (С. 227). В середине III в. по тому же маршруту, от Балтики до Дуная, прошла вторая волна миграции носителей вельбарской культуры, расселившихся небольшими группами среди населения черняховской культуры. В основном "вельбарцы" концентрировались в Северо-Западном Причерноморье (Готия письменных источников).

Следующая глава озаглавлена автором "Славяне в составе черняховской культуры. Становление антов" (С. 233–286). Рассматривая в

ней распространившуюся в III–IV вв. от Нижнего Дуная до Северского Донца "этнически неоднородную" черняховскую культуру, Седов, в частности, подробно останавливается на вошедших в ее состав этнокультурных компонентах (сарматы, скифы, гето-дакийцы, позднезарубинецкое население, племена вельбарской культуры, "пшеворцы" и др.). Исследователь предполагает, что областью становления черняховской культуры являлся Верхнеднепровский регион, где она выкристаллизовалась в конце II в. в результате взаимодействия "пшеворцев" с липицкими и позднезарубинскими элементами (С. 248, 250).

В связи с генеральной проблемой монографии – этногенез славян, Седов выделяет в ареале черняховской культуры два региона – Верхнеднепровский и Подольско-Днепровский (ранее исследователь их не расчленил, объединяя в цельный Подольско-Днепровский регион [1. С. 95, рис. 17]). Для первого характерна исключительная концентрация культурных элементов, отходящих к пшеворскому и зарубинецкому наследию, что свидетельствует "о доминирующей роли славянского элемента" здесь (С. 270). Основу же "черняховского населения Подольско-Днепровского региона составили местные ираноязычные племена и расселившиеся здесь славяне – потомки носителей пшеворской и позднезарубинецкой культур", при доминирующей роли "славян" (С. 273).

С подольско-днепровским славяно-иранским симбиотическим населением Седов связывает известный по раннесредневековым письменным источникам этноним *анты*. Однако ученый отказывается видеть в этнониме *анты* самоназвание славяноязычного населения региона, ссылаясь на его иранское происхождение (С. 278). Тем самым им молчаливо принимается постулат о том, что в черняховское время славяноязычное население уже пользовалось аутоэтнонимом *slōvěne и имело соответствующее сформировавшееся этническое самосознание. Укажем, однако, что данное построение уязвимо. Во-первых, потому, что этнологами надежно обосновано положение, согласно которому иноязычный экзоэтноним нередко становится аутоэтнонимом. Во-вторых, потому, что буквально на той же странице Седов отмечает, вслед за лингвистами, иранское происхождение аутоэтнонимов таких бесспорно славянских группировок, как *хорваты* и *сербы*.

Между тем материалы этой и последующих глав, как представляется, убедительно вписываются в рамки высказанной нами ранее славяноантской этногенетической гипотезы. Ядро ее заключается в том, что в позднеримское время покрывавшего все славяноязычные племена метаэтноса с самоназванием *slōvěne и соответствующим устойчивым этническим самосознанием еще не существовало; этноним *анты*, возникший в условиях славяно-иранского симбиоза в рамках

черняховской культуры, изначально являлся аутоэтнонимом, а сами анты сложились в качестве отдельной просуществовавшей до раннего средневековья метаэтнической славяноязычной общности с собственным этническим самосознанием, а не как часть метаэтноса с самоизванием *slověne [6. С. 16–17; 8]. Выделение Седовым в рамках черняховской культуры двух выраженных "славянских" регионов – "антского" и Верхнеднепровского, на территории которого позднее прослеживаются первые археологические улавливаемые следы сложения в V в. пражско-корчакской культуры (С. 294–296) – культуры бесспорно метаэтноса с самоназванием *slověne – говорит, полагаем, в пользу наших построений.

Касаясь в заключение главы вопроса о происхождении киевской культуры, Седов полагает, что его нельзя считать решенным, почему и проблема этнической принадлежности населения данной культуры пока разрешению не поддается, но во всяком случае славянами оно не было.

Последняя, десятая глава книги – "«Славяне в период "Великого переселения народов"»" (С. 287–321) – дробится автором на несколько подразделов (параграфов).

В подразделе "Нашествие гуннов" (С. 287–289) констатируется, что "разрушение гуннскими ордами жизни и культуры населения Северного Причерноморья стало концом черняховской культуры" (С. 289).

Особый параграф посвящен началу пражско-корчакской культуры (С. 290–296). В результате гуннской инвазии, считает исследователь, серьезным образом пострадали ремесленные центры "пшеворцев", прекратился импорт из Средиземноморья, что привело к краху пшеворской культуры. Но в южнопольских землях в V в. продолжало жить славянское в основном население – потомки "пшеворцев", культура которого "занимает промежуточное положение между местной провинциально-романской (пшеворской. – М.В.) и раннесредневековым пражско-корчакской культурами" (С. 290). Постепенно происходит становление "на широкой территории Северного Прикарпатья от истоков Вислы на западе до Верхнего Поднестровья на востоке относительно культурного однообразия" (С. 293), т.е. становление пражско-корчакской культуры.

Что же до населения северных районов пространства пшеворской культуры (подраздел "Первый этап славянского освоения северной части Русской равнины", с. 296–304), то в силу резкого ухудшения природно-климатических условий (похолодание и повышение увлажненности земли) оно было вынуждено мигрировать. Одна группа мигрантов дала начало славянской культуре ранних (псковских) длинных курганов. Данная теория обосновывалась Седовым неоднократно ранее и ныне разделяется весьма многими учеными, подкрепляясь лингвистическими фактами.

В последние годы (см., например, [10]) исследователь развивает также новую и нуждающуюся в дальнейшей апробации гипотезу. Согласно ей, другая группировка ранних славян в середине I тыс. расселилась в Полоцком Подвинье, Смоленском Поднепровье и в части Волго-Клязьменского междуречья; маркерами этого процесса выступают браслетообразные височные кольца. На основе смешения этих славян и местных днепровских балтов складывается тушемлинско-банцеровская археологическая культура. Носители браслетообразных височных колец расселились и среди финноязычных мери и мурома, положив начало славяно-финскому взаимодействию.

Следующий параграф посвящен миграции населения из черняховского ареала после гуннского нашествия (С. 304–315). Часть его сдвинулась в Среднее Подунавье; вполне допустимо, по мнению автора, что в его состав входили и славяне. Другая группа "черняховцев" осела в бассейне Верхней Оки и постепенно растворилась в местной среде.

Мощная волна черняховской миграции охватила также территорию от Самарской луки до нижнего течения Камы на севере и от среднего течения Суры на западе до реки Ик на востоке, где в результате в конце IV в. складывается именьковская культура. "Именьковцев" Седов считает славянами, что подлежит обсуждению (см. [11]). На рубеже VII–VIII ст. именьковская культура прекращает свое существование, а ее население мигрирует в левобережную часть Среднего Поднепровья, где в итоге складывается волынянская культура, постепенно трансформировавшаяся в бесспорно славянскую роменскую культуру (см. также [3. С. 49–66]). Данная гипотеза во всех ее частях, безусловно, неоднократно будет привлекать исследовательское внимание, в том числе критическое.

Последний подраздел десятой главы посвящен генезису пеньковской культуры (С. 316–318), которая, в целом в согласии и с прежними взглядами Седова [1. С. 122], формируется в Подольско-Днепровском регионе бывшего черняховского ареала на местной основе. Исследователь отклоняет мнение тех ученых, которые преувеличивают роль киевской культуры в сложении пеньковских древностей – древностей антов.

Еще раз повторим, что рецензируемая монография В.В. Седова – явление, безусловно, этапное в отечественной науке. Не вызывает, однако, сомнений и то, что дискуссии по проблемам этногенеза и ранней истории славян будут продолжаться еще десятилетия, сопровождаясь противостоянием¹ и, надеемся, плодотворным син-

¹ Например, в вышедшем том же, что и книга В.В. Седова, году объемном труде М.Б. Шуккина [12] содержится существенно иная концепция славянского этногенеза, чем отстаиваемая

тезом различных концепций по данному кругу проблем.

Монографии В.В. Седова, полагаем, не мешает стать весомым историографическим фактом, вошедшим в оборот широкого круга исследователей, даже ее ограниченный тираж – 1 тыс. экз. (для сравнения – тираж первой обобщающей работы Седова по славянской этногонии [1] был 14 400 экз.), хотя его допечатка весьма желательна. В условиях не спадающего в последние годы вала псевдо- и откровенно антинаучных публикаций о происхождении и ранней истории славян в самых различных изданиях императивно необходимой кажется подготовка на основе монографии научно-популярной книги и публикация ее массовым тиражом.

Сама монография В.В. Седова в ее нынешнем виде содержит для этого благоприятные пред-

В.В. Седовым. М.Б. Шукин, в частности, полагает, что:

– культура подклешевых погребений не является самостоятельной археологической культурой, но только частью поморской культуры; участие носителей лужицкой культуры в сложении последней являлось незначительным;

– пшеворская культура не вырастает из поморской, некоторое время они сосуществуют чересполосно; население пшеворской культуры состояло из потомков кельтов, "поморцев", выходцев с севера Дании, о. Борнхольм и из круга ятфорских культур; "пшеворцы" – это лугии письменных источников, этническое их лицо не очень определено, но Шукин склонен видеть в них скорее германцев;

– вклад поморской культуры в формирование культуры зарубинецкой не был весом; письменным источникам "зарубинцы" известны под именем бастарнов;

– часть "зарубинцев"-бастарнов под давлением сарматов сдвинулась в Поднепровье и Брянские леса Подесенья, где утратила свои имя и язык, превратившись сначала в венетов, а затем славян; зарубинецкая культура в конечном итоге дала начало киевской культуре, часть которой позднее трансформировалась в славянскую колочинскую культуру;

– венеты говорили на балтских и балтославянских диалектах, выделение из них собственно славянских говоров относится ко времени Иордана, т.е. к VI в.;

– пеньковская культура сложилась на Днепровском Левобережье, между реками Псел и Орель, в результате взаимодействия населения киевской и черняховской культур; население этих же двух культур приняло участие в формировании пражско-корчакской культуры на Днепровском Левобережье;

– именьковская культура имеет сходство с культурой зарубинецкой.

посылки. Не сразу становится очевидным, но рассчитана она не только на специалистов разного профиля в области славянской этногонии, а и на просто интересующегося этой проблематикой достаточно гуманитарно подготовленного читателя. Сухой сугубо археологический материал в книге не довлеет, почти нет узко специальных археологических таблиц, вместе с тем из 116 рисунков книги 76 (65,5%) – карты, позволяющие читателю наглядно представить в пространстве и времени анализируемые В.В. Седовым процессы.

© 1996 г. М.А. Васильев

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Седов В.В. Происхождение и ранняя история славян. М., 1979.
2. Седов В.В. Восточные славяне в VI–XIII веках. М., 1982. (Археология СССР).
3. Седов В.В. Очерки по археологии славян. М., 1994.
4. Седов В.В. Проблема происхождения и начальной истории славян // Историко-археологическое изучение Древней Руси: Итоги и основные проблемы. Славяно-русские древности. Л., 1988. Вып. 1. С. 21.
5. Аксенова Е.П., Васильев М.А. Проблемы этногонии славянства и его ветвей в академических дискуссиях рубежа 1930–1940-х годов // Славяноведение. 1993. № 2. С. 102, 104.
6. Васильев М.А. Следует ли начинать этническую историю славян с 512 года? // Славяноведение. 1992. № 2.
7. Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н.э. – первой половине I тысячелетия н.э. М., 1993. С. 195. (Археология СССР).
8. Иванов С.А. Откуда начинать этническую историю славян? (По поводу нового труда польских исследователей) // Советское славяноведение. 1991. № 5.
9. Васильев М.А. Славяне и анты: К проблемам этногенетических и раннеэтноисторических процессов в славяноязычном мире // Славяноведение. 1993. № 2.
10. Седов В.В. Из этнической истории населения средней полосы Восточной Европы во второй половине I тысячелетия н.э. // Российская археология. 1994. № 2; Седов В.В. Восточнославянская этноязыковая общность // Вопросы языкознания. 1994. № 4. С. 11–12.
11. Седов В.В. Симпозиум "Проблема именьковской культуры" (Болгары, 1993) // Российская археология. 1994. № 3.
12. Шукин М.Б. На рубеже эр: Опыт историко-археологической реконструкции политических событий III в. до н.э. – I в. н.э. в Восточной Европе. СПб., 1994.

I. VOJE. Nemirni Balkan. Zgodovinski pregled od 6. do 18. stoletja.

Ljubljana, 1994. 295 S.

И. ВОЙЕ. Тревожные Балканы

Нелегкое дело – изложить в одной книге жсткую историю всех балканских стран и народов. Не так уж много исследователей в послевоенные годы брались за эту задачу – Чарльз и Барбара Елавич, Георг Штадтмюллер, коллектив авторов под руководством К.-Д. Гротхузена, Джон Файн, Эдгар Хеш, Карл Казер [1]. Ныне этот список пополнился именем профессора Люблинского университета, известного медиевиста Игнация Войе. Его книга "Тревожные Балканы" вышла на словенском языке в Государственном издательстве Словении.

Автор отлично сознавал сложности стоявшей перед ним задачи, ясны они и осведомленному читателю. Это прежде всего необходимость свести под один переплет неслыханный по объему материал; это обязанность отыскать единый принцип изложения, строить его либо "по народам", либо "по странам", либо по событийным рубежам; это необходимость найти пропорции представления в книге основных составляющих исторического процесса – этнической, производственной, культурной, военной и т.д. Наконец, с самого начала надо было определить, на какую категорию читателей будет ориентирован этот сводный труд и как в зависимости от этого следует загружать книгу научным аппаратом.

Книга И. Войе распадается на девять крупных разделов: "Расселение славяи на Балканском полуострове", "От рода до развития феодального общества", "Экспансия балканских государств и создание центральной власти", "Гибель средневековых балканских государств", "Возникновение Османской империи", "Особенности турецкой феодальной системы в некоторых балканских землях", "Хорватские земли под турецким натиском", "Начало кризиса Османского государства и его феодальной системы", "Отпор централизму и абсолютизму Габсбургов в хорватских землях".

Каждый из этих разделов делится на несколько глав, соответствующих той или иной ступени исторического процесса на полуострове, например, "Хорваты в эпоху народных государей" или "Сербия при Неманичах". И, наконец, сами главы делятся на очерки, отражающие отдельные стороны балканской жизни, например, "Судьба сербов в Южной Венгрии" или "Военная Краина (Граница)". Таково "трехэтажное" построение книги, позволившее И. Войе не оставить за бортом ее ни

одной сколько-нибудь значительной грани балканского прошлого.

Внимание автора привлечено к особенностям внутрибалканского развития. Весьма показательны в этом смысле страницы, посвященные специфике османского феодализма. Ею И. Войе считает, в частности, много меньшую роль городов, чем это было на Западе (S. 197), с чем, на мой взгляд, трудно согласиться. Недаром османское господство вызвало на Балканах волину урбанизации (см., например, [2]).

Любопытен очерк, посвященный далматинским городам XII–XIV вв. (S. 127–130). Правда, я полагаю, что не стоило бы пункт пересказывать так называемую "привилегию короля Коломана", скорее имело смысл сказать, что эти города были по существу аграрными центрами со слабо развитым ремеслом. Или хотя упомянуть о сохранении в городских округах античной системы межвания, открытой Мате Суичем с помощью аэрофотосъемки.

И. Войе правильно поступает, отмечая демографические сдвиги в жизни балканского населения, такие, например, как прилив скотоводческого населения в Македонии при турках и уход местных жителей на северо-запад (S. 200), или поселение в македонских городах, прежде всего в Фессалонике, изгнанных из Испании евреев. Мне кажется лишь, что надо было более внятно сказать о судьбах горного дела в сербско-боснийских землях после появления турок. Исследования Б. Храбака дают для этого достаточно материала.

Важно, что И. Войе не обходит вопрос о судьбах католицизма или процессе "читлученья" в боснийских землях под властью турок (S. 210–2160). А характеристика османских наместников в Боснии относится к лучшим страницам книги. Заслугой автора является оценка движения ускоков и порядков в Военной Краине (S. 228–231). Серьезно написан очерк о венецианской Далмации (S. 232–236), однако почему-то нет ни слова ни о попытке Кара Мустафы захватить Дубровник после 1667 г., ни о "второй молодости" дубровницкого мореходства во второй половине XVIII в.

Возможно, что в отдельных случаях можно говорить о перекосах в дозировке того или иного материала. Так, например, совершенно непонятно, почему румынским княжествам автор отвел только полторы страницы (S. 178–179), раз уж этому

субрегиону он дал место в истории Балкан (как известно, по этому поводу существуют расхождения во мнениях). Болгарии Второго царства отведено всего пол-страницы, между тем как Хорватия XII–XV вв. "получила" около 15 страниц, а Сербия – даже 25.

Труд И. Войе отличается от сходных изданий еще одной чертой – он щедро и очень качественно иллюстрирован. При этом каждая иллюстрация играет вполне самостоятельную роль – она снабжена очень подробной легендой, информацией обо всем, что связано со зрительным образом (обликом города, исторического деятеля, социального типа). Таким образом, повествовательные возможности книги значительно расширяются – то, что не попало в текст, ушло в маргиналии под иллюстрациями. Важную роль играют и схемы военных действий и, конечно, карты, выполненные очень четко и вразумительно.

Эта насыщенность зрительными образами наводит на мысль, что потенциальная аудитория, к которой книга обращена, должна быть достаточно широкой – любители истории, молодежь, студенты. При этом нельзя не оценить того факта, что книга И. Войе, хоть она и продолжает традиции послевоенных сводных трудов, тем не менее выполнена в расчете на особого читателя. Не на англо- и германо-язычного и, в отличие от "историй Югославии", не на балканского. Ведь современная Словения справедливо считается не балканским, а центральноевропейским государством. И автор, пишущий по-словенски, т.е. для сравнительно небольшой страны, должен был внутри этой страны всемерно расширять круг своих читателей. Профессор Войе, по-моему, создал для этого все условия.

Наконец, особого разговора заслуживают итоговые разделы книги, в частности те, где речь идет о литературе, положенной в ее основу. Историографический очерк ("Избранная литература" – S. 276–279) построен по расширяющейся схеме. Вначале вкратце упоминаются непосредственные предшественники, труды Ч. и Б. Ела-

вичей, Д. Файна, Г. Штаттмюллера, о которых мы говорили в начале рецензии. Затем характеризуется более широкий круг авторов, работавший над "историями Югославии". И уж затем следует подробный рассказ о вкладе самих словенских исследователей в развитие балканистики. Здесь И. Войе говорит и о сделанном им самим, и о работах молодого поколения словенских историков.

Однако самой последней части книги, "Библиографии", свойственны, на мой взгляд, странные лакуны. Они относятся не к забытым автором работам (это было бы еще как-то оправданно), но к именам, место которых в балканской историографии неоспоримо. Так, не указано издание К. Иречека "Die Romanen...", нет ни слова о плодотворно работающем Б. Храбаке. И уж совсем непонятно, почему из многих десятков монографий, публикаций источников, статей по истории Дубровника, принадлежащих перу Й. Лучича, И. Войе, такой же "рагузовед", как и Лучич, выбрал для упоминания лишь небольшую статью. Хочется думать, что случайность, неизбежная даже в такой яркой и незаурядной книге, как "Тревожные Балканы" профессора Игнация Войе.

© 1996 г. Фрейденберг М.М.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Jelavich C., Jelavich B.* The Balkans. Englewood Cliffs, 1965; *Stadt Müller G.* Geschichte Südosteuropas. München, 1976; *Südosteuropa-Handbuch / Ed. Grothusen K.-D.* Göttingen, 1975–1987. Bd. I–V; *Fine J.* The Early Medieval Balkans. The Late Medieval Balkans. Ann Arbor, 1983, 1987; *Hösch E.* Geschichte der Balkanländer. Von der Frühzeit bis zur Gegenwart. München, 1988; *Kaser K.* Südosteuropäische Geschichte. Eine Einführung. Wien; Köln, 1990.
2. *Тодоров Н.* Балканский город XV–XIX веков. М., 1976.

Rola i miejsce Polski w Europie. 1914–1957. Warszawa, 1994. 183 S.

Роль и место Польши в Европе. 1914–1957

S. GREGOROWICZ, M. ZACHARIAS. *Polska-Związek Sowiecki. Stosunki polityczne. 1925–1939.* Warszawa, 1995. 230 S.

С. ГРЕГОРОВИЧ, М. ЗАХАРИАС. *Польша – Советский Союз. Политические отношения. 1925–1939*

Эту рецензию можно было бы озаглавить "Польша в Европе". При всей парадоксальности и неакадемичности такого названия (кто же усомнится, что Польша находится именно в Европе!) оно довольно точно передает пафос обеих книг. Они освещают геополитическое положение Польши, ее борьбу сначала за независимость, а потом за ее сохранение. Публикация "Роль и место Польши в Европе. 1914–1957" представляет собой материалы научной сессии, организованной Институтом истории ПАН в связи с 75-й годовщиной независимости Польши (проходила 8–9 ноября 1993 г.). Нельзя не согласиться с директором Института истории ПАН С. Былиной, что юбилей имеют двойной характер: могут быть формальностью и мучением для ученых, а могут и предоставить прекрасную возможность для инициирования новых исследований и анализа научных достижений. Именно ко второму типу юбилейных торжеств и относится данная сессия. По сути дела, публикация докладов и дискуссии представляет собой добротный сборник статей, авторы которых осветили различные аспекты борьбы Польши за свое независимое существование. При этом они уделяют основное внимание военно-политическим проблемам. Непривычная для нашего исследователя хронология, 1914–1957, имеет свое обоснование: начало первой мировой войны снова поставило польский вопрос на повестку дня европейской политики, события октября 1956 г. и приход к власти В. Гомулки стали отправной точкой длительного процесса политической эмансипации Польши.

Для многих авторов характерен глобальный подход к затронутому вопросу, как, например, для А. Ахматовича, показавшего военные усилия поляков в 1914–1918 гг. как важную составную часть борьбы ряда народов Центральной и Восточной Европы за свою независимость. Несомненный интерес для российских историков представляет доклад А. Новака о восточной политике Ю. Пилсудского в 1918–1921 гг. Пилсудским была предпринята попытка установить отношения с

"третьей Россией" [1. S. 47]: небольшевицкой и небелогвардейской, Россией социалистов Б. Савинкова и Н. Чайковского. Попытка координации действий Польши, независимой Украины и небольшевицкой России в то время потерпела неудачу. Но в истории, как известно, некоторые ситуации могут повторяться. Геополитический подход к проблеме характерен и для докладов В. Матерского о международном значении Рижского мирного договора 1921 г., В. Бальцерака о месте и роли Польши в версальской системе.

Участники сессии фактически рассмотрели (насколько это позволяли рамки докладов) все аспекты отношений Польши с ее соседями и западными союзниками в межвоенный период и во время второй мировой войны. Начальным этапом советской политики доминанции в Польше Х. Бартошевич считает 23 августа 1939 г.: "Польша была первой жертвой имперской политики Сталина" [1. S. 141]. Автор делает сравнительный анализ этого процесса в 1944–1947 гг. в различных странах Центральной и Восточной Европы и приходит к выводу, что степень "коммунизации" каждой страны не находилась в прямой зависимости от контроля со стороны СССР [1. S. 151]. Само название заключительного доклада А. Кожона "Беспокойный спутник" говорит о его пафосе. Автор солидарен с мнением исследователей К. Керстен, согласно которому в 1947–1955 гг. Польша превращалась в провинцию сталинской империи, и даже видимость ее суверенитета в определенные моменты находилась под угрозой [1. S. 153]. Следует, однако, заметить, что "спутник", при всей унижительность этого определения, все же не "провинция империи", и я склонен согласиться с точкой зрения А. Верблана об ограниченном суверенитете, подвергнутой критике докладчиком.

На сессии выступили С. Грегорович и М. Захариас, опубликовавшие в 1995 г. монографию "Польша – Советский Союз. Политические отношения. 1925–1939". Хронологические рамки работы: от соглашения западных стран в Локарно

до советско-немецкой оккупации II Речи Посполитой осенью 1939 г. По своей сути – это книга не только о советско-польских отношениях, но и о практической реализации польской внешнеполитической концепции "равновесия сил" и ее крахе. Суть ее – в равноудаленном и холодно-доброжелательном отношении Польши к ее великим соседям. В польско-советских отношениях постоянно присутствовала тема Германии: сближение с СССР не должно было рассматриваться Германией как угроза и наоборот. В связи с этим интерес авторов к таким проявлениям "политики равновесия", как польско-советский договор о неагрессии 1932 г. и польско-немецкий договор о неприменении силы от 1934 г. Они констатируют: "...договоры укрепили позиции Польши на международной арене" [2. S. 214]. И все же после прочтения книги создается впечатление, что польская внешняя политика конца 30-х годов была более антисоветской, чем антинемецкой. Весьма знаменательны слова маршала Э. Рыдз-Смиглы, приведенные польскими учеными: "В борьбе с Германией мы рискуем потерять независимость, в союзе с русскими мы потеряем нашу душу" [2. S. 199].

Авторы далеки от псевдонаучного морализаторства: они не осуждают и не одобряют "политику равновесия". Наверное, она была неизбежна в силу геополитического и военно-экономического положения Польши, которая не была первой скрипкой в тогдашнем "европейском концерте".

К сожалению, ограниченные рамки рецензии не позволили проанализировать все исторические проблемы, рассмотренные в ходе научной сессии в Институте истории ПАН и в монографии С. Грегоровича и М. Захариаса, хотя они представляют несомненный научный интерес.

© 1996 г. *Болдов А.*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Rola i miejsce Polski w Europie. 1914–1957.* Warszawa, 1994.
2. *Gregorowicz S., Zacharias M. Polska-Związek Sowiecki. Stosunki polityczne. 1925–1939.* Warszawa, 1995.

Славяноведение, № 4

L. MOSZYNSKI. Die vorchristliche Religion der Slawen im Lichte der slawischen Sprachwissenschaft. Köln, 1992

Л. МОШИНЬСКИЙ Дохристианская религия славян в свете славянского языкознания

Необходимость в критическом обзоре источников по языческой религии славян давно назрела. Поэтому новые исследования по преимуществу ориентированы не столько на составление компендиумов, включающих все, что может иметь отношение к славянскому язычеству, от культовых камней до русских вышивок, сколько на разработку новых подходов к анализу источников. Так, небольшая, но насыщенная материалом книга польского слависта Лешека Мошиньского посвящена "дохристианской религии славян в свете языкознания". Автор стремится провести свое исследование в точном соответствии с заглавием, почти не "уклоняясь" от языковедческих задач в сторону исторических и этнографических параллелей.

Другая установка автора, которой он следует с первых страниц своего труда – это разделение понятий "религия" и "мифология" в отношении к тем "фрагментам" текстов, которые описывают духовную культуру древних славян. Действительно, эти тексты не содержат мифологических

сюжетов и даже мотивов, но часто описывают славянский культ, обрядовую, собственно религиозную сторону славянской культуры. Вместе с тем понятие "религия" само по себе подразумевает взаимосвязь мифа и обряда, так что объявление славянской мифологии "ученой фикцией" (S. 2) уже обнаруживает гиперкритический настрой автора. Однако ясность исследовательских установок – безусловное достоинство книги; в частности, сразу становится понятным, почему автор практически не обращается к проблемам существующих мифологических реконструкций (работы Вяч.Вс. Иванова, В.Н. Топорова, Н.И. и С.М. Толстых, использующих позднейшие этнографические и этнолингвистические материалы).

Еще одно ключевое для всей книги понятие – "дохристианский": это понятие не просто хронологическое, но культурологическое. Тексты, повествующие о дохристианской культуре славян (специально анализируемые в первом разделе книги), составлены христианскими авторами: славянские

"реалии". прежде всего имена, включались ими в контекст традиционных мотивов средневековой книжности (ср. князя Попеля, которого загрызли мыши, согласно "Хронике" Галла Анонима, S. 2–3) и составляли целые квазинифологические сюжеты. Л. Мошинский анализирует в связи с этим знаменитую вставку из "Хроники" Малалы в Ипатьевскую летопись, где Сварог отождествляется в Гефестом, а Дажьбог – с его сыном Гелиосом – Солнцем, из чего некоторыми исследователями делались излишне "прямые" выводы о функциях славянских богов (S. 3–7).

Сами имена славянских "языческих" божеств могли возникнуть под христианским влиянием – к такому автор (вслед за Х. Ловмянским и др.) относит Волоса/Велеса – "скотьего бога" "Повести временных лет": эта культурная функция могла быть приписана Волосу русским летописцем, знакомым с культом св. Власия – покровителя скота и, стало быть, не имела отношения к Велесу – духу преисподней (S. 10–12). При этом сам автор отмечает, что подобный взгляд на происхождение культов славянских богов был свойствен и средневековым хроникам: так, Гельмольд считал, на основе сходства имен, что культ Святовита у полабских славян восходит к культу св. Вита (S. 72) и т.д. Прочие полабские божества и связанные с ними верования, согласно автору, также имеют весьма позднее происхождение – они сформировались в процессе противостояния немецкому "натиску на Восток" и насильственной христианизации.

"Внутренние" отношения между богами предполагаемого славянского "пантеона" неясны или ставятся автором под сомнение: так, имя *Сварожич* у Титмара и Бруно могло быть уменьшительным названием самого Сварога, а не патронимическим обозначением его сына (так же можно интерпретировать и имя *Божич*).

изысканиям, либо оказываются более поздними, либо не имеют прямого отношения к демонологии (как праслав. *navь, S. 22–32). Представления о бесах и тому подобных существах неотделимы в источниках от христианских персонажей; в целом праславянские демоны не составляли категории духов, которая стояла бы между богом и людьми, т.е., по Л. Мошинскому, относились не собственно к "религии", а к полидоксии (S. 37).

О самой религии речь идет в третьем разделе, начинающемся с разбора современных исследований, в том числе работы З. Дитриха о проблеме иноэтничных влияний в религии славян. К общепризнанным иранским заимствованиям относится имя *бог*, к балтийским – Велес; при этом заимствовались по преимуществу отдельные имена, но не религиозные системы. Хорса, Стрибога и Семаргла русской летописи нельзя относить и к подобного рода заимствованиям, так как они, по Мошинскому, занесены в летопись извне, из Тмутаракани, где об этих божествах редактор летописи Никон узнал только в 1062–1067 гг., т.е. они оказались чисто книжными персонажами (S. 47–48).

К кельтским заимствованиям можно отнести "конские" ритуалы у полабских славян (в храме Святовита в Арконе и Триглава в Ретре), Триглава (и других многоголовых богов): многоглавность – характерный атрибут кельтских культовых изображений. В результате значительная часть имен полабских божеств может быть сведена к кельтским заимствованиям, и они вписаны в лаконичную схему, где все боги возводятся к двум праславянским божествам, имена которых, согласно автору, не упомянуты в источниках по полабским славянам потому, что были табуированы.

Схема (S. 57) подкупает своей логичностью, равно как и тем, что древнерусская традиция

	Табуированное имя	Уменьшительное имя	Кельтское заимствование	Новообразование
Бог Солнца	*Svarog	Svarozic	Prove	*Porvo-vitъ
Бог Грома	*Perun	Perunic	*Taranъ	*Taran-vitъ

Л. Мошинский ставит под сомнение и существование у славян – во всяком случае, у праславян – политеизма; скорее, он склонен, вслед за Ловмянским, именовать культы (точнее, разные формы культа) праславян полидоксией, которой посвящен второй раздел книги. В это понятие входят поклонение природе (в том числе священным рощам – ср. *Zutibure*, "святой бор" у Титмара и т.п.), магия (ср. *волхвы*, праслав. *vrasъ*, "заклиатель" и др.). К безусловно праславянским в демонологии относятся представления о волкодлаке и упыре, может быть, о Мокоши; прочие, согласно приведенным автором этимологическим

сохранила представление о множественности ипостасей Перуна ("Перун есть мног"), но кельтские соответствия не вполне очевидны (хотя они предлагаются автором даже для Велеса, S. 58–60), тем более, что давно предлагается и прямое соответствие полабских Прове и Поревита Перуну (ср. [1]). Но Полабье – единственный регион, где автор считает внешнее (кельтское и христианское) влияние на религию славян существенным (S. 63).

Особое значение для исследования Л. Мошинского имеет работа по религии славян Х. Ловмянского, в том числе заключение польского историка о тенденции к монотеизму у славян, на-

зывавших своего бога на Востоке Перуном, а на Западе – Сварогом (ср. S. 65–66). При этом восточнославянский политеизм признается сомнительным: пантеон Владимира отчасти составлен, по Ловмянскому, Някомом (включившим в список Хорса, Стрибога и Семаргла). Дажьбог может, по Л. Мошинскому, оказаться квазибожеством, созданным русским книжником из благожелания "дай Бог!" ("daz Bogъ!", S. 67–70). Столь же прозрачным, с точки зрения Л. Мошинского, оказывается и полабский политеизм: часть теонимов, как уже говорилось, можно рассматривать как табуистические замены имен тех же Сварога и Перуна (с использованьем кельтских заимствований), часть – как "эрзац" христианских теонимов и образов (Триглав – Троица, Tjamaġlofi 'увенчанный тернием', S. 73–75), часть – как апеллятивы и эпитеты, превращенные книжниками в личные имена и т.п.

У Л. Мошинского, как у языковеда, естественный протест вызывают примеры "народной" этимологии в современных исследованиях: ср. необоснованные попытки А. Гейштора проинвестировать слово *капище* от *коптить* или Б.А. Рыбакова увязать имя *Мокошь* с *Ма-кошь* 'мать счастливого жребия' (S. 87–88).

Особая проблема, рассматриваемая Л. Мошинским (S. 88 и сл.), взаимодействие дохристианской и христианской лексики в славянской религии: истолкование дохристианских терминов в христианских текстах (ср. имя славянского злого духа *бес* как обозначение дьявола), возникновение неологизмов (например, *крест* – ср. иную этимологию [2]) и т.п. Интересны заключения о позднем происхождении термина *богиня* (при отмечаемой редкости или, по Мошинскому, отсутствии женских персонажей в славянских "пантеонах"). О праславянском значении слова **svetъ* 'свят(ой)' можно только догадываться (ср. "свят Бог" 'сияющий благодетель' и т.п., S. 93–94; ср., однако, специально, работу В.Н. Топорова [3]); праславянский бог был "свят", но не "всемогущ": "вседержитель" и "всемогущий" – кальки из греческого или латинского (др.-верх.-нем.). Представления об *аде* (пекле) у славян заимствованы с христианской, *рай* – более раннее заимствование из иранского, *грех* – праславянское слово, но его дохристианское значение неизвестно (см. об этом [4. С. 544–546]). К дохристианским религиозным реалиям относятся молитва (**modlitva*) и жертва (**zrti*); другое обозначение жертвы – *treba* – связывается с расчишкой леса (ср. *trebiti lesъ*), в том числе для сакрального пространства – требища (S. 108–109). Для древних славян нехарактерны изображения богов – "идолы" появились под иностранным влиянием; святилищами были рощи (ср. **svet bogъ*) и "расчищенные" для отправления культа требища; лексика, связанная с названиями храмов (церковь, храм, святилище, божища и т.п.) – христианского происхождения (S. 113–118), прасла-

вянское слово **katja, kotina* получило в разных языках разное значение – от 'хлева' до 'храма' (S. 120). Л. Мошинский не обнаруживает общего "ключевого" слова для обозначения религии праславян: термин "языческий", "поганный" он считает неадекватным и предлагает использовать понятие "дохристианский" (S. 121–123).

Заключение Л. Мошинского в целом довольно пессимистично. Славяне не создали мифов в собственном смысле слова – рассказов о богах, их генеалогии и т.п. У них было лишь одно божество – *свят бог*, которого восточные славяне звали Перуном, западные – Сварогом. Бог не был "антропоморфизирован", не имел изображений и храмов, кроме рощ и требищ. В загробной жизни добрые отпавлялись в рай, злые становились злыми духами (ср. упырь и т.п.). Из этих духов всякие несчастья воплощал бес; возможно, славянам были известны и духи-покровители (Мокошь, позднейшие полабские божества, в том числе Святовит). Магия относилась не к религии, но скорее к области тайного знания и народной медицины, о чем свидетельствует семантический анализ слов *vrac, balii, *vlchъv*. Завершается книга признанием необходимости комплексных исследований славянской религии – археологических, исторических, культурологических.

Нет ли здесь возврата к гиперкритицизму начала нашего века, против которого восставал еще видный исследователь славянской традиционной культуры С.А. Токарев [5. С. 215]? Вправе ли современные исследователи отказывать славянам в наличии мифологии и развитых культур, тем более, что мифология – это не просто рассказы о богах, а необходимый и универсальный механизм самосознания традиционного общества, включения "социума" в "космос" и т.п.?

Судьба славянских мифов, очевидно, была предопределена христианской (прежде всего – византийской – традицией: для христианских книжников языческие божества были, в первую очередь, бесами, о мифологических деяниях которых не следовало ничего рассказывать. В лучшем случае (как в уникальной глоссе из "Хроники" Иоанна Малалы) языческие боги могли изображаться в традиции эвгемеризма, как реальные цари древности (см. [6]). В этой культурной ситуации собственно языческие мифы сохраниться не могли.

Думается, однако, что позиция польского исследователя в современной ситуации имеет вполне определенный смысл, так как известные "заранее" функции мифа и культа как бы наделяют исследователей свободой в конструировании собственных мифологических схем, основанных на "общих соображениях" (впрочем, отчасти к такой конструкции прибегает и автор). Таким образом, чем больше методических ограничений будет в исследованиях по славянским древностям, тем надежнее будут предлагаемые реконструкции в

области духовной культуры. Проблема в том, насколько надежны сами ограничения.

Следует отметить ту тщательность, с которой проработана в книге славянская "дохристианская" религиозная лексика. В большинстве случаев, естественно, учитывался и контекст источников, в котором встречались те или иные лексемы. Но учет контекста – уже проблема не только лингвистическая, а в большей мере – текстологическая, и выбор Л. Мошиньским подхода к этой проблеме представляется вполне оправданным. Так, опираясь на авторитет Х. Ловмянского и А.А. Шахматова, он повторяет гипотезу о том, что Хорс, Стрибог и Семаргл были "завезены" Никоном из Тмутаракани и поэтому не могли входить в киевский "пантеон", учрежденный Владимиром в 980 г. Между тем никаких собственно текстологических обоснований для позднейшего включения этих персонажей в список "владимировых божеств" нет, за исключением того, что Хорс и Семаргл – божества "восточного", иранского, а не славянского происхождения. Выводить их из Тмутаракани можно лишь следуя старым установкам "исторической школы", которая произвольно связывала любые факты, если удавалось обнаружить какие бы то ни было хронологические или географические совпадения (в том числе пребывание редактора летописи в Тмутаракани и "восточные" божества, упомянутые в той же летописи). Между тем в самом Киеве пребывало хазарское население, и открыты древности аланского (иранского!) варианта салтовской (хазарской) культуры: исторически выглядят вполне оправданным включение "иранских" божеств в пантеон самим Владимиром (ср. из последних работ [7; 8]), а не в летописный список Никоном.

Вообще проблема списков божеств, в том числе места каждого божества в списке "пантеона", поставленная В.В. Ивановым и В.Н. Топоровым, представляется весьма продуктивной. В частности, особо значимо отсутствие во Владимировом пантеоне Волоса и "присутствие" его в договорах руси с греками, где этот "бог" упоминают наряду с Перуном: в договоре 911 (907) г. пара Перун – Волос соответствует общему противопоставлению руси (княжеской дружины) и словен (всего войска); такое соответствие указывает на функции Волоса более широкие, чем функции книжного "заместителя" св. Власия. Если это противопоставление Перуна и Волоса действительно "продолжено" в пантеоне Владимира, который исключил Волоса из "своих богов" (ср. в договоре о Перуне – "бог свой"), то проблема восточнославянского политеизма встает по иному, чем она изображена Л. Мошиньским.

Объединение в пантеон племенных богов Восточной Европы произошло после утверждения единовластия Владимира в Киевской Руси. У "племен" полабских славян, судя по описаниям

латинских авторов, господствовал "генотеизм" (почитание бога – покровителя племени), развившийся, по Л. Мошиньскому, под сильным кельтским влиянием. Однако если признавать, вслед за автором, что иранское влияние на религию древних славян было поверхностным, то тем более ограниченным можно считать влияние кельтов, хотя представления о нем стали общим местом в современной литературе, особенно в отношении славянских культовых построек и идолов. Однако кельтское влияние в предполагаемом праславянском ареале было наиболее ощутимым на рубеже н.э. в связи с распространением кельтизированной зарубинецкой культуры. Трех- и четырехголовые изображения – традиционный мотив для пластики всей "языческой" Европы, но трудно себе представить, как кельтская языческая традиция могла воплотиться, скажем, в Збручском идоле – ведь их разделяет почти тысячелетие; напротив, согласно новейшим исследованиям (см. [9]), распространение в Восточной и Северной Европе конца I тыс. н.э. трех- и четырехглавых изображений связано со славянским ("поморским") влиянием. Вместе с тем вызывает интерес упомянутая попытка автора выявить собственно славянские связи в отношениях между "племенными" полабскими божествами. Но и здесь проблема в том, что предлагаемая автором интерпретация имени *Сварожич* (*Перунич) как уменьшительного, а не патронимического, все же противоречит славянской традиции, где имя *Божич* 'Рождество' явно означает *сына Бога* (ср. также противопоставление старого Бадняка молодому Божичу и т.п.; см. соответствующие глоссы в [1]). Если не отворачиваться от возможности усматривать в дохристианской религии славян пары Бог – Божич, Сварог – Сварожич, то встанет проблема не только славянского "политеизма", но и проблема генеалогических мотивов в славянской *мифологии* (наличие которых отрицается автором).

В целом, проблема славянского "прамонотеизма", приобретающая гипертрофированное значение в современных работах, основывается на единственной фразе из Прокония Кесарийского (VI в.), сложность интерпретации которой (генотеизм или монотеизм?) подчеркивает сам Л. Мошиньский (S. 66). В новейшем исследовании [10] отдается предпочтение "политеистическому" прочтению; славяне поклоняются не "одному богу": "они считают, что один из богов – создатель молнии – именно он есть единый владыка всего". Такое прочтение фразы "ведет" к пантеону Владимира, который возглавил громовержец Перун, но который был "открыт" для иных племенных богов складывающегося государства.

Эти замечания предназначены не для того, чтобы "реабилитировать" традиционный подход к славянскому язычеству как к многобожию. Насущной остается проблема методики исследований,

"чистоте" которой способствует и рецензируемая книга; при этом особое значение приобретают методы *источниковедения*, усложняющиеся по мере расширения источниковой базы от отдельных "глосс" и "эксцерптов" из нарративных текстов до "комплексов", включающих исторические, археологические, этнографические и другие данные.

© 1996 г. Петрухин В.Я.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мифы народов мира. М., 1982. Т. 2. С. 337.
2. Мурьянов М.Ф. У истоков христианства у славян // Славяноведение. 1992. № 2. С. 44–53.
3. Топоров В.Н. Из славянской языческой терминологии: индоевропейские истоки и тенденции развития // Этимология. 1986–1987. М., 1989. С. 3–49.

4. Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под ред. Н.И. Толстого. М., 1995. Т. 1.
5. Токарев С.А. Религия в истории народов мира. М., 1976.
6. Буланин Д.М. Античные традиции в древнерусской литературе XI–XVI вв. München, 1991.
7. Топоров В.Н. Об иранском элементе в русской духовной культуре // Славянский и балканский фольклор. 1989. М., 1989. С. 23–60.
8. Васильев М.А. "Хорс-жидовин": древнерусское языческое божество в контексте проблем Khazaro-Slavica // Славяноведение. 1995. № 2. С. 12–21.
9. Lamm J.P. On the cult of Multiple-headed gods in England and the Baltic area // Przegląd Archeologiczny. 1987. V. 34. P. 219–231.
10. Свод древнейших письменных известий о славянах. М., 1991. Т. 1. С. 183, 221.

Славяноведение, № 4

P.R. MAGOCSI. Historical Atlas of East Central Europe / Cartographic design by Geoffrey J. Mattheus. Seattle; London, 1994. Vol. I. 218 P. (The Series: A History of East Central Europe / Editors Peter F. Sugar, Donald W. Treadgold (University of Washington))

П.Р. МАГОЧИ. Исторический атлас Восточной и Центральной Европы

Вашингтонский университет предпринял издание 10-томной истории Центральной и Восточной Европы. Создание подобной региональной истории, как подчеркивают издатели, предпринимается впервые. Для ее написания были привлечены видные специалисты: Имре Боба "Начала истории Восточной и Центральной Европы. 300–1000 гг."; Джан (Ян) Седлар "Восточная и Центральная Европа в средние века. 1000–1500 гг."; Дэннэл Стоун "Польско-литовское государство. 1386–1795 гг."; Питер Сугар "Юго-Восточная Европа под властью Османской империи. 1354–1804"; Роберт Канн и Зденек Давид "Народы восточных земель монархии Габсбургов. 1526–1918"; Петр Вандич "Земли разделенной Польши. 1795–1918"; Чарльз и Барбара Елавичи "Правящие элиты балканских национальных государств. 1804–1920"; Джозеф Ротшильд "Восточная и Центральная Европа между двумя мировыми войнами"; Иво Банац "Восточная и Центральная Европа после 1939 года".

Издатели и авторы серии под регионом "Центральная и Восточная Европа" понимают

часть Европейского континента, ограниченную с севера Балтийским морем, с юга – Средиземным, с запада и юго-запада – германо- и италиязычным миром. Своеобразно понимание авторами Восточной Европы. В нее они включают только территории, входившие в состав Польско-Литовского государства и только эпизодически касаются истории России, Эстонии, Финляндии; история Украины присутствует только в ее центральной части до Днепра. Такой подход не только противоречит самому названию серии, но и существенно ее обедняет, лишает самих авторов важнейшего компонента истории континента и возможности сравнительного подхода и анализа. Итак, предпринятая серия включает историю Польши, Чехии (Чешской республики), Словакии, Венгрии, Румынии, Словении, Хорватии, Боснии-Герцеговины, Югославии, Македонии, Албании, Болгарии, Греции. Поскольку все же историю этих стран и регионов в целом трудно вычленишь из общеевропейской истории, то в той или иной степени в серии присутствует история восточных и южных земель Германии (Мекленбург, Бранден-

бург, Пруссия, Саксония, Лужице, Бавария), Австрии, северо-восточной Италии (историческая Венеция), Белоруссия, территория Украины до Днестра, Молдова, европейская часть Турции и западная Анатолия.

Первый том серии, "Исторический атлас Центральной и Восточной Европы", построен по географическому и хронологическому принципам, в композиционном отношении разделен на 50 проблемных статей энциклопедического характера, 89 карт и схем. Одиннадцать карт отражают изменения политико-административных границ в определенных хронологических отрезках в регионах (карты 5, 6, 10, 14, 18, 21, 24, 36, 38, 44, 59), 14 карт отражают те же изменения на примере отдельных стран (карты 7, 8, 9, 19, 20, 22, 25, 26, 27, 39, 40, 41, 42, 43), четыре карты посвящены военным событиям (6а, 23, 37, 45, 46): татаро-монгольское нашествие, походы Наполеона в Центральной и Восточной Европе, фронты первой и второй мировых войн, четыре схемы (11, 12, 20, 28) отражают экономическое развитие регионов, пять (13, 15, 16, 34, 35) – конфессиональную ситуацию, три (4а, 17, 31) – развитие культуры и образования, восемь (20, 27а, 29а, 29в, 30, 32, 33, 48) – демографическую и этническую ситуацию.

Следует отметить высокий научный уровень статей "Атласа", карт и схем. При том они имеют не только информационный характер, каждая из них представляет оригинальное исследование проблемы. Автор этих статей – ведущий американский специалист по проблемам Центральной и Восточной Европы П.Р. Магочи, название книг которого говорят сами за себя: "Формирование национального самосознания: Подкарпатская Русь 1848–1948". Гарвард, 1978; Ужгород, 1994; "Галиция: исторический атлас и библиографический справочник". Гарвард, 1983; "Украина: исторический атлас". Гарвард, 1985, многочисленной работы по истории иммиграции из Центральной Европы, национальным проблемам Австро-Венгрии. П.Р. Магочи принимает активное участие в современном русинском движении в странах Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы и Америке, руководит кафедрой украиноведения университета в Торонто (Канада), с 1990 г. является директором Института истории поликультурного общества штата Онтарио, подготовившего "Энциклопедию народов Канады". Этот опыт позволил П.Р. Магочи превратить первый том указанной серии в историческую энциклопедию народов Централь-

ной, части Восточной и Юго-Восточной Европы.

Учитывая сложнейшую этнолингвистическую картину регионов, автор "Атласа" уделяет ей особое внимание, рассматривая ее в целом, по отдельным регионам, странам и субрегионам (Спиш, Силезия, Трансильвания, Подкарпатская Русь, Каринтия, Триест, Истрия, Босния-Герцеговина, Македония, Косово). П.Р. Магочи исключительно точен и в таком деликатном вопросе, как наличие субэтнических групп (немецкоязычные саксонцы и мадяроязычные секели Трансильвании, болгароязычные помаки, романоязычные вlahи (кутцо вlahи, фурильцы). Обращает он внимание также на проблему кашубов в Польше и карпатских русин (Польша, Слования, Украина, Югославия), которые, казалось бы, уже растворились в польской, словацкой и украинской среде, однако после падения коммунистических режимов вновь заявили о своей этнической идентичности и своих национально-государственных правах.

Предельно точен П.Р. Магочи в определении конфессиональной ситуации в регионах, включая христианизацию (специально выделена кирилло-мефодиевская миссия), великий раскол, реформацию и контрреформацию, ситуацию в современных католической и православной церквях.

Представлена в "Атласе" также история еврейской, армянской и цыганской диаспоры в регионах, ее роль в сфере культуры, экономики и политики. П.Р. Магочи отмечает и первое проявление геноцида евреев в регионе в период крестьянско-казацких восстаний на Украине в XVII–XVIII вв. Особое внимание уделено проблеме немцев в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе. Ей посвящено несколько карт, схем, статей к ним и статистических таблиц. Завершают "Атлас" схемы и статьи о "великом переселении" в регионах в 1944–1948 гг. и послевоенном индустриальном развитии.

"Атлас" имеет библиографию, включающую исторические, географические, региональные, национальные и тематические атласы, карты, а также основные общие работы по истории стран и народов Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы. "Исторический Атлас Восточной и Центральной Европы", как и серия в целом, несомненно, станет важным вкладом в исследование истории и культуры народов указанных регионов.

© 1996 г. Поп И.

А. ГУГНИН. Серболужицкая словесность в эпоху Просвещения. Краткий обзор. Новополоцк, 1994. 32 С.

А. ГУГНИН. Серболужицкая литература в эпоху романтизма. Из серболужицкой поэзии. Новополоцк, 1994. 40 С.

Zd. BOHÁČ. České země a Lužice. Tišnov – Budyšin, 1993. 215 S.

Зд. БОГАЧ. Чешские земли и Лужицы

Zeszyty Łużyckie. Warszawa, 1994. № 8. 117 S; № 9. 110 S.

Лужицкие тетради

Ныне нередко высказывается мнение, что с распадом социалистических государств в Центральной и Юго-Восточной Европе и появлением новых государственных объединений появились более широкие возможности для развития коренных национальностей. Видимо, так оно и есть. Но что касается самого малочисленного славянского народа – лужицких сербов, то с объединением Германии их шансы на сохранение языка и самобытности, кажется, серьезно уменьшились. Несмотря на это (а, может быть, именно благодаря этому) в сорабистике других славянских народов заметно определенное оживление.

Так, известный наш филолог, сотрудник Института славяноведения и балканистики РАН, канд. филол. наук А. Гугнин издал два очерка о серболужицкой литературе. В первом из них автор относит к понятию "серболужицкая словесность" все, что издавалось в Лужице на латинском, немецком, верхнелужицком и нижнелужицком языках. По мнению А. Гугнина, с середины XVIII в. немецкие просветители проявляют интерес к лужичанам как в русле нарождающейся славистики, так и непосредственно к серболужицкой проблематике. Далее автор называет ученых, проживавших в Лужице, характеризует творчество и жизненный путь наиболее крупных из них. Среди этих имен читатель встретит и такие, о которых в нашей литературе сведений почти нет. Наряду с характеристикой творчества отдельных персонажей в работе содержатся сведения о деятельности Сербского проповеднического общества в Лейпциге (1716) и его членов. Особенно подробно А. Гугнин останавливается на творчестве Г.Б. Шераха (С. 11–13), а также Ю. Рака, стихотворение которого, "Жажда бессмертия", автор приводит в своем переводе на русский язык (С. 16–17). Рассматривается в брошюре и деятельность Верхнелужицкого общества наук в

Герлице, среди членов которого автор выделяет Яна Горчаиского, серба, писавшего по-немецки (С. 19–21). А. Гугнин считает, что серболужицкое просвещение имело собственные исторические корни, хотя и стремилось впитать в себя все лучшее от немцев и соседей-славян (С. 9).

При том, что литература о лужицких сербах у нас малочисленна, издание работ А. Гугнина – явление отрадное. В упомянутой брошюре содержится информация, которая может послужить стимулом для дальнейшей разработки отдельных проблем. Впрочем, на наш взгляд, остается не вполне ясным вопрос о том, что именно следует относить к понятию "серболужицкая словесность". Как видно из брошюры А. Гугнина, по его мнению, таковой является все, что написано на территории Лужиц в эпоху Просвещения – независимо от языка и от национальной принадлежности авторов. Как известно, на территории Лужиц еще со средних веков немцев было больше, чем сербов. В эпоху Просвещения немцы-лужичане, естественно, изучали свой край, в котором жили и сербы. Полагаем, что творчество авторов-немцев принадлежит культуре немецкого народа, если даже они изучали серболужицкий язык, собирали серболужицкий фольклор и т.д. Представляется, что к "серболужицкой словесности" следовало бы относить произведения (на различных языках), созданные носителями соответствующего этнического сознания, т.е. считавшими себя сербами-лужичанами. Это значит, что нет оснований говорить о "серболужицкой словесности в эпоху Просвещения", ибо таковая практически ограничивалась переведенными книгами Священного Писания. Зато, как можно полагать, есть смысл рассматривать "лужицкую словесность" как отдел просвещенческой литературы, занимающийся сюжетами, связанными с территорией и жителями Лужиц в целом (что и отражено в брошюре А. Гугнина). Разумеется,

развитие идей Просвещения и романтизма на территории Лужиц не могло не повлечь за собой пробуждение у образованных сербов интереса к сербским реалиям – языку, народному творчеству и т.д. Поэтому брошюру А. Гугнина, видимо, можно было бы назвать "Истоки серболужицкой национальной словесности".

Вторая работа А. Гугнина посвящена сюжету, достаточно хорошо разработанному в славянских литературах, особенно в серболужицкой, чешской и польской. Да и на русском языке есть немало публикаций о серболужицких романтиках. Тем не менее, его брошюра – определенный вклад в изучение этой проблемы. В ней отражены наиболее важные события национально-культурной жизни сербов в первой половине XIX в. Читатель найдет здесь сведения о деятельности "Сербского семинария" в Праге, об особом отделении Проповеднического общества в Лейпциге, именовавшемся "Сорабика", о попытках издания сербских газет и многое другое. Большое внимание уделено контактам сербских поэтов-романтиков с деятелями славянского возрождения. Рассматривая вопрос о художественном творчестве сербских поэтов-романтиков, А. Гугнин приводит много примеров этой поэзии в своем переводе на русский язык. Так, на С. 17 читатель (кажется, впервые по-русски) встречается со стихотворением Г.А. Кригара (1804–1858), посвященном "Сорабике" и опубликованном в 1826 г. В 1827 г. увидела свет "Ода" Зейлера (1804–1872), одного из родоначальников романтизма и крупнейшего серболужицкого поэта первой половины XIX в. К этому стихотворению Зейлера одним из членов "Сорабики" была написана музыка, и песня "Прекрасная Лужица" стала национальным гимном лужицких сербов. Это прекрасное романтическое произведение (точнее его текст) читатель получил в переводе А. Гугнин в сочетании с его же литературоведческим разбором. Анализирует автор и переведенное им стихотворение Зейлера "Причитание", и др. В конце брошюры А. Гугнин знакомит читателя и с другими образцами поэзии лужицких сербов. В целом труд о серболужицкой словесности периода романтизма существенно расширяет круг имеющихся сведений и представлений о литературном развитии малого славянского народа в первой половине XIX в. Конечно, исчерпывающей характеристики темы брошюра не дает, но и в предложенном виде издание полезно всем, кто интересуется историей литературных процессов зарубежных славян.

Книга чешского исследователя З. Богача – "Чешские земли и Лужица" – это сборник статей, изданный к 60-летию автора. Богач – научный сотрудник Института истории АН Чешской республики – занимается средневековым периодом и ранним периодом нового времени, прежде всего историей феодальной земельной собственности и колонизации, демографическими и религиозными

реалиями в Чешских землях. Со студенческих лет ученый интересуется лужицкими сербами, о которых написал много работ различного характера. В настоящее время он – председатель "Общества друзей Лужицы" в Чехии. Рецензируемый сборник статей З. Богача состоит из работ, ранее опубликованных в различного изданиях на трех языках – чешском, серболужицком и немецком. Статьи сгруппированы в четыре отдела: 1. Чешско-лужицкие культурные связи; 2. Национальное развитие Лужицы; 3. Из жизни лужицких католиков и евангелистов; 4. Из лужицко-сербской ономастики. В каждом разделе несколько статей. Наиболее интересными нам представляются два первых раздела. Именно в них автор освещает ряд принципиально важных вопросов серболужицкой истории и культуры. Но и два последних раздела, посвященные частным вопросам, не лишены интереса для специалистов. В первой статье – "Лужицы – земля Чешской короны" – автор подробно освещает историю борьбы за Лужицы между немецкими феодалами (в средние века и вплоть до нового времени) и обстоятельства вхождения этих земель в состав Чешской короны. Обращает на себя внимание убедительное объяснение причин сохранения сербского этникума в период воздействия на него немецкой колонизации в средние века. Этот вопрос долго не находил объяснения в литературе. Его удовлетворительное разрешение найдено, видимо, лишь в наше время в трудах сотрудников Института Сербского народоведения АН ГДР, ныне реформированного. З. Богач разделяет их точку зрения и считает, что серболужицкие сохранились ввиду их изолированности природными условиями от основного потока немецкой колонизации и быстрого подчинения немецкому натиску – в отличие от других полабских славян, оказывавших яростное сопротивление завоевателям. Главной причиной сохранения славянских племен – мильчан (Верхняя Лужица) и лужичан (Нижняя Лужица) – было густое заселение соответствующих земель: произошла внутренняя колонизация и не осталось свободных площадей для проникновения немецких колонистов, что и спасло лужицких сербов от судьбы других славянских племен. Сербам удалось создать относительно единый языковой регион (несмотря на существование ряда диалектов). Немецкие колонисты, проникавшие в Лужицы на рубеже XII и XIII вв., заселяли лишь малолюдные Лужицкие горы на чешско-лужицкой границе и участвовали в строительстве возникавших тогда городов. Присоединение Лужиц к Чешской короне в XIV в. автор оценивает как акцию позитивную для сохранения славянского характера Лужиц, между тем как передача их Саксонии в период 30-летней войны означала усиление германизации. Реформация XIV в. захватила большую часть Лужицы, 90% ее населения стали протестантами. Католики сохранились как меньшинство в юго-

западной части Верхней Лужицы; эта часть в XVII в. находилась под патронатом чешских королей-католиков. В ряде статей, и особенно в статье "Лужицкие сербы в Чехии в побелогорский период", автор показывает, что католическое духовенство для сербов воспитывалось в Чехии. Здесь были созданы иезуитские коллегии (в Праге, Оломоуце, Крумлове, Брно, Индржиховом Градце, Хомутове и т.д.), где учились сотни сербских студентов. По окончании учебных заведений лишь единицы возвращались на родину. Остальные оставались в чешских монастырях иезуитского и других орденов или направлялись в приходы со смешанным чешско-немецким населением. Этот факт квалифицируется автором как доказательство сербско-чешских культурных связей, ибо целый ряд сербских иезуитов проявили себя на литературном поприще. Много выдающихся сербских деятелей, по утверждению Богача, вышли и из училищ других католических орденов. В книге перечисляются все католики, имевшие какие-либо заслуги перед сербской письменностью. Увлечшись изложением этого сюжета, автор – сам ревностный католик – в угоду конфессиональным интересам умалчивает о том, какую роль сыграли в Чехии иезуиты в период контрреформации XVII в. – как подавлялась ими чешская культура, уничтожалось "еретическое" чешское интеллектуальное наследие. Иезуиты серболужицкого происхождения, конечно же, сыграли в этом процессе определенную роль – знание славянского языка определяло их назначение в смешанные языковые приходы в Чехии. Им надлежало с большим эффектом обращать чешских "еретиков" в "истинную веру". Таким образом, славяне-сербы, являясь орудием в руках католической церкви, способствовали германизации славян-чехов. Иную роль играли те сербские студенты, которые в Праге учились в гимназии и университете, живя в так называемом "сербском семинаре", т.е. в общежитии, построенном для сербов на сербские средства. Посылаемые в Прагу на стипендии от верхнелужицких церковных учреждений, эти студенты обязаны были после окончания учебы возвращаться домой. В статье "Сербский семинар в Праге" (С. 41–47) З. Богач подробно освещает историю этого учреждения с момента его создания в 1728 г. и вплоть до 1922 г., когда он был закрыт. Автор анализирует социальный состав сербских студентов, изменение национального состава семинара. Значение последнего автор видит в том, что под влиянием чешского национального возрождения серболужицкие студенты изучали родной язык, который им преподавали знаменитые чешские будители – Й. Добровский, В. Ганка, К.Я. Эрбен и др. В 1846 г. серболужицкие студенты основали товарищество "Сербовка", опекавшееся деятелями возрождения. "Сербовка" воспитала ряд сербских будителей и патриотов, внесших неоценимый вклад в воспитание нацио-

нального самосознания сербского народа. Среди них – литературовед Я.П. Йордан, филолог Й. Либш, писатель М. Андрицкий, поэт Я. Барт-Тишинский, историк литературы Я. Цыж и многие другие. В общем лужицкий семинар в Праге, как показывает З. Богач, сыграл выдающуюся роль в серболужицком национальном возрождении.

В статье "85 лет организованного чешско-лужицкого культурного сотрудничества" (С. 63–67) автор обращает особое внимание на деятельность Адольфа Черного, имеющего особые заслуги в пропаганде знаний о лужицких сербах в Чехии. В 1907 г. в Праге был основан Чешско-лужицкий союз имени А. Черного, позднее включавший в свой состав многих известных чешских деятелей культуры. В книге рассказывается об изучении сербского языка и литературы на философском факультете Карлова университета. В 1939 г., после оккупации немцами Чехии, общество друзей Лужицы было распущено, а его члены подвергались преследованиям, некоторые были казнены. Автор отмечает, что после 1945 г. ряд уцелевших сербских культурных деятелей высказали желание о присоединении Лужиц к Чехословакии. Однако, считает автор, для Советского Союза было неприемлемо, чтобы Лужица с ее богатыми полезными ископаемыми была отторгнута от советской зоны (С. 66). На наш взгляд, автор в данном случае заблуждается. Решение вопроса о присоединении или неприсоединении Лужиц к Чехословакии носило прежде всего политический характер. Немцам, нанесшим большой ущерб славянским народам в период второй мировой войны, предстояло, по решению политиков того времени, депортация из Чехословакии. Было бы по меньшей мере нелогично одних немцев из Чехословакии выселять, а других в нее вселять. Ведь Лужица населена в основном именно немцами.

Во втором разделе книги собраны статьи, освещающие национальный вопрос, т.е. практически процесс германизации Лужиц от средних веков до нашего времени. В основу своих выводов З. Богач положил результаты исследования источников, как опубликованных, так и архивных, которые дали основание утверждать, что на рубеже XIV и XV вв. в Верхней Лужице жили 112 тыс. человек, половину из которых составляли сербы, а в Нижней Лужице – около 120 тыс. человек, из которых 5/6 – сербы. Во всей Лужице население состояло из приблизительно 160 тыс. сербов и 75 тыс. немцев (С. 75). После реформации, в связи с проникновением в костел немецкого языка, начался переход сербо-лужичан от одноязычности сербской к двуязычности и одноязычности немецкой. Несмотря на то, что был осуществлен перевод Нового Завета на сербский язык, и реформация способствовала развитию сербской письменности не только религиозного содержания, сербский элемент не выдерживал натиска элемента немецкого, и сербское богослужение из

приходов вытеснялось. Негативную роль сыграла 30-летняя война, после которой обезлюдившие территории были заселены немцами. Верхнелужицкое и нижнелужицкое языковое пространство постепенно сужалось. Усиление процесса германизации наблюдалось к началу XIX в. в связи с развитием промышленности, строительством железных дорог.

В начале XIX в. сербов насчитывалось еще около 250 тыс. человек. Но разработка угольных залежей и песчаных карьеров для стекольной промышленности привлекли в малозаселенную земледельческую область массу рабочих из различных частей Германии. В 1884–1886 гг. сербский ученый А. Мука произвел подсчет сербского населения и пришел к выводу, что оно уменьшилось – лишь 92 160 лиц, говоривших на верхнесербском и 71 958 – на нижнесербском. В одной из статей З. Богача (С. 79–88) (материал, собранный в 1955–1956 гг.), указывается на существование 100 тыс. сербов, однако у некоторых ученых эта цифра вызывает сомнения – процесс германизации в период второй мировой войны и после нее интенсифицировался. В период нацизма из Лужиц были изгнаны сербские священники и учителя, игравшие большую роль в деле сохранения национального самосознания и языка. Ассимиляционный процесс был ускорен этническими изменениями после второй мировой войны, когда в Лужицу переселились немцы из Польши и Чехословакии. Наряду с этим, процессу быстрой германизации способствовал еще ряд факторов. Один из них – система школьного образования, которая давала детям возможность в течение нескольких лет в совершенстве овладеть немецким языком, но не предоставляла достаточных средств для овладения родным сербским языком. Отрицательное влияние оказывало отсутствие единства серболужицкого языка. Негативно отражалось и очень продолжительное существование различного правосознания – "католического" и "евангелического". Даже после второй мировой войны евангелисты уклонялись от использования латиницы и предпочитали курент. Необходимость общения с государственными органами, немецкая языковая Среда в быту – на транспорте, на предприятиях и т.д., постепенно вели к билингвизму, а затем и к немецкой одноязычности. В результате в течение второй половины XX в. двуязычное население в Лужице уменьшилось с 79 до 37 тыс. человек. Однако некоторые, не говорящие по-сербски лица считают себя все же сербами. Учитывая это, можно полагать, что к настоящему времени существует около 50 тыс. лужицких сербов. Такова картина германизации малочисленного этникума, которую можно нарисовать на основе статей З. Богача, снабженных множеством таблиц и цифр, базирующихся на изучении источников различного характера.

Как известно, в ГДР лужицким сербам была

предоставлена широкая культурная автономия. Сербский язык преподавался в школах, в Лейпцигском университете существовал институт, готовивший сербских учителей, издавались газеты, журналы, календари и другие сербские издания на обоих языках, функционировала национальная организация "Домовина" с собственными издательством и типографией. И, наконец, существовал Институт серболужицкого народоведения АН ГДР, который за 40 лет своей деятельности практически сформировал соробистику как научную дисциплину. Его сотрудниками была написана история лужицких сербов в четырех томах, достигли успехов специалисты, изучавшие серболужицкие языки, литературу и т.д. Соробистика стала развиваться и в других странах – и не только славянских. Но несмотря на все это процесс ассимиляции лужицких сербов не был остановлен. Из этого следует, что даже активная работа, направленная на поддержание языка и сохранение самобытности этникума, не может задержать его ассимиляцию в условиях индустриального общества. Объективные экономические и социальные процессы и вытекающие из них демографические и социальные следствия оказывают сильнее субъективных устремлений определенных групп населения и отдельных деятелей, направленных на сохранение языка и других особенностей этникума.

Третья группа статей сборника З. Богача содержит много интересного этнографического материала. Так, в одной из них описывается древний обычай объезжать на лошадях определенную территорию по специальному ритуалу накануне праздников Воскресения Христа, в определенные дни страстной недели. Автор рассказывает об истории этого обычая и возрождении его в 1993 г. Большое внимание он уделяет особенностям церковной жизни лужицких сербов, отмечает их религиозную толерантность, выражавшуюся и выражающуюся в частности в том, что нередко в одном и том же храме осуществляется богослужение и по католическому, и по протестантскому обрядам. Характеризуя современных сербов в Лужице, автор отмечает не просто большое число образованных людей (крестьян, учителей, духовенства), но и высокий интеллектуальный уровень народа в целом. Это обстоятельство З. Богач объясняет двуязычием, которое, по его мнению, способствует развитию интеллекта (С. 131). Не ставя под сомнение культурный уровень современных лужицких сербов, заметим, однако, что язык сам по себе еще не делает человека образованным, а является только средством для достижения образованности. Практический житейский билингвизм не обязательно является гарантом интеллектуального развития.

В четвертый раздел сборника включены статьи по серболужицкой ономастике. Автор разбирает

вопрос о том, какие имена употреблялись лужицкими сербами за ряд столетий, исследует древнесербскую лексику в сербских личных именах (С. 203–210) и другие подобные вопросы.

Завершая краткий обзор книги З. Богача, следует отметить глубокие и всесторонние знания автора истории и современного состояния лужицких сербов, основанные на исследовании источников и широкой осведомленности в литературе. Однако конфессиональные пристрастия З. Богача (о католиках либо хорошо, либо ничего!) подчас не позволяют ему объективно судить как о процессах так и об отдельных людях и приводят к некоторым односторонним выводам.

Объединение ГДР и ФРГ изменило характер культурной автономии лужицких сербов. Вместо четырех серий научного журнала "Летопис" теперь выходит лишь один номер в год, есть и другие примеры ограничения культурной деятельности сербов. Но интерес славянских народов к лужицким сербам не угас, о чем свидетельствует в частности и появление польского журнала "Зешиты Лужицке" ("Лужицкие тетради"). Он издается с 1990 г. Институтом истории славянской филологии Варшавского университета и "Кружком любителей культуры лужичан". Редактирование материалов, их подбор и другую организационную работу осуществляет д-р Эва Сятковска с группой специалистов. Издание выходит тиражом в 200 экз. Ввиду не удовлетворительного состояния

обмена научными изданиями с другими странами, характерного для нашей действительности, в нашем распоряжении есть лишь номера 8 и 9 за 1994 г. Разумеется, столь скромный фонд материала не позволяет высказать достаточно определенное мнение о качестве и направленности издания в целом, поэтому приходится ограничиться краткой информацией: № 8 назван "Лужицкий калейдоскоп", в нем собраны статьи по истории, литературе, искусству, народному творчеству лужицких сербов, а также информация о деятельности польских и чешских обществ любителей лужицких сербов, рецензии на издания сербской поэзии. На С. 99–108 предлагаются образцы сербской поэзии в переводе на польский язык. № 9 назван "Лужичане и другие". Здесь также публикуется разнообразный материал по упомянутой в названии проблематике, например, информация о сорабистике в Венском университете во второй половине XX в., о серболужицкой литературе в Польше, об отношении М. Горника к полякам, хроника о сорабистических конференциях и симпозиумах, образцы народной серболужицкой поэзии и прозы. На наш взгляд, материал, содержащийся в двух упомянутых номерах "Лужицких тетрадей", весьма интересен и оригинален. Остается лишь приветствовать новое издание, посвященное малому славянскому этникуму.

© 1996 г. *Лантева Л.П.*

Славяноведение, № 4

И.И. СВИРИДА. Сады Века философов в Польше. М., 1994. 216 С. с илл.

Книга И.И. Свириды "Сады Века философов в Польше" является несомненной удачей автора и вносит весомый вклад в отечественную науку. Она посвящена теме на первый взгляд частной, но на самом деле очень сложной, ибо эта тема синтезирует самые различные стороны культуры XVIII в.

Избранный автором аспект исследования позволяет, не выводя читателя из поэтической атмосферы парковой архитектуры, одной из самых привлекательных областей искусства XVIII в. – подвести его к пониманию кардинальных проблем культуры того времени, в том числе и их польской специфики. Детали, касающиеся садов, их планировки, садовых построек сами по себе очень интересны, но автор, найдя им точное место в общей структуре книги, высвечивает важные стороны польской просвещенческой мысли и образа мира той эпохи.

Задачей книги, как ее формулирует автор, является "историко-культурная реконструкция духовного мира польских парков" (С. 3). Однако это лишь внешний слой многопланового исследования. Главным оказывается изучение отношений природы и культуры, важнейшей для интерпретации "образа мира" любой эпохи. Тем более важно это для XVIII в., так как, по словам автора, "отношения природы и культуры, сложившиеся в эпоху Просвещения... оказались в центре внимания философской, этической, педагогической, эстетической мысли". Это привело к тому, что – продолжим цитату – "именно в эпоху Просвещения садово-парковое искусство... первый и, может быть, единственный раз в европейской культуре вошло в число ведущих видов творчества и наряду с музыкой и театром могло претендовать на роль художественной доминанты" (С. 8). Задав таким образом основные параметры исследования, автор

включает в рассмотрение искусствоведческие, идеологические и социально-этические вопросы, вводит их в обширный контекст. Автор привлекает "дробный" материал из различных, весьма несхожих областей культуры и искусства, но все время остается в сфере проблематики, формирующей образ эпохи.

Сильной стороной книги является отличное знание менталитета эпохи, умение рассмотреть "парковый быт" в его непосредственной данности, увидеть игровой момент, "изящное кокетство" за рассуждениями о пользе "меланхолического уединения"; за собиранием греческих сосудов и осколков римских урн – грядущую эпоху музеев.

Отметим, что структура книги является одним из ее больших достоинств: она строга и уравновешена, что позволяет избежать мозаичности. Книга вообще может быть названа гармоничной. Она свободно написана и хорошо соотносится по своей стилистике с предметом исследования. Она состоит из следующих частей: после общей вводной главы "Природа и сад в культуре Просвещения", где автор определяет теоретический контекст исследования, следуют главы: "Концепция естественного парка. Между утопией и прагматикой", "Поэтика естественного парка"; «"Естественный человек" в естественном парке»; "В поисках тайных смыслов" и небольшая, но чрезвычайно важная заключительная глава "От Просвещения к романтизму". Автор не поддается искушению чрезмерно увлечься какой-нибудь одной из этих тем, столь заманчивых для историка культуры. В частности, сказанное касается довольно специфической области эзотерической символики парка – темы, которая в таком серьезном плане в нашей науке никогда не поднималась, особенно в связи с XVIII в., который для большинства историков все еще остается синонимом "Века разума", материализма и антиклерикализма. Сложнейшая проблема менталитета эпохи Просвещения, как правило, решается исследователями в "выпрямленном" виде. Это касается ее идейного содержания, стилевых ориентиров, обычно довольно жестко привязанных к оппозиции "классицизм-рококо" или "классицизм-барокко".

И. Свирида нарушает оба эти стереотипа, в чем видится одно из достижений автора. Так, в главе "В поисках тайных смыслов" в ключе общей "парковой проблемы" рассматривается масонство, что заставляет по-новому увидеть такие, казалось бы, чисто искусствоведческие вопросы как идея света, материализовавшаяся в особых приемах освещения; или строение ландшафта, разбивка парка, прогулка по которому оказывается инициацией. Автор, утверждающий, что "гностицизм, вопреки бытующим представлениям, весьма широко проник в культуру XVIII в. и составляет органическую часть ее антиномичной структуры" (С. 124) очень доказателен. И. Свирида показывает, чем являлись на самом деле принципы тайнознания для

культуры XVIII в., и именно в Польше; в результате чего читатель еще раз убеждается в парадоксальной структуре мышления той эпохи, наполненной закрытыми обществами, пронизанной тайными учениями и увлечением натуральной магией. Мы указали бы также на ту роль, которую играла в эту секуляризованную эпоху не "парарелигия" (так называет И. Свирида масонство – мы предпочли бы термин "квази-религия"), а догматическое христианство. Убеждение в его полном упадке, в замене христианских догм наукой и наукообразной герметической мистикой – еще одна легенда о XVIII столетии. Достаточно было бы назвать имена святых и мистиков, именно в этот, казалось бы столь роковой для судеб христианства век, основывавших новые братства и ордена. Назовем хотя бы глубоко мистический орден "миссионеров крови Христовой", созданный на рубеже XVIII–XIX вв. Гаспаром дель Буфало в Италии. Отметим, что именно польские иезуиты сохранили в годы временного его закрытия свой статус и традиции. Многие масоны-художники, как талантливый Войняковский, работали для костелов, и целый набор используемых ими символов относится в равной мере и к масонской, и к ортодоксальной христианской символике. Эта тема хранит в себе большие исследовательские возможности и ждет своего изучения.

Если раскрытие "тайных смыслов" в структуре парка позволило И. Свириде уточнить образ польского Просвещения, то "открытое" понимание художественных тенденций расширило представления о стилевых направлениях эпохи. И. Свирида глубоко права, определяя стилевое многообразие как основу паркового зодчества. (Оно было предложено эпохой, а точнее – стало неизбежным для Нового времени.) Автор подчеркивает доминанцию в садовом искусстве классицистического принципа "истинная природа – прекрасная природа". Отказ от слишком прямой и "жесткой привязки" искусства эпохи к тому или другому стилю, желание учесть многообразие стилевых импульсов характеризуют работу И. Свириды как исследование, которое предполагает многоплановость и парадоксальность описываемого времени. Обнаружить многообразие истоков и противоречивость устремлений, не препятствующих, тем не менее, созданию полноценных органических художественных образов, гораздо сложнее в наследии XVIII в., чем, скажем, в Ренессансе, где "многоголосие" и открытость самой системы культуры проявляли себя гораздо более наглядно. Тем серьезнее заслуга автора.

Методологические принципы автора сказываются во всем, в том числе и в терминологии. "Естественный" парк, а не "пейзажный" или английский, – пишет она. Характерно, что сходный термин употреблял и А. Болотов, которому русское парковое строительство обязано многим, в частности, своим национальным оттенком: он пред-

почитал название "натуральный", а в конкретных парковых планировках предлагал сочетание принципов регулярности (ближе к дому) и живописности (в более отдаленных частях парка). Вся поэтика русской усадьбы строилась на таком "нечистом" в отношении стиля варианте, что подчеркивает типологические сходжения русского и польского парков, чему, как очень бы этого хотелось, автор мог бы уделить больше внимания.

Исследуя огромный материал, во многих случаях кропотливо восстанавливая облик прекрасных "живых памятников" просвещенной Польши, И. Свирида сумела привлечь новые архивные документы. Это, например, обнаруженная работа выдающегося архитектора Я.Х. Камзетцера – план Белостока и его парка; описание виллы Плиния Младшего, сделанное С.К. Потоцким для планировавшегося им иллюстрированного издания; извлеченная из забвения рукопись М. Борха и ставшая библиографической редкостью ее публикация. В Приложении "Польские парки в описаниях современников" даются оригинальные прозаические и поэтические тексты XVIII в. Они позволяют лучше понять, чем был парк для просвещенного человека XVIII столетия, вносят свободу и живой дух в строгое научное исследование и в большинстве впервые переведены самим автором.

Отличное владение изобразительным материалом позволило И. Свириде создать удачный зрительный ряд, включив в него графику, живопись, архитектурные виды и планы, что проиллюстрировало целый ряд теоретических положений книги. Иллюстрирование подобного комплексного труда – задача особая, сама по себе нелегкая; в ее решении можно отметить вкус и знания автора.

Наши замечания к книге И. Свириды "Сады Века философов в Польше" хотелось бы заменить пожеланием. Оно связано с одним из самых сильных разделов книги – небольшой завершающей главой "От Просвещения к Романтизму". Лакоизм изложения и скупость анализа отдельных феноменов культуры, вообще присущие автору и составляющие одно из достоинств книги, в которой буквально нет лишней строки, кажутся в данном случае чрезмерными. Касающееся дальнейшей судьбы естественного парка, его связи с романтизмом и бидермейером, это заключение воспринимается как конспект гораздо более обширного труда, ожидать который от автора тем естественнее, что поднятые в нем проблемы лежат в сфере его постоянных научных интересов.

В целом подчеркнем, что такого широкого и многопланового исследования польских садов эпохи Просвещения не предпринималось в нашей науке.

© 1996 г. Тананаева Л.И.

Славяноведение, № 4

Руска емиграција у српској култури XX века / Отв. редактор Миодраг Сибинович. Београд, 1994. Т. 1–2.

Русская эмиграция в сербской культуре XX века

Двухтомный сборник статей о роли русской эмиграции в сербской культуре XX в., подготовленный филологическим факультетом Белградского университета, создан на базе материалов конференции, которая была организована кафедрой славистики в 1993 г. В статьях представлены самых разных сфер культуры и науки, от известных сербских ученых и мастеров искусств до скромных очевидцев событий, а также краеведов-энтузиастов, в течение многих лет занимавшихся исследованием судеб русской эмиграции в Сербии, представлена широчайшая панорама деятельности русской эмиграции периода между двумя войнами. Задачей сборника, по мысли его составителей – М. Сибиновича, Марии Межински и Алексея Арсеньева – было положить начало систематическому изучению вклада русской эмиграции в серб-

скую культуру. Обилие исторических данных и статистического материала отражает стремление участников труда охватить явление в его наиболее широком спектре и представить деятельность русской эмиграции как можно более объективно.

А масштабы этой деятельности трудно переоценить. Общее число беженцев и эмигрантов из России, поселившихся в период с 1919 по 1923 гг. в Королевстве сербов, хорватов и словенцев, достигло 45 000. В своем подавляющем большинстве это была интеллигенция – высшие слои аристократии, кадровые офицеры царской армии, квалифицированные педагоги, врачи, инженеры, художники и артисты. Хотя судьба изгнанников складывалась по разному, ни одна другая европейская страна не могла сравниться с Королевством СХС, особенно Сербией, по тому радушию, с каким были приняты

переселенцы: сказывалось традиционное русофильство сербов, родство духа, а также давние династические связи монархической верхушки. Белград стал одним из основных европейских центров русской эмиграции и местом стяжения известных русских философов, писателей и ученых из других центров, что способствовало распространению информации о сербах по всей Европе. При поддержке правительства и самого короля Александра в Сербии были организованы русские учебные заведения, созданы многочисленные эмигрантские представительства и профессиональные союзы русской колонии, университеты распахнули свои двери перед русскими профессорами (один только Белградский университет насчитывал в 30-е годы более 70 русских сотрудников). Впрочем, драматические коллизии, сопровождающие любую встречу двух культур, не замедлили сказаться и здесь: первоначальный энтузиазм, с которым были приняты беженцы, вскоре сменился охлаждением, подчас среда отторгала чужеродцев, а порой она принимала их, не будучи в состоянии востребовать их значительно более высокий культурный потенциал и зачастую даже не подозревая о том богатстве духа и рафинированной культуре, которые эти чудакующие изгнанники носили в себе. И тем не менее, вклад отечественной эмиграции в сербскую науку, искусство, образование, ее воздействие на целокупный духовный ландшафт Сербии огромны. Находившаяся в начале 20-х годов на этапе интенсивного самостроительства, сербская культура была особенно пластична – русские эмигранты во многом определили ее будущие очертания и в известной степени наложили отпечаток на менталитет последующих поколений сербской интеллигенции. По справедливому замечанию проф. М. Сибиновича, автора вводной проблемной статьи, присутствие русского элемента в сербской культуре позволило сербам избежать ложной дилеммы – национальное или европейское, равно как, с другой стороны, помогло и осознать отсутствие знака равенства между официозом советской и целостным организмом российской культур. Вместе с тем, следует учитывать, что основу эмиграции в Сербии составили люди правой политической ориентации, что привело к тому, что важнейшие блоки российской художественной культуры того времени, например, авангард, не могли быть ими адекватно представлены, и это отразилось на приоритетах в выборе культурных ориентиров сербов в дальнейшем.

Сборник содержит много ценной информации, подтверждающей его заглавие. Так, благодаря эмигрантам в Сербии был создан не существовавший здесь ранее балет (школа Е. Поляковой, творчество Н. Кирсановой и А. Жуковского), до уровня европейских стандартов было поднято оперное искусство, театр (интересна статья Б. Косановича о Ю. Ракитине, постановщике пьес Островского в Нови Саде), заложены основы класси-

ческой сценографии, создан новый архитектурный облик Белграда (здесь работали архитекторы Н. Краснов, В. Баумгартен, Г. Самойлов). Сборник содержит ценный материал, касающийся расселения русских монахов в сербских обителях, об участии русских врачей, инженеров, строителей и учителей в развитии соответствующих областей жизни страны. Русские ученые стояли у истоков развития теоретической физики, современной гидромеханики, а инженеры-конструкторы закладывали основы авиастроения. Заслуги русских ученых нашли здесь признание: 9 человек стали членами Сербской королевской Академии, около 600 – профессорами и преподавателями высших и средних учебных заведений.

Большой интерес представляет освещение вклада отечественной эмиграции в славистику, ибо в этой области культура Сербии обогатилась трудами общемирового значения, и было сформировано целое поколение сербских гуманитариев высокого класса. Так, в сборнике нашел отражение вклад русских ученых в византистику – историческую науку, историю права, палеославистику, искусствоведение: труды Г. Острогорского, В. Мошина, А. Соловьева, Ф. Тарановского, С. Троицкого, С. Пульбашина, Н. Окунева. В лингвистическом и преподавательском аспектах освещена деятельность К. Тарановского (статья Б. Терзича). Интересен материал, представленный в разделе литературы. Здесь помещены статья о неопубликованной работе Е. Аничкова, посвященной проблемам эстетики св. Августина (Е. Успенски), обзор перелиски Е. Ляцкого о деятелями сербской культуры (В. Милинчевич), приведены высказывания о Маяковском в эмигрантской критике (С. Костиц), отражены материалы Конгресса писателей в Белграде 1928 г. (З. Пауикович). Среди последних особенное впечатление производят сбывшиеся пророчества Мережковского относительно грядущего наступления большевизма на южных славяна, смягченные, впрочем, некой оптимистической нотой относительно витальности славянства. Менее выразителен, хотя и очень богат по своему фактическому содержанию, материал, касающийся изобразительного искусства – русских живописцев и иконописцев (статья Б. Вуйовича, И. Суботич, У. Раичевича и др.), что в известной мере обусловлено тем, что ведущие мастера живописи предпочли в те годы селиться в более крупных художественных центрах Европы. Исключения составляют художники театра, высокие профессионалы, заложившие основы сербской сценографии (статья О. Миланович). Любопытен, вместе с тем, тот факт, что группа молодых русских художников в 20-е годы, принимая активное участие в создании стрипа (комикса), создала Белграду славу одного из ведущих международных центров этого нового вида визуальной массовой культуры (статья Ж. Богдановича). Выразительный облик бытования русской интеллигенции в

срединном слое сербской культуры, в сербской глубинке, рисуют статьи о русских в Воеводине (А. Арсеньев), о библиотеке в Сеите (Д. Рамадански). Эти и многие другие материалы сборника проникнуты духом личной сопричастности к нелегким судьбам русской эмиграции, сочувствия к ней, овеяны искренним чувством благодарности к русским учителям и коллегам.

Русская эмиграция в Сербии дает пищу для размышлений исследователям самых разных областей, и горизонты этого неохватного поля еще только начинают прорисовываться. В ряде областей данная проблематика к настоящему времени изучена достаточно подробно (например, в области истории литературы), в других сферах существуют пробелы. Отсюда – некоторая неоднородность статей по степени проработанности материала, ориентированность большинства публикаций на фактологические данные; порой ощущается нехватка широких проблемных постановок вопроса, освещения глубинных процессов взаимо-

действия сербской культуры с русской диаспорой. Однако в качестве задела для будущих, более многомерных, исследований, сборник представляет несомненную ценность. В этом отношении к числу достоинств труда следует отнести наличие избранной библиографии (составлена А. Арсеньевым), а также именного указателя к томам.

Материалы двухтомника имеют значение, выходящее за рамки обозначенных целей: они помогают сформировать более точное представление о специфике югославянской части русской диаспоры, ярким отличием которой было ее более глубокое, чем в других областях Европы, слияние со средой, ее большую восприимчивость к национальной культуре. Не случайно многие русские эмигранты, прожившие не один год вдали от Сербии (например, Кирилл Тарановский), в конце жизненного пути именно ее считали своей второй родиной.

© 1996 г. Злыднева Н.В.

"Дело славистов" – трагедия отечественной науки

10–11 января 1995 г. в Институте языкознания РАН прошла научная конференция по истории отечественной филологической науки [1], как своего рода ознаменование 60-летия "дела славистов" (1933–1934 гг.).

Конференцию открыл *В.П. Нерознак*, отметивший, что, подводя итоги развития отечественной науки в XX ст., мы начинаем осознавать масштабность вклада отечественных ученых первой трети века и их трагическую судьбу в 30-е годы. 1994 год был ознаменован двумя крупнейшими событиями в области изучения истории отечественной филологии. Вышел сборник материалов международной конференции, посвященной *Н.С. Трубецкому* – гордости отечественной науки [2] и опубликовано детальное исследование о начале ее трагедии, "деле славистов".

В.Н. Ярцевой был прочитан доклад о месте и роли отечественного языкознания в мировой науке о языке.

В силу специфики культурно-исторических, этнических, географических, экономических и социально-политических условий, по мнению *В.К. Журавлева*, к концу XIX в. отечественное языкознание заняло ведущее место среди других наук гуманитарного цикла в России. Более двух третей всего состава ее Академии наук непосредственно или опосредованно занимались изучением языков народов России и сопредельных стран. К началу XX в. отечественное языкознание заняло ведущее место в мировой лингвистике. В недрах отечественной науки сформировалось "лингвистическое мировоззрение" XX в., оказавшее благотворное влияние на развитие научного мышления этого столетия, стимулируя интеграцию научных знаний о человеке. Первая волна эмиграции отечественных ученых в Европу и Америку (20–40-е годы) обеспечила дальнейшее развитие достижений отечественной науки во всем мире и лидирующую роль лингвистики в науках гуманитарного цикла.

Авторы уникального исследования "дела славистов" *Ф.Д. Ашин* и *В.М. Алпатов* представили научной общественности свою книгу, основанную на архивных материалах ОГПУ – КГБ СССР [3]. Ими выявлено, что в 1933–1934 гг. в ОГПУ было сфабриковано "дело" "Российской национальной партии", якобы руководимой "Закордонным мозговым центром" (князь *Н.С. Трубецкой*, *Р.О. Яковсон*, *П.Г. Богатырев*) и "ставившей своей целью свержение советской власти и установление в стране фашистского режима". В Москве и Ленинграде по "делу" пострадали 75 человек, в том числе ведущие русисты и слависты. Условно это "дело" именуется "делом славистов". Тем самым органы ОГПУ постарались изъять из науки и культуры большую группу первоклассных ученых и педагогов, авторов значительных работ и учебных пособий (*Н.Н. Дурново*, *М.Н. Сперанский*, *Г.А. Ильинский*, *А.М. Селищев*, *В.В. Виноградов*, *А.И. Павлович* и др.). Часть из них погибла в 1937–1938 гг. Других выпустили из лагерей на "свободу". Жизнь их была тяжелой. До конца дней своих они испытывали ущербность своей судьбы. Война и последующее строительство "социалистического лагеря" доказали необходимость славистики и науки о русском языке.

Центральной фигурой "дела" "Российской национальной партии" был *Н.Н. Дурново* (1876–1937), крупнейший из отечественных лингвистов начала века. Его блестящей научной деятельностью и трагической судьбе был посвящен доклад *Т.А. Сумниковой*. *Н.Н. Дурново* являлся руководителем Московской Диалектологической комиссии, признанного центра лингвистической мысли, прообраза Пражского Лингвистического кружка, членом-корреспондентом АН, автором более 150 фундаментальных исследований по истории и диалектологии русского языка. После ликвидации Комиссии по составлению словаря русского языка (1923) он остался без работы и фактически не имел элементарных средств существования до ареста

(1933). Жизнь бросала его то в Прагу, то в Брно, то в Минск, то возвращала в Москву. Однако и в тяжелейшей жизненной ситуации он продолжал продуктивно работать, успев издать "Введение в историю русского языка", "Очерки истории русского языка", "Словарь лингвистических терминов", систематизировав понятийный аппарат Московской (формально Фортунатовской) лингвистической школы. При аресте пропала его рукопись "Истории русского литературного языка". Н.Н. Дурново расстрелян 27 октября 1937 г.

О невосполнимых потерях науки рассказал *В.К. Журавлев* на примере трагической судьбы члена-корреспондента АН Г.А. Ильинского – автора 500 опубликованных работ по славянской филологии, языкознанию, литературе, истории духовной культуры, истории славянской письменности и истории славянских народов. Г.А. Ильинский был расстрелян 14 декабря 1937 г. С его смертью остались без завершения "Введение в славянскую филологию", "Этимологический словарь" и "Праславянская грамматика", которые он готовил к печати. Спустя четверть века пришлось издавать русский этимологический словарь в переводе... с немецкого языка.

Еще в первом издании "Праславянской грамматики" (Нежин, 1916) Ильинский впервые сформулировал задачи, предмет и метод науки о праславянском языке. Война и революция перекрыли дорогу уникального исследования к специалистам. Набранные листы второго ее издания по приказу Н.Я. Марра были "сданы в макулатуру". П. Бузук опубликовал в Минске небольшой очерк по истории праславянского языка, но и он в том же 1934 г. безотносительно к "Российской национальной партии" был репрессирован и 17 февраля 1938 г. расстрелян. История праславянского языка была "книгой жизни" Н.С. Трубецкого. Рукопись пропадала и восстанавливалась. Аншлюс Австрии, допросы "красного князя", обыски, конфискация рукописей, наконец, смерть 25 июня 1938 г. Рукопись труда по истории праславянского языка пропала в гестапо. В 1951 г. пришлось издавать русский перевод с французского "Общеславянского языка" А. Мейе. Но эта работа – лишь коллекция разрозненных фактов. В 1963 г. славистическая общественность на V Международном съезде славистов в Софии тепло встретила и высоко оценила реферат по истории праславянского языка автора этих строк. Но целостную монографию издать пока не удалось, целостное представление о предмете рассыпалось по отдельным статьям.

Расстрелявая Г.А. Ильинского, целились в его кирилло-мефодиевскую библиографию, подводящую итоги многолетних исследований отечественными и зарубежными учеными центральной проблематики славянской филологии. *А.Н. Горяинов* рассказал о проф. М.Н. Попруженко (1866–1944), эмигрировавшем в Болгарию и всячески содей-

ствовавшим Г.А. Ильинскому в издании его последнего труда "Опыт систематической кирилло-мефодиевской библиографии" (София, 1934). Обеспечив публикацию этой книги, Попруженко успешно продолжил сбор и систематизацию библиографических материалов. В 1942 г. вышла "Кирилло-мефодиевская библиография" за 1934–1940 гг., составленная Попруженко и болгарским филологом Ст. Романским.

О необходимости восстановления утраченных научно-исследовательских традиций говорил *Е.М. Верещагин*, посвятивший свое выступление научной деятельности Н.Л. Туницкого (1878–1934). Крупнейший исследователь истоков славянской письменности, автор двух книг о Клименте Охридском и публикации текста греческого Пространного жития святого, Туницкий разработал научные принципы перевода греческой житийной литературы на современный русский литературный язык. Докладчик поделился своим опытом перевода с греческого языка Синаксарного жития Клиmenta Охридского.

О тяжелом положении отечественных славистов, выбитых войной и революцией из прежних славистических центров России, рассказала *Л.П. Лантвева*, посвятившая свое выступление члену-корреспонденту АН, автору 400 серьезных исследований по славянской филологии, В.А. Францеву (1867–1942). В 1921 г. он эмигрировал в Прагу, но, даже став профессором весьма престижного Карлова университета, не смог найти себя. До конца дней своих он тосковал об утраченной родине. Ему было "трудно, тяжело жить без отчизны, без почвы под ногами, без родного воздуха". Но возвращаться в Советскую Россию он отказывался даже тогда, когда его избрали действительным членом АН (1922).

М.Ю. Досталь рассказала о трагической судьбе ученых, на которых первоначально пыталась опираться Советская власть. Академик Е.Ф. Карский (1860–1931) входил после Октября 1917 г. в руководящие органы АН: член Правления и Президиума АН, директор Музея антропологии и этнографии, председатель Словарной комиссии и Комиссии по русскому языку, ответственный редактор "Известия ОРЯС" и др. В 20-е годы он продолжал успешно работать и завершил фундаментальное исследование "Белорусы", издал "Русскую диалектологию" и "Славянскую палеографию". В 1928 г. началась публичная травля Карского и академиков "старой школы" вообще, резко критиковались комиссия, руководимые Карским. К 1930 г. расформировали Отделение русского языка и словесности (более одной трети состава всех академиков). Травлю поддержала газета "Советская Беларусь". В апреле 1931 г. сердце крупнейшего ученого, отца белорусоведения перестало биться.

В том же году был арестован в Минске

П.А. Бузук (1891 – 17 февраля 1938). О нем сделал доклад *О.С. Широков*. Заключая свое краткое сообщение, Широков сказал: "Не жертвы нуждаются в реабилитации и оправдании, а их виновники – в покаянии и прощении. Без этого невозможно сейчас сохранить и сберечь русскую национальную культуру".

Л.Ю. Астахина и *Г.А. Богатова* рассказали о словарной комиссии АН (1925–1934), об истории картотеки древнерусского языка, о трудностях создания исторических словарей русского языка.

Ф.Д. Ашин в сообщении "Последние дни акад. А.Е. Крымского" (1871–1942) говорил о трагической судьбе ученого востоковеда, арабиста, ираниста и тюрколога, слависта-украиниста, поэта и переводчика, одного из организаторов Украинской АН и ее первого неперменного секретаря. Уже в начале 30-х годов он оказался "не у дел", а когда началась Великая Отечественная война тяжело больной и почти совсем слепой академик был арестован по ложному обвинению в "контрреволюционной деятельности", этапирован в г. Кустанай, где и умер в тюремной больнице в январе 1942 г. Среди огромного числа монографий особое место занимают его работы по проблемам украинского национального языка, история украинского языка с хрестоматией, работы по украинской диалектологии, фольклористике и этнографии. Им разработаны нормы украинской орфографии, принципы создания двуязычных русско-украинских и украинско-русских терминологических словарей.

Нереализованными оказались научные заделы и планы не только славистов, но и всех других направлений отечественной филологии. *Г.Ф. Благова* рассказала о крупнейшем тюркологе А.Н. Самойловиче, инициаторе сравнительно-исторического изучения тюркских языков. Много лет он работал над "Грамматикой чагатайского языка". Однако в условиях тоталитаризма, "классовой и идеологической борьбы" был наложен запрет на термин "чагатайский". Автор грамматики был репрессирован и расстрелян (февраль 1938 г.).

Были, однако, и ученые, сохранявшие науч-

ную продуктивность и возможность публиковать свои труды за счет внутренней душевной трагедии. *В.М. Алпатов* обрисовал трагический облик Н.Н. Поппе (1897–1991), талантливейшего монголиста, специалиста по тюркским тунгусо-манчжурским языкам, члена-корреспондента АН СССР. Еще в 30-е годы он сознательно шел на компромисс с властями ради возможности продуктивно работать. А в 1942 г. он перешел на сторону гитлеровцев, сотрудничал с гестапо, но активно публиковал свои работы на немецком языке. Объективно оценивая его вклад в востоковедение, следует признать, что Поппе был лингвистом-универсалом, хорошо знавшим лингвистическую методику, умело собиравшим и владевшим богатым лингвистическим материалом.

Подводя итоги "идеологической борьбе", *А.А. Леонтьев* убедительно показал, что люди, выступавшие под флагом марксизма, ничего общего с философией Маркса не имели. Подлинный марксизм был объявлен "меньшевистствующим идеализмом". Показательна неудача Е.Д. Поливанова в его попытке построить "марксистское языкознание" на фоне победоносного шествия марнизма.

В заключение *В.П. Нерознак* обратил внимание исследователей на изданное собрание писем Н.С. Трубецкого как на уникальный источник по истории отечественной и мировой лингвистики [4].

© 1996 г. Журавлев В.К.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Из истории отечественной филологической науки. 20–30-е годы. Тезисы докладов конференции. М., 1994.
2. Н.С. Трубецкой и современная филология. М., 1994.
3. *Ашин Ф.Д., Алпатов В.М.* "Дело славистов", 30-е годы. М., 1994.
4. N.S. Trubetzkoy's Letters and Notes / Prepared for Publication by R. Jakobson. Hague; Paris, 1975; 2-d ed. Berlin; New-York; Amsterdam, 1985.

НОВЫЕ ИЗДАНИЯ ИНСТИТУТА СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ РАН

В 1993–1996 гг. в Институте славяноведения и балканистики РАН вышли следующие издания:

- *Тысячелетие введения христианства на Руси. М., 1993.
- *Дополнения к Предварительному списку славяно-рукописных книг XV в., хранящихся в СССР. М., 1993.
- **Косик В.И.* Время разрыва. Политика России в болгарском вопросе, 1886–1894 гг. М., 1993.
- **Костюшко И.И.* Аграрная реформа 1848 г. в Австрии. М., 1993.
- **Шемякин А.Л.* Радикальное движение в Сербии. М., 1993.
- **Лицатов А.В.* Литература в кругу шляхетской демократии. М., 1993.
- *Литературный авангард. Сб. статей. М., 1993.
- *Ян Коллар – поэт, патриот, гуманист. М., 1993.
- Натура и культура. Тезисы конференции. Москва, ноябрь, 1993.
- *Исследования по славянской диалектологии 2. М., 1993.
- *Символический язык традиционной культуры. Балканские чтения II. М., 1993.
- *Типологические и сопоставительные методы в славянском языкознании. М., 1993.
- *МАИРСК – 26. Международная ассоциация по изучению и распространению славянских культур. Информационный бюллетень.
- *МАИРСК – 27.
- Пленники национальной идеи. М., 1993.
- *Проблемы развития и функционирования современных славянских литературных языков. Сб. статей. М., 1993.
- Европейское социалистическое движение. 1914–1917. Разрубить или развязать узлы? М., 1994.
- *Политические партии и движения в Восточной Европе. Проблемы адаптации к современным условиям. М., 1994.
- Польско-советская война. 1919–1920. Ранее неопубликованные документы и материалы. М., 1994.
- Михутина И.В.* Польско-советская война, 1919–1920. М., 1994.
- **Улунян А.А.* Россия и освобождение Болгарии от турецкого ига. 1877–1878. М., 1994.
- Российское византиноведение. Итоги и перспективы. Сб. тезисов конференции. М., 1994.
- Славяне и их соседи. Греческий и славянский мир в средние века и раннее время. (Тезисы XIII конференции). М., 1994.
- **Фрейдзон В.И.* Судьбы крестьянства в общественной мысли Хорватии XIX – нач. XX в. М., 1994.
- **Костюшко И.И.* Аграрные реформы в Австрии, Пруссии и России в период перехода от феодализма к капитализму. М., 1994.
- **Шушарин В.П.* Крестьянская война 1514 года в Венгрии. М., 1994.
- *Славянские съезды XIX–XX вв. Сб. статей. М., 1994.
- *НКВД и польское подполье. 1944–1945. (По "Особым папкам" И.В. Сталина). М., 1994.
- *Национализм и формирование наций. Теории – модели – концепции. М., 1994.
- *Очаги тревоги в Восточной Европе (Драма национальных противоречий). М., 1994.

*Семенова Л.Е. Дунайские княжества в международных отношениях в Юго-Восточной Европе (конец XIV – первая половина XVI в.). М., 1994.

*История. Культура. Этнология. Доклады российских ученых к VII Международному Конгрессу по изучению Юго-Восточной Европы. М., 1994.

*Время в пространстве Балкан. Свидетельства языка. М., 1994.

*Специфика литературных отношений. М., 1994.

*Общекарпатский диалектологический атлас. М., 1994. Вып. 2.

Миф и культура. Человек – не-человек. Сб. тезисов конференции. М., 1994.

*Кишкин Л.С. Литература среди искусства и наук. М., 1994.

*Австро-Венгрия. Опыт многонационального государства. М., 1995.

*Бывшие "хозяева" Восточной Европы. М., 1995.

*Движение Сопротивления в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. 1939–1945. М., 1995.

*Знакомый незнакомец. Социалистический реализм как историко-культурная проблема. М., 1995.

*Из истории общественной мысли народов Центральной и Восточной Европы (конец XVIII – 70-е годы XIX в.). М., 1995.

*Национальный вопрос в Восточной Европе. Прошлое и настоящее. М., 1995.

*Национальный эрос в культуре. Тезисы докладов. М., 1995.

*Никифоров Н.В. Сербия в середине XIX в. Начало деятельности по объединению сербских земель. М., 1995.

*Постреволюционная Восточная Европа. Экономические ориентиры и политические коллизии. М., 1995.

*Проблемы становления и развития серболужицких литературных языков и диалектов. Сб. статей. М., 1995.

*Пушкаш А.И. Внешняя политика Венгрии. Апрель 1927 г. – февраль 1934 г. М., 1995.

*Савченко В.Н. Восточнославянско-польское пограничье. 1918–1921 гг. Этносоциальная ситуация и государственно-политическое размежевание. М., 1995.

*Славяне и их соседи. Имперская идея в странах Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы (Тезисы XIV конференции). М., 1995.

*Тоталитаризм. Исторический опыт Восточной Европы. М., 1995.

У истоков "социалистического содружества": СССР и восточноевропейские страны в 1944–1949 гг. М., 1995.

*Данченко С.И. Развитие сербской государственности и Россия. 1878–1903. М., 1996.

*Книги, отмеченные звездочкой, Вы можете приобрести по адресу: 117334, Москва, Ленинский пр-т, 32А, корп. В, Институт славяноведения и балканистики РАН, комн. 920. Тел. (095) 938-54-66, Гурьева Маргарита Васильевна. Только за наличный расчет.

ГОТОВЯТСЯ К ПЕЧАТИ

Русская эмиграция в Югославии

Сборник статей югославских и российских исследователей посвящен научной, педагогической, культурной и хозяйственной деятельности русской послеоктябрьской эмиграции в Югославии. В него вошли статьи, освещающие различные аспекты жизни русской диаспоры в Югославии: общие статистические данные, сведения о прибытии и размещении беженцев, жизнь эмиграции в рамках созданных ею общественных организаций, культурные связи с местной интеллигенцией, вклад ряда видных представителей эмиграции в экономику, науку и искусство Югославии. В сборнике помещена избранная библиография книг и статей о жизни и деятельности русской эмиграции в Югославии, включающая 410 названий. Имеется также словарь-указатель деятелей русской эмиграции, упоминаемых в сборнике.

А.С. АНИКЕЕВ. Югославия и политика США на Балканах в первые послевоенные годы: 1946–1956 / Отв. ред. Ю.С. Новопашин

Монография посвящена малоизученной в российской историографии проблеме – политике США на Балканах и их отношениям с Югославией в годы "холодной войны" и в период советско-югославского конфликта. В работе исследуются различные концептуальные и практические аспекты американского курса, попытки США использовать изгнанную из советского блока Югославию для укрепления своих военно-политических позиций в регионе и, одновременно, для ослабления идеологических позиций Москвы в коммунистическом движении. Анализируется воздействие "доктрины Трумэна" на усиление конфликтного характера советско-югославских отношений в конце 40-х годов. На основе материалов из российских архивов рассматриваются некоторые стороны формирования "социалистического лагеря", попытки сталинской верхушки превратить конфликт с Югославией в инструмент дальнейшей консолидации стран "народной демократии".

Л.А. СОФРОНОВА. Старинный украинский театр / Отв. ред. С.Е. Князьков

Монография посвящена проблемам украинского театра XVII–XVIII вв. Украинский театр рассматривается как часть целого – школьного театра региона, составляемого Польшей, Украиной, Россией; в нем выявляются черты, роднящие его как с польским, так и с русским театром на уровне сюжета, тематического репертуара, риторических фигур. Отмечена посредническая роль украинской культуры, ее срединное положение, позволявшее ей вступать в активное взаимодействие как со славянским Западом, так и Востоком.

CONTENTS

ARTICLES

<i>Kishkin L.S.</i> (Moscow). Russian emigration in Prague: presse, education, humanistics (1920–1930)	3
<i>Kyoseva C.</i> (Sofia). Russian artists-emigrants in Bulgaria	11
<i>Adelheim I.E.</i> (Moscow). The psychological Prose in Poland during interwar period.....	24
<i>Moloshnaya T.N.</i> (Moscow). The Grammar category of verbals representation in the contemporary Slavic languages.....	35

COMMUNICATIONS

<i>Zhelitsky B.J.</i> (Moscow). The Party elite authorities about the character and essence of the Hungarian events in 1956.....	45
<i>Malieva E.</i> (Prague). Andrew Bely's "Petersburg" (notes of translator).....	51

PUBLICATIONS

<i>Sokolovskaya O.V., Churkina I.V.</i> (Moscow). The correspondence between the Greek Quin Olga Konstantinovna Romanov and General A.A. Kireev.....	57

MATERIALS OF THE KARPATIAN EXPEDITIONS

<i>Nikolaev S.L.</i> (Moscow). The accent in the substantives with a-stem in the Karpatian-Ukrainian dialects (materials)	74

REVIEW-ARTICLES AND REVIEWS

<i>Vasilyev M.A. V.V. Sedov.</i> The Slavs in the antiquity	97
<i>Freidenberg M.M.</i> I. Voje. Nemirni Balkan. Zgodovinski pregled od 6. do 18. stoletja	104
<i>Boldov A.V.</i> Rola I miejsce Polski w Europie. 1914–1957; S. Gregorowics, M. Zacharias. Polska – Zwiazek Sowietki. Stosunki polityczne. 1925–1939.....	106
<i>Petrukhin V.Ya. L. Moszynski.</i> Die Vorchristliche Religion der Slawen im Lichte der slawischen Sprachwissenschaft	107
<i>Pop I.I. P.R. Magocsi.</i> Historical Atlas of East Central Europe.....	111
<i>Lapteva L.P. A. Gugin.</i> Serbian-Luzhician literature in the Enlightenment epoch. Short review; A. Gugin. Serbian-Luzhician literature in the Romantism epoch. From the Serbian-Luzhician Poetry; Zd. Boháč. České země a Lužice	113
<i>Tananaeva L.I. I.I. Svirida.</i> The Philosophers Century's Gardens in Poland.....	117
<i>Zlydneva N.V.</i> Руска емиграција у српској култури XX века	119

SCIENTIFIC LIFE

<i>Zhuravlev V.K.</i> "The Slavists case" – the tragedy of national science	122
New publications of Institute for Slavic and Balkanic Studies RAS.....	125

Технический редактор *В.М. Пахомова*

Сдано в набор 09.04.96 Подписано к печати 17.05.96 Формат бумаги 70 × 100¹/₁₆
Офсетная печать Усл.печ.л. 10,4 Усл.кр.-отг. 7,4 тыс. Уч.-изд.л. 12,1 Бум.л. 4,0
Тираж 691 экз. Зак. 4370

Адрес редакции: 117334, Москва, Ленинский проспект, д. 32а. Телефон 938-01-20
Московская типография № 2 РАН, 121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6

ФЕДЕРАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ПОЧТОВОЙ СВЯЗИ ПРИ МИНИСТЕРСТВЕ СВЯЗИ РОССИИ

КАТАЛОГ '96

газеты, журналы,
книги, учебники

УВАЖАЕМЫЕ ПОДПИСЧИКИ!

Журналы Российской академии наук можно выписать в любом почтовом отделении России по сводному Каталогу Федерального управления почтовой связи ("ФУПС"). Академические журналы объявлены в этом каталоге в разделе "АРЗИ".

Обращаем Ваше внимание!

Подписку можно оформить и непосредственно в редакции журнала с любого очередного номера. Это избавит Вас от значительной части расходов: цены редакционной подписки существенно ниже! К тому же вышедший номер Вы сможете получить в редакции сразу после выхода его из печати.

Пользуйтесь предоставленной Вам возможностью льготной подписки!

КНИГА СЕРВИС
Агентство "Книга-Сервис"

АРЗИ
Агентство по распространению зарубежных изданий

АРГУМЕНТЫ И ФАКТЫ
группа

СЕГОДНЯ

ДРОФА
Издательство "Дрофа"

АРР
Агентство Подписки и Розницы

АРПИ
Агентство по распространению печати издательства "Известия"

УГОДИЕ
УГОДИЕ
УГОДИЕ